

Казахстанский институт стратегических
исследований при Президенте Республики Казахстан

СВОЙ ГОЛОС

Памяти журналиста

Сборник статей, интервью и воспоминаний

Нур-Султан, 2020

УДК ...
ББК ...
С ...

Рекомендовано к печати Ученым советом
Казахстанского института стратегических исследований
при Президенте Республики Казахстан

Авторы проекта:
С. В. Сеницкая, Г. Г. Дильдяев, З. К. Шаукунова
Ответственный за выпуск: **Ж. С. Ордалиева**

С

Свой голос. Памяти журналиста: сборник статей, интервью и воспоминаний
– Нур-Султан: Казахстанский институт стратегических исследований
при Президенте Республики Казахстан, 2020. – 248 с.

ISBN ...

В книге Памяти журналиста Юрия Кириница – лишь малая часть его творческого наследия. Эти интервью, очерки, статьи в разные годы публиковались в различных изданиях, где он работал в течение своей полувековой трудовой биографии.

Газета, как известно, живёт один день. Минуют даты, устаревают события. Герои публикаций меняют службу, место жительства, уходят из жизни. Но кто сказал, что момент, схваченный журналистским пером, также недолговечен? Не только «рукописи не горят», газетные строчки, однажды родившись, продолжают лететь по таинственным и надёжным орбитам нашей памяти.

В этой книге, словно за одним столом, собрались многолетние друзья и коллеги Юрия Ивановича. Среди них – Анатолий Строев, президент Международного клуба собственных корреспондентов «Комсомольской правды», Валерий Жандаулетов, вице-президент Академии журналистики РК, университетские однокашники Валерий Володченко, российский писатель и поэт, и Александр Головинский, известный казахстанский режиссёр-документалист. Валерий Любич, искомётный мастер шаржа, компьютерный гений, беззаветно помогавший выпускать газету «Весь мир», ушедший из жизни на четыре года раньше её редактора... А веселье свои стихи и Александр, и он посвятили 60-летию Юрия Ивановича, последней, как оказалось, «круглой» дате его земного бытия.

Не говори с тоской: их нет, но с благодарностью: были, – повторим мы вслед за поэтом. Тем более что есть те, кто и, уходя, навсегда остаются с нами.

Для Казахстанского института стратегических исследований при Президенте Республики Казахстан Ю. И. Кириница навсегда останется «Часовым временем». В своей книге, посвящённой 20-летию Института, он написал: «Откладывая все свои дела, я спешу на свой пост за круглым столом в большом актовом зале КИСИ – под часами, которые отсчитывают часы и минуты нашей такой непростой, порой чертовски трудной, но безумно интересной эпохи...».

Эта книга – наш скромный дар светлой памяти талантливого журналиста, прекрасного человека, большого друга КИСИ.

© КИСИ (KAZISS) при Президенте РК, 2020

РОДОСЛОВНАЯ

Слово об отце

Память – ткань непрочная. Рвётся в самых неподходящих местах, цвета изменяет прихотливо. И когда приходит время сложить хоть с пяток этих полупрозрачных кусочков, чтобы соткать повествование об одном из самых дорогих тебе людей, которого вдруг вот так неожиданно не стало, начинаешь понимать, что сшивать и склеивать по крупницам ничего не нужно. Лучше просто представить жизнь отца как огромную, от пола до потолка картотеку – он, кстати, очень их любил, помогали они в журналистской работе не раз – просто открыть пару-тройку ящичков и оживить их содержимое. И все эти

летучие и неосязаемые картинки, звуки парада на Новой площади, запах октябрьского листопада на «Чоканке» – мне четыре, я держу отца за палец, целую ладонь мне пока не обхватить... Всё это само собой вдруг неожиданно сложится в слова, диалоги, темы и сюжетные линии. Может быть, тогда он увидится и другим людям таким же, каким его помню я. А папа скажет: «Ну да, так оно и было. Только не в Уральске, а в Гурьеве. Ты, Дементий, с географией Республики Казахстан не очень дружен. Но тебе, иностранцу, простительно».

...Мы стоим в полумраке музея и вглядываемся в один из экспонатов. В политкорректные американские времена – а на дворе лето 2016 года – музей мы с отцом выбрали совсем уж какой-то неформатный. Во время поездки по Восточному побережью США добрались мы до Музея Конфедератов, что в Ричмонде, штат Вирджиния. Отец внимательно всматривается в серую шинель солдата армии Юга, кавалериста Джеймса Стюарта. Солдат по нынешним меркам выглядит совсем тщедушным, просто мальчик. Рядом с увесистой саблей и замызганным седлом лежит пара револьверов, треснувшая фляга и прочий потрёпанный солдатский скарб. Шинель Джеймса в два ряда украшена здоровенными медными пуговицами. Под одной из них, аккуратно под самым сердцем конфедерата Стюарта, виднеется махонькая, почти незаметная дырочка. Отец грустнеет, плечи опадают, приметны становятся морщины. Он включает диктофон, просит меня перевести надпись под шинелью южанина. Я объясняю, что в нынешней Америке и музей этот и в целом любой памятник, посвящённый гражданской войне – тема очень болезненная. Многие вообще предлагают любые монументы, связанные с Конфедерацией, снести. Уничтожить, чтобы не расстраивать особо чувствительных сограждан. Мы потом ещё бродим с полчаса по полупустому музею, рассматриваем артефакты Гражданской войны Севера и Юга, охаем над потерями обеих сторон, но я чувствую, что отца не отпускает какая-то мысль. И уже возле самого выхода папа вдруг говорит: «Знаешь, сынок, чтобы помнили – так для этого памятники-то и не нужны. Я теперь, пока жив, не забуду шинель рядового Стюарта».

... По Уралу плывёт рыбацкий катер. В реке игриво тут и там изгибается осётр. Ведёт катер по реке белобрысый очкарик. И за пыхтящей посудиной и за очкариком приглядывают двое взрослых – его папа и здоровенный мужичина в тельняшке, по имени Саныч. Папа переживает, что сын крутанёт куда-то не туда, и «линкор» сядет на мель. Саныч спокоен, хотя и зорко следит за пацаном. «Юрьваныч, щегол у тебя – ураган, хоть и задохлик. Вот ты, к примеру, знаешь

разницу между полуглиссером и глиссером с двумя реданами? А вот Димка знает. Моряком будет, помяни моё слово».

Димка пунцовеет от гордости, Юрьваныч, которому ещё и самому на вид и тридцати нет, тоже расплывается в улыбке. «Моряк, верни руль Санычу, пошли икру лопать». Пацан нехотя разжимает побелевшие от напряжения пальцы, передаёт управление Санычу и, поглядывая на речного волка, извиняюще шепчет: «Не руль, папаня, а штурвал». Уже вечером, когда они возвращаются в гостиницу, тотально измождённые вниманием уральских моряков, рыбаков и где-то даже браконьеров к персоне собственного корреспондента газеты «Правда» и его пытливого отпрыска, папа вдруг обнимет своего очкарика крепко-крепко и шепнёт: «Сынок, я тобой очень горжусь».

Гордость отца сопровождала меня с самых ранних лет. Ему всегда казалось, что мои, в общем-то, скромные успехи, являются какими-то из ряда вон выходящими свершениями. Сын выучил арабский и провёл несколько лет в Каире. Потрясающе! Окончил технологический институт в Америке. Фантастика! Он работает в «Нейшнл Джиографик». Ну это вообще, что-то невероятное! Это совершенно естественное и понятное родительское чувство, которое теперь меня самого порой обуревают по поводу успехов уже моей собственной дочки и его, соответственно, внучки Шуры, папой было возведено в ранг какого-то непререкаемого культа. У меня даже было такое ощущение, что все его друзья-журналисты знают о моих перемещениях по карте мира с точностью как минимум до недели. «Говорил недавно с Сейтказы, рассказывал ему, как ты в Вашингтоне участвовал в презентации в российском посольстве фильма НатГео о Русской Арктике. Он очень интересовался».

Но ничто не могло обрадовать отца больше, чем чрезвычайно редкие мои газетные публикации. У отца была совершенно непререкаемая вера в моё литературное дарование, которая сохранилась до самых последних дней его жизни. Любые уверения в том, что писать я не умею и, по правде говоря, не очень люблю, отменялись напрочь. «Сынок, ну три страницы? Ну две? Ты же отлично пишешь, у тебя прекрасный русский язык».

Для меня лёгкость, с которой он творил многополосные публикации, навсегда останется непостижимой загадкой. Как он это делал? Где была эта волна, с которой, раз настроившись, он уже никогда не сошёл? Не щёлкнул ведь невидимый тумблер и не замер курсор на мониторе, не споткнулось перо. Статьи отца были всегда монолитны и написаны, что называется, за «один присест».

Со мной всегда было совершенно по-другому. Слова, фразы и извилистые тропы литературных композиций, так просто и складно выходящие из-под его пера, всю жизнь давались мне с небывалым трудом. Три-четыре страницы текста, которые он меня просил написать для его ли собственной газеты или с прицелом на публикацию в «АиФ», были для меня усилием почти непреодолимым, томительной прокрастинацией, сопряжённой с осознанием, что всё равно так хорошо и складно, легко и прозрачно, как он, я никогда не напишу. Но папа не сдавался. И вот уже написан первый абзац, пока ещё нескладно и неточно вырисовывается заголовок, торопливым многоточием топчется случайная цитата... Так, это я потом уберу, тут метафора получилась совсем нескладная... ага, это у меня калька – перевод с польского, похоже. И вот, глядишь, уже вторая страница подбирается, а тут и четвёртая. Чувствуешь, расслабляясь внутренне, что, да, написалось-таки, слепилось. Есть материал, можно выдохнуть. И ждёшь письма от отца, а он обязательно ответит в течение часа-двух и непременно на бланке газеты «Весь Мир». Начнёт, скорее всего, так: «Дорогой сынок. Ты написал замечательную статью...» Далее обязательно посетует, что зарыл я свой талант журналиста, закопал его напрочь, что вот могу же, когда захочу, и надо просто садиться, водить ручкой по бумаге или стучать по клавиатуре, а нужные слова, они сами придут, их только впустить надо. Они – здесь. И чувствую я всё чаще и чаще, что он тоже здесь. Слова его, точные, живые, осязаемые и горячие, не пронизанные ни хворью, ни усталостью, остались с нами. Вот и он не ушёл.

Дмитрий Кириницянов (Кирин)
США

Четыре лейтенанта

Много самых нежных, добрых и ласковых слов сказано о матерях. На всех языках народов мира. Было бы глупо с этим спорить. Женщина – хранительница очага. Мать. Сестра. Жена.

Но верно и другое. Отцам повезло меньше. А ведь не случайно созвучны два слова – отчество и Отечество. Одно без другого не существует.

Мой отец хлебнул в жизни лиха. Как и всё наше многостральное Отечество. Он не дожил два года до 40-летия Победы. Впрочем, лейтенант Иван Кириницианов не слишком любил вспоминать о войне. Как человек, который познал не парадную, не маршальскую, а настоящую окопную правду самой страшной и кровавой войны в истории человечества. У каждой семьи в то лихолетье была своя дорога, своя судьба. Была она и у нас...

Гуляли станичники

Последний солдатик отступавшей армии, волоча винтовку, протопал через затаившееся кубанское село. У крайней хаты попросил напиться. Хозяйка ответила грубо: «У советов проси!» Солдат в сердцах выругался. Хотел шамальнуть сквозь ставни. Да пожалел патрон. С тем и поплёлся восвояси. А наутро вся станица гуляла. Откуда только взялись самогон и сало. Разливался колокольный звон, прихорашивались девки и бабы. Старики готовили хлеб-соль и вспоминали известные с Первой

мировой немецкие слова. Ну как же – сама Европа в гости пожаловала. Слава богу, дождались освободителей. Землю раздадут, колхозы распускают. То-то заживём, станичники! Надо сказать, далеко не всем надеждам казаков довелось сбыться. Портреты ненавистного усача, конечно, убрали. Но заставили повесить в правлении бывшего колхоза изображение ещё менее симпатичной личности с косой чёлкой. В церквях службу разрешили. За что, конечно, спасибо Великой Германии. А колхозы нет, не распустили. Только вместо председателя назначили «руководителя». Оно и понятно: легче забирать «хлеб, млеко и яйки» в одном амбаре, чем обходить сотню казачьих подворий. Впрочем, моих будущих родственников эти новшества не коснулись. Будущих, потому что тогда я ещё не родился. Мой отец Иван Кириничьянов на фронте. Ранен, убит – неизвестно. Мать, Елена Ивановна с годовалым мальчишкой на руках, Вадиком, которому ещё предстоит стать моим старшим братом. И бабушка, Александра Васильевна Бондарева, в девичестве Евминова. Женщина волевая, решительная. Она окончила педучилище, работала учительницей. И умела укрощать самых несносных озорников. Это бабушка настояла, чтобы они втроём – бабушка и моя мама с малышом – отправились в эвакуацию. К сестре Фаине в Туапсе. Да вот, не успели. Фронт катился быстрее. И вот теперь она, жена опального священника, без особой радости вслушивалась в громкие переливы колоколов. За двадцать лет отвыкла от них. К тому же колокольный звон сопровождался пьяным гомоном и разудалыми криками. Как вдруг всё перекрыл жуткий визг. Выбежала на крыльцо. Цыгане! Недобрым ветром занесло их в эту станицу. Какая-то впечатлительная казачка решила, что пришельцы надумали покуситься на её добро. И потребовала немедленной расправы.

Я тебе погадаю!

«Тю, так это ж мои знакомые! Как же вы нас нашли?» – с нарочитой радостью бросилась бабушка наперерез «народным мстителям». Те оторопели. Бабушку в селе мало кто знал. Однако слово «учителька» действовало тог-

да безоговорочно, даже на самые горячие и пьяные головы. Те, кого она решила спасти, стояли, опустив головы. Подавленно молчали, приготовившись к самому худшему. Конечно же, они видели бабушку в первый раз. Так или иначе, удалось отвести казачьи нагайки от двух сморщенных старух, молодайки, смуглого пацанёнка и старика, который еле переставлял ноги. Бабушка с мамой приютили несчастных. Наутро те собрались в дорогу – куда глаза глядят. Молодая цыганка сказала на прощанье бабушке: «Я тебе погадаю». Та покачала головой: «Мне нечем расплатиться с тобой». – «А и не возьму ничего. Это я перед тобой в долгу». И не дожидаясь согласия, произнесла: «У тебя на фронте двое. Родный и неродный». Бабушка похолодела. Их страшную тайну в этой станице не знал никто. На фронт она проводила действительно двоих. Зятя и сына. Неродного и родного. «Неродный вернётся, когда жмыхи будут робить. А родного не жди». – «Убьют?» – «В дырку провалится», – последовал странный ответ. Как потом ни умоляла бабушка цыганку, та больше ничего не сказала. Мой дядя, бабушкин сын Константин Павлович Бондарев перед войной окончил танковое училище. На фронт ушёл лейтенантом. Погиб в страшном бою под Прохоровкой. Немцы подбили гусеницу, люк заклинило. Танк крутился и горел, а они всё стреляли и стреляли. Воронка становилась всё глубже. Дырка...

Мой отец тоже носил лейтенантские погоны. Как я уже сказал, он не любил рассказывать про войну. Я так и не сумел узнать у него, почему он не воспользовался законной бронью. Отец окончил Харьковский железнодорожный институт, работал в Запорожской области, на станции Пологи, где и родился мой старший брат Вадим. Железнодорожников на фронт не брали. И он мог вполне уехать в тыл. А заодно и увезти семью. Идейность? Верность коммунистическим идеалам? Но отец никогда не был коммунистом. Преподавателей уводили прямо с лекций, и думаю, он не заблуждался насчёт советской власти. Ещё в институте пытался писать стихи. Лирические и наивные. Мать вышла замуж с условием, что муж прекратит своё легкомысленное творчество. Человек, который рифмует слова, всегда подозрителен. И он скорее попадёт в поле зрения «органов», нежели простой инженер. Так она рассуждала, и я не в силах её осуждать. Ведь я никогда не жил той жизнью. Но и отец не смог объяснить жене, почему ушёл на фронт простым фельдшером, предъявив свидетельство об окончании медицинского техникума. Почему не показал диплом инженера? Не знаю, не знаю. А может, это я был не настойчив в расспросах. Наверное, это моя вина. На войне он особых подвигов не совершил. Обычная муж-

ская работа. Вытаскивал с поля боя раненых, полуживых, обгоревших бойцов. Выслушивал их стоны и мат. А потом делал перевязки, подавал хирургу вату и бинты. И, конечно, валился с ног от усталости. Потом был плен. Немецкий лагерь. Его спас украинский язык, потому что украинцев немцы отпускали. Документов у него, конечно, не было. Поэтому проверяли просто. Сидел немецкий офицер. И переводчик. Нужно было сказать одно-единственное слово: «Поляныця». По-украински – хлеб. Весь секрет в том, что последняя буква в этом слове не «я» и не «а». Нечто среднее. Русский человек сходу так произнести не мог. Но отец учился в Харькове на украинском языке и легко преодолел «экзамен». Стал пробираться к своим. Но по дороге его снова схватили. Побег, снова лагерь. И снова побег. До линии фронта он так и не дотянул. Ослаб сильно. Перекантовался зиму на мельнице, в «приймаках» у какой-то вдовушки. Колонну вели через хутор. Завшивленных, невымытых, усталых мужчин. Бойцов разбитой армии, которую бросили бездарные военачальники. Немцы по отношению к пленным тогда ещё не слишком лютовали. Потому что верили в свою победу. Одна женщина крикнула с надрывом: «Иван, мой Иван!» Десятки глаз устремились ей навстречу. Но она выбрала моего отца. «Забирай!» – равнодушно кивнул усатый фельдфебель, принимая в дар за отца бутылку с самогоном. Почему она выбрала бывшего лейтенанта? Не знаю. Наверное, судьба. А также предмет дотошного разбирательства в «СМЕРШе» и вечная тень в отношениях с матерью – до самой их смерти. Мама была однолюбкой. И не понимала, как за кусок хлеба и крышу над головой можно спать с чужой женщиной. Когда я стал взрослым, успокаивал её как умел. «Мама, это была война. Отец хотел выжить. Увидеть тебя и сына». Но она меня не слышала. Только смотрела невидящими глазами, тихонько плакала. Или отрешённо молчала. Перед смертью попросила похоронить её отдельно от мужа. Мой старший брат (я жил тогда в другом городе) вынужден был выполнить её просьбу. Вот почему я думаю, что рассказ о четырёх лейтенантах будет неполон, если я не вспомню о ней – Елене Ивановне Кириницяновой. Жене, сестре и матери.

Дочь священника

Познакомились они так: отец опоздал на первомайскую демонстрацию. За это можно было вылететь из «лекарского» техникума. А могли и срок припать. Политическое мероприятие как-никак. Он

опоздал буквально на пару минут. Увидел, что колонна демонстрантов, как большая гусеница, с бахромой из портретов и транспарантов, колыхалась далеко впереди. Он её еле догнал и пристроился в хвост. А там как раз была группа девчонок из сангига. Так в духе века, который все названия торопливо сокращал, называлось санитарно-гигиеническое отделение. Остроумный и находчивый Иван быстро со всеми перезнакомился. Но одна, белокурая серьёзная дивчина с большими глазами, пленила его сердце – как было принято выражаться в любовных романах, которыми зачитывались парни и девушки в те времена. Когда отца со всей комсомольской принципиальностью спросили, почему он игнорировал важное мероприятие, он, не моргнув глазом, соврал: «Так я ж с девчонками из сангига. Там у меня коханая». Вызванная для очной ставки «коханая» поняла, что у невесты откуда взявшегося «суженого» будут неприятности. И поэтому вынуждена была подтвердить: у них самые серьёзные намерения, после техникума распишутся. Хотя видела этого симпатичного нахала второй раз в жизни. Вот так и закрутилось. Наверное, ей сначала нравилось, что этот паренёк из Донбасса с лёгкостью рифмует строки, причём все они посвящены ей, Лене Бондаревой. Конечно, вирши были незамысловаты вроде «любовь-кровь» и «ожидая-обожаю». Однако некоторое приятное впечатление они производили. Но со временем моя будущая мама стала опасаться неожиданного дара своего «возлюбленного». Не только из-за того, что люди пишущие стихи, у советской власти были на особом «учёте». Дело в том, что Лена Бондарева жила с одной тайной в душе, которая потом, многие годы спустя, видимо, и привела её к смертельной болезни. Она, гордость курса, активистка и отличница, была дочерью священника. А значит, политически неблагонадёжной, обманувшей советскую власть. Её брак со «стихоплётом», пусть из шахтёрской семьи, мог оказаться роковым. Для неё и будущих детей. Конечно, она призналась во всём отцу, когда их отношения подошли к той самой развилке – «да» или «нет». Отец не оставил её, и это мне лишний повод его уважать. Её мать, Александра Евминова в 1910 году вышла замуж за выпускника духовной семинарии, будущего священника. Тогда ещё великая Российская империя спала сладким сном, и эта профессия была вполне престижной – не хуже других. Но тут наступила революция. Пришли большевики. И быстро разобьяснили несчастному народу, что бога нет, а все священники – дармоеды и кровопийцы, живущие за счёт пролетариев и трудового крестьянства. Церковь взорвали, всю утварь забрали в ЧК. Священникам сказали: «Пошли вон!» Каждый устраивался как мог. Поскольку в семинарии обучали не только Зако-

ну Божию, но и другим наукам тоже, Павел Бондарев стал преподавать в местной школе, вместе с молодой женой. А в свободное время не гнушался сапожным ремеслом. Мог подбить сапоги или починить ботинки. Про это узнали его знакомые, потянулись с заказами. Денег он с односельчан не брал. Но от шмата сала, каравая хлеба и бутылки самогона не отказывался. Поскольку в то беспокойное время жидкая валюта была самая твёрдая. Кто же знал, что это умение спасёт ему жизнь? Тем временем подрастала дочь, которая мечтала стать врачом. Хотя и понимала: мечте сбыться не суждено. Дочь священника – это клеймо на всю жизнь. Хорошо, если в прачки возьмут. Отец и мать судорожно искали выход. Всё решилось само собой. Однажды вечером к моему будущему деду заглянул бывший прихожанин и ученик, работавший в ОГПУ. «Дядя Паша, завтра ночью придём тебя брать. Беги!». Это был конец двадцатых, время довольно вегетарианское. Ещё не застрелился Маяковский и «великий пролетарский писатель» Максим Горький ещё не произнёс роковую фразу, ставшую моральным оправданием красного террора: «Если враг не сдаётся, его уничтожают». Дед собрал ящик с инструментами и сказал жене: «Ухожу. Напиши Ване в Пензу, пусть Лену удочерит». С тем и ушёл. Они жили тогда в большом и когда-то богатом селе Борисовке. Она то отходила к России, в Белгородскую область, то её передавали украинцам, в область Харьковскую. И поэтому здешние обитатели в большинстве своём одинаково свободно владели и русским языком и украинской мовой. В тот момент, когда к деду пришёл чекист, как я понимаю, это была украинская территория. Потому что мама поехала учиться не в Белгород и не в Москву. А в Харьков. Дед не без оснований рассчитывал затеряться в маленьких деревнях украино-российского приграничья. Ему удалось выправить новые документы, с которыми он благополучно кочевал десять(!) лет. Порою под покровом ночи появлялся в родном доме и исчезал, как дух, с утренним туманом. Иногда передавал деньги – с надёжными людьми. Бабушка через положенное время подала документы куда следует: «Пропал муж». Ну, поискали и успокоились. Мало ли забот у советской власти, чтобы за беглым священником-сапожником гоняться. Нехай пока живёт. Через год Лену удочерил Иван, брат Павла. Учитель. К учителям, в отличие от священников, советская власть относилась терпимо и во враги не зачисляла. И поехала Елена Павловна, ставшая Еленой Ивановной, в Харьков, учиться на врача. А её родной отец вернулся домой смертельно больной, накануне войны, когда уже понял: скоро конец. Но успел сфотографироваться с внуком, которому не исполнилось и года. На его возвращение никто не обра-

тил внимания. В ОГПУ, а затем НКВД несколько раз менялись кадры. Палачей расстреливали палачи. Про беглого священника, к счастью, просто забыли. Нет человека – нет проблемы.

Стихи под тополем

А мама так старалась! Училась на одни пятёрки. Понимала, что её в этой жестокой жизни может спасти только прилежание и упорный труд. И она оказалась права. Случилось то, чего она так боялась. Когда она была уже на третьем курсе мединститута, в Харьков приехал парень из Борисовки. Тоже поступил в мединститут. И – надо ж такому случиться – столкнулся с мамой в коридоре. Кинулся навстречу с распростёртыми объятиями: ну как же, землячка! А потом пошёл и написал заявление в ректорат: «Довожу до вашего сведения, что в нашем советском вузе учится поповская дочь. Чуждый социальный элемент». Будь стукачок опытнее, он бы сразу обратился в доблестные «органы». Неопытность подвела. А ректор, получив «сигнал», вынужден был пригласить к себе лучшую студентку факультета. «Как это понимать, Олена Ивановна?». Так на украинский лад звучало её имя. Она стояла ни жива ни мертва. Обман тянул на уголовную статью. И всё же протянула ректору справку об удочерении. «Мой отец пропал, я о нём ничего не знаю. Меня удочерил его брат». Я думаю, что ректор всё понял. И принял непростое для себя решение. Он пригласил бдительного мерзавца к себе в кабинет и спросил вкрадливо: а знает ли товарищ студент, что Елена Бондарева – дочь учителя? И об этом имеется документ, выданный уполномоченным органом советской власти. Если товарищ против советской власти, то он, ректор, сейчас сообщит об этом куда следует. На что перепуганный «товарищ» стал горячо утверждать, что он не против советской власти. А вовсе даже за. И с этими бормотаниями он начал пятиться к двери. Этого его испуга хватило на всю мамину студенческую учёбу. А потом была война. Эвакуация. И то самое кубанское село, с которого я начал свой рассказ. С чужим отчеством мама прожила всю свою жизнь. Какой она была? Небогатой, но, в общем-то, счастливой. Отец в конце концов удалось устроиться в какой-то проектный институт, на рядовую должность. После работы он заходил за мамой в санэпидстанцию. И они шли не спеша, через полгорода. Автобусы тогда плохо ходили. Я их сторожил на улице. И когда они появлялись, я мчался навстречу. Повисал на их вытянутых руках. Отец небольшого

росточка, в соломенной шляпе, в пиджаке и в широких брюках, которые ему всегда приходилось подгонять. Мама в ярком крепдешиновом платье. Его насквозь пронизывало уходящее солнце. А потом мы с отцом поливали огород из шланга. Пили чай на веранде. Выходили на крыльцо. Садились под тополем, который я собственноручно посадил. Отец читал стихи. Чаще всего Есенина «В жизни всё особою метой отмечается с ранних пор». Утром они торопливо собирались на работу. А я оставался дома и ждал той сладкой минуты, когда можно было лихо промчаться по улице Маяковского, загребая пыль ногами в цыпках. Под завистливыми взглядами корешей. Далеко не во всех семьях были отцы. А те, что были, так лучше, чтоб и не были. Один пил, другой дрался. Отец моего дружбана и тёзки Юрки дядя Володя сидел в тюрьме за грабёж. Такие вот были простые нравы. Лет пять назад я побывал в том самом старом доме. Одну часть улицы снесли. А наша удивительным образом осталась. Тополь спилили. Вместо него угольная яма. Огород был тоже заброшен. Впрочем, это уже другая история...

А тогда в пятидесятых и начале шестидесятых годов прошлого века мои родители просто жили и работали. Растили детей. Не ссорились. Не выпивали. Не буянили. Брат оканчивал школу и дежурил по ночам, чтобы подписаться на дефицитные книги. Мама водила меня на концерты и выступления чтецов. Тогда столичные артисты не первого плана объезжали провинциальные города. Несли, так сказать, культуру в массы. Помню, когда услышал знаменитое «Держи гроссмейстера!», чуть не упал со стула от хохота и какого-то щенячьего восторга. Мама работала врачом-бактериологом. Ездил в командировки по казахским аулам. Боролась с инфекциями и эпидемиями, как умела. Надо было, конечно, уехать из города, отравленного радиацией. Но они так пострадали без жилья. А тут всё-таки дом, хоть и на двух хозяев, но с разными выходами. Две комнаты, кухня с печью, веранда. Подвал, где можно было хранить соленья и варенья. Да и как я могу их осуждать? Что тогда знали о радиации? Ведомство Лаврентия Павловича, взорвавшее бомбу через полгода после моего рождения, умело хранить свои тайны. Мы переехали в Караганду только через 14 лет. Мама перенесла в Семипалатинске бруцеллёз и туберкулёз. А вот рак ей пережить не удалось. Первую атаку она выдержала. Рак груди тогда лечили одним способом – молочные железы просто отрезали. А через десять лет – рак лёгких. Три страшные болезни на одну жизнь – это всё-таки много для одного человека. Умирая, она мучилась: «Как же так, я от родного отца отказалась?» Я

утешал её как мог: «Время тогда было такое. Ты поступила правильно. Стала врачом. Нас с Вадимом вырастила». Мама моих утешений не слышала. Она всегда строго судила себя. Как и отца, впрочем. А ведь ему и без того досталось.

Рядовой из штрафбата

В СМЕРШе допрос вели весело, с прибаутками да мордобоем. Выясняли как бы между прочим: «Почему ж, ты, сука не бежал, когда окружали ваш лазарет? Почему пулю в висок не пустил, чтоб смыть позор со своей поганой морды?» И вытирая кровь с «поганой морды» тихо, но твёрдо отвечал отец очередному следователю. Не бежал потому, что раненых не мог бросить. А не застрелился? Так, гражданин начальник, мальчишка у меня растёт. Зачем же собственноручно сиротить пацана? Его ж надо на ноги поднять. Вы уж только поверьте. А я искуплю вину, кровью смою страшный грех перед Родиной. И поверила лейтенанту Ивану Кириницианову гуманная рабоче-крестьянская власть. Хоть и сорвала с него погоны, отправила в штрафбат. Простым миномётчиком. Так не его одного. В этом батальоне были и майоры, и полковники, и даже генералы. Не сломленные, не застрелившиеся. Самый страшный бой они приняли в Будапеште. И немцы и власовцы сражались здесь зло и отчаянно. Как будто это был их последний бой. Спасаясь от пуль, отец забежал в подъезд одного полуразрушенного дома. И... похолодел. Прямо перед ним стоял здоровенный немец. Шарил в под сумке, нащупывал магазин. А отец свой тоже расстрелял. Помню, как он рассказывал, будто не веря в давнюю удачу: «Шансов остаться в живых у нас – пятьдесят на пятьдесят». Это понимал и я, «русс Иван», и Фриц, Ганс, Фридрих или как там его». Любое движение могло стать последним. Сторожа каждый вздох своего невольного соседа, они медленно разошлись. Видимо, тоже судьба. Спустя много лет, кажется, в восьмидесятом, я бродил по узеньким улицам Буды и напряженно вспоминал отцовский рассказ. Прикидывал. Может, здесь. Или здесь. Впрочем, я забежал вперёд. Однажды во время очередного артралёта отца засыпало землёй, контузило. Попал в госпиталь. Ему вернули лейтенантские погоны – всё по-честному. После первого ранения или контузии штрафников «прощали». Старлея он получить уже не смог, хотя прошёл всю войну, до Вены. «Замаранным» не полагалось. Демобилизовали его только осенью 46-го. Когда на Кубани убирали

подсолнечник, давили из него масло. А то, что оставалось, называлось жмых. Самое вкусное лакомство в голодные послевоенные годы. Он разыскал тещу, жену и сына в станице. Пытался осесть там насовсем. А вот уж нет! Чужаков казаки не принимали. На Кубани им делать было нечего. К тому же все, кто с восторгом встречал немцев, снова стали убеждёнными коммунистами. Собрали мои родственники свои небогатые пожитки и отправились в Сибирь, в Омскую область, где в селе Соргатка работал мамин двоюродный брат, дядя Лёня. Районным военкомом. А там новая беда приключилась. Отец понимал, что карьера его закончена. На большую должность не претендовал. Устроился сельским фельдшером, подрабатывал ветврачом. Грамотных людей в глубинке было не слишком много. А уж с дипломом фельдшера и подавно. И надо же такому случиться: сдохла лошадь, которую ему выдали в правлении колхоза для командировок. Животное загнулось по старости. Да кто ж ему, бывшему пленному, поверит? Вызвал его председатель сельсовета – он к отцу по-доброму относился. Потому что сам воевал. И сказал, отведя глаза. «Бери, Ваня, семью в охапку и дуй на все четыре стороны. Пока в районе не узнали. Наши доблестные чекисты тебе десятку, а то и четвертак быстро нарисуют. Как врагу народа». Ночью отец погрузил всё семейство на лодку, чтобы переплыть через Иртыш. На другом берегу была пристань, ходили пароходы. Решили бежать в Казахстан. Больше шансов, что не найдут. А тут разыгрались волны. В лодке открылась течь. Чудом не утонули. И опять судьба? Сошли на земную твердь аж в Семипалатинске. «Почему, ты выбрал этот город, папа?» – пытал я его. «Там на пристани продавалась дешёвая картошка», – честно отвечал отец. Вот так, благодаря дешёвой картошке я и появился на свет. Но жизнь у нас складывалась не очень. На работу по специальности Ивана Кириничиянова не брали. Когда приходил устраиваться на работу, начальство сияло. В захолустном городе инженеров по его профилю было немного. Проблемы начинались позже, когда он заполнял анкету. Наиболее совестливые отводили глаза. Понимаете, Иван Дмитриевич, вчера на эту должность по разнарядке взяли другого. А наиболее принципиальные товарищи резали правду-матку в глаза. «Ты что же, штрафная гнида, хотел втереться в доверие? А, может, тебя в плену десять раз завербовали, и ты выдашь иностранной разведке секрет пропитки железнодорожных шпал?» Лишь теперь я понимаю, какую жизнь прожил, через что прошёл боевой офицер. Сколько унижений пришлось вытерпеть ему ради двух мальчишек, которых надо было

выучить и поставить на ноги. Сколько издевательств снести. Зачастую от тех, кто благополучно отсиделся в тылу и никак не пострадал. Отец ни разу не сорвался. Не набил морду очередному кадровику. Хотя мог бы. До института он рубал уголёк в Донбассе, куда приехал дед Димитриу с женой Устиньей. Перебрались они туда из Бессарабии. Впрочем, это особая история, я расскажу о ней в самом конце своих заметок. А пока продолжу об отце. Рука у бывшего шахтёра была тяжёлая. Испытано на себе. Но если бы дело дошло до драки, ему, бывшему военнопленному, дорога была одна – в лагерь. Он, слава богу, не спился. Не ушёл в загул. Брался за любую работу. Лейтенант запаса именно так понимал

свою боевую задачу – воспитать двух сыновей. Пошёл на «скорую» – санитаром. Там людей всегда не хватало. И на его анкету смотрели сквозь пальцы. Подрабатывал сторожем. Чертил какие-то проекты. Под чужим именем, разумеется. Потом всё-таки устроился инженером-проектировщиком. А ещё пописывал заметки. Не мог без этого, несмотря на мамино ворчание. Даже публиковал стихи к праздникам – в областной газете. К Новому году, Восьмому марта, Первому мая и 7 ноября. Так и выжили.

...Тридцать два года со мною нет отца. Чем дольше живу я и старею, тем больше поводов нахожу для раскаяния. Он как ребёнок радовался моим публикациям. Вырезал заметки, показывал их друзьям-фронтовикам, с которыми встречался в парке. Но почему я о многом не расспросил его, почему стеснялся показать свою любовь и нежность? Зачем убегал к друзьям, когда он оставался один с моими газетами у настольной лампы с зелёным абажуром? Ему так хотелось поговорить со мной, я же частенько раздражался. С годами старик стал плохо слышать. Слуховые аппараты тогда были прими-

тивные, у него болела голова. Разговора не получалось. Он складывал руки на груди, крест-накрест, оставаясь в одиночестве. Старый и больной. А перед ним на фото сиял улыбкой белозубый Константин Бондарев. В военной форме с лейтенантскими «кубарями». Они виделись всего пару раз, но успели подружиться. О чём вели нескончаемый диалог два лейтенанта, танкист и военный фельдшер, мне не суждено узнать никогда. Теперь я стараюсь помогать старикам, которые прошли через кошмар войны. В их морщинах и сединах пытаюсь разглядеть отцовские черты. И очень часто ловлю себя на мысли, что им надо не так уж много. Просто выговориться и быть услышанными. Но, оказывается, это не так уж мало. И я выполняю, как умею, свои обязанности сына фронтовика и лейтенанта запаса. Хотя совесть и саднит, как фронтовая рана. Нам не дано предугадать будущее. Как жить? Бескорыстных цыганок на свете больше нет. Не с кем посоветоваться. Могила отца сейчас в другом государстве. И пробраться через границы и таможни – как линию фронта перейти. Но согревает одно: отец не зря прожил свою жизнь. Его усилия не пропали даром. Брат окончил политехнический институт в Томске, я университет в Алма-Ате. В моем военном билете появилась запись «лейтенант мотострелковых войск». Потом были ещё какие-то, но эта мне кажется самой важной. Я всегда старался жить так, чтобы отцу было за меня не стыдно. Хотя всегда понимал: мне до лейтенантских звёздочек отца и дяди как до кремлёвских звёзд. Впрочем, мы просто живём в другой стране и в другое время...

Выйти из окружения

Мой брат Вадим получил лейтенантские погоны в Бресте, в семьдесят третьем. По причудливой прихоти начальства именно там проходили военные сборы студенты Томского политехнического. Почти всю свою жизнь он работал проектировщиком на крупном предприятии в милой южной республике. Одно время даже руководил проектным бюро, хотя никогда в коммунистах не состоял. А на руководящую должность рекомендовали только партийных. Видимо, ценили как хорошего специалиста. Но после распада огромной страны оказалось: всё, чего он добился в жизни – скромная квартира и нищенская пенсия. Он с этим как-то свыкся. Ко всему привыкает человек. Но вот с тем, что чужими в этой стране стали не только «русскоязычные», но и Пушкин с Лермонтовым, Гоголь и Толстой, Чехов

и Бунин – со всем этим он смириться не мог. И вот в шестьдесят с небольшим он решился на перемены в судьбе. Вывез свою семью в Россию – как выводит из окружения лейтенант свой потрёпанный в боях взвод. Я нечасто бывал у него в гостях. Жили в разных странах, за тысячи километров друг от друга. Но когда встречались, вспоминали родителей. Молчали. А что мы могли ещё сделать, два постаревших лейтенанта? 28 декабря в 14.00 я поднял телефонную трубку, услышал срывающийся голос его младшей дочери Оксаны и всё понял. Утром следующего дня вылетел в Россию, где он жил в небольшом городе Рыбинске, в сотне километров от Ярославля. Четыре часа до Москвы на самолёте, четыре часа до Ярославля на поезде. А там уже рукой подать до Рыбинска. Меня ждали. В комнатах занавесили зеркала. Лида, жена брата, постоянно плакала. Что-то говорила, как в забытьи. «Пошла готовить обед. Слышу из кухни: упал. Я к нему: «Вадик, ты не ушибся?» - «Вроде нет». И всё». Лейтенант Вадим Кириницианов в своей мирной жизни был скромным человеком. Молчуном. Все переживания – в себе. Авиазаводу в Ташкенте отдал тридцать пять лет – не шутка. Казалось бы, уехал, ну и уехал. А он расстраивался, получая весточки оттуда. Когда-то он гордился своей работой. А сегодня цеха завода пусты. Станки раскурочены. Всё, что можно открутить, сдали в металлолом. Люди по привычке ходят на работу, хотя зарплату им давно не платят. Конечно, такие новости не прибавляли здоровья. Да и новая жизнь радовала не особо. Семья жила бедно. Если честно – нищенствовала. Дочь, Оксану не брали на работу. Её, сероглазую и русоволосую женщину дотошно выпрашивали: «Вы, часом, не узбечка!?!». Выпускнице университета высокомерно говорили: «У вас там все дипломы за взятки куплены». И что скажешь? Что возразишь? На Родину приехали. Лида сдала в ломбард все свои украшения. Даже колечко, доставшееся от мамы. Буквально за копейки. Что-то я присылал. Но выжили благодаря зятю, расторопному и умелому Игорьку, который сначала чинил машины в автосервисе, а потом вместе с одним местным парнем научился монтировать сигнализацию. В наш беспокойный век – весьма полезная штука. Мой брат, беспартийный, русский, выпускник престижного Томского политехнического института, три года не мог получить российское гражданство. А значит, всё лечение – за деньги. И немалые. Южная республика за выход из гражданства требовала какие-то дикие суммы от полунищего старика. Наконец-то российские чиновники явили великую милость. Переселенцы пришли на почту, отправили свои старые паспорта в посольство. И получили рос-

сийское гражданство. Ему стали платить пенсию. Пусть небольшую, но регулярно. «Хорошо, что выбрались», – повторяла жена. Но стали одолевать болезни. Так фашисты окружали отставших и измученных советских бойцов. Весной прошлого года брат потерял сознание, прямо на улице. Люди у нас отзывчивые. Вызвали «скорую». Его положили в больницу. А тут майские праздники – как на грех. Страна широко гуляла. Врачи к нему не подходили. Он, видимо, переживал. Но не скандалил: неудобно. Лида пришла его забирать, а у него случился инфаркт. Прямо в больнице. Еле откачали. Летом я приехал в Рыбинск. Как чувствовал, что вижу брата в последний раз. Глаза у него были потухшие, безучастные. Я настаивал: «Надо полечиться в областной клинике, в Ярославле». Но они так и не собрались. Вадим сильно хворал. Ему было бы тяжело уезжать из привычных стен, жить вдалеке от дома. Хоронили мы его 31 декабря. Комки стылой земли ударили по крышке гроба. И я подумал: «Ну вот, ещё один лейтенант успокоился в русской земле». Обычная история русского человека, не по своей воле оказавшегося за рубежами Отечества. Было очень холодно. Градусов двадцать пять, с ветерком. Может, это судьба испытывала меня на прочность? Как бы там ни было, наутро столбик термометра резко пошёл вверх. Плюс один. Дороги развезло. С крыш капало. И от этой несуразной перемены в природе в первый день января было ещё горше...

Я - последний лейтенант

У меня есть сын Дмитрий. Он живёт в другой стране. Далеко, на другом конце Земли. Последний раз приезжал домой лет пять назад. Подолгу сидел в своей комнате, уткнувшись в монитор компьютера. Ходил к друзьям и одноклассникам. Я его не осуждал за это. Потому что мне казалось: он совершает те же ошибки, что и я. Но не знал, как ему об этом сказать. Потому что натыкался на его шутиво-снихождительный отпор. Нам надо было многое сказать друг другу, но мы молчали. Ему казалось, что жизнь долгая. Что он со мной ещё успеет наговориться. Я знал, что он ошибается. Жизнь безумно короткая. Но не мог объяснить ему это. Поэтому тоже молчал. Или говорил какие-то бодрые идиотские слова. В прошлом году я наконец собрался и отправился к нему в гости. Был повод: наш мальчик получил паспорт гражданина заокеанской державы, что совсем непросто. Он очень старался, и я оценил это. Он устроил нам с женой экскурсию

к океану, водил по великолепным музеям и кормил в дорогих ресторанах. Когда я пытался достать из бумажника купюру с изображением президента, он пресекал мои поползновения на корню. Даже взял отпуск на неделю, чего не делал 11(!) лет. Чтобы соответствовать правилам той жёсткой прагматичной страны, надо работать, работать и ещё раз работать. Тогда у тебя будет пусть и не шикарный, но практичный автомобиль. Счёт в банке и дом, за который надо ещё платить и платить. У сына появилась идея: перевезти нас с женой в эту благословенную страну навсегда. Но что я там буду делать? Кому я нужен со своими воспоминаниями и сомнениями? Ведь разговаривать нам по-прежнему будет некогда...

Но самое главное даже не в нём. Там, за океаном подрастает Саша, Шура, Александра Дмитриевна. Как и прапрабабка – весьма решительная и серьёзная во всех отношениях личность. Она увлекается всем сразу. То играет на трубе, а то в шахматы. И даже занимает шестое место на соревновании среди юных шахматисток штата. В общем, нормальный американский ребёнок. В школе её зовут Алекс. Меня в последнее время всё больше мучает мысль: что она знает о войне, которая расколола пополам прошлый век и всю нашу маленькую планету? Или вдруг не захочет узнать? Шура говорит по-английски, потому что родилась в этой стране. И по-польски – как её мама. К ней по воскресеньям приходит учительница русского языка, эмигрантка из бывшего СССР. Я свободно владею только русским, как всё наше послевоенное поколение. Поэтому и с внучкой мы разговариваем в основном жестами, перекидываемся какими-то невразумительными репликами. Как рассказать ей историю нашей семьи? Мог бы перевести сын, но ему некогда. Но самое главное, я чувствую: в этой благополучной, сытой и самодовольной стране своя история. И свои ценности, которые не будут мне близки никогда. Да что там говорить... Мой сын, как и его дочь, теперь носят мою, но сокращённую фамилию – Кирин. Чтобы новым соотечественникам было комфортнее её произносить. Я сына не осуждаю: это его выбор. Ему так удобнее, ничего не поделаешь.

Но не утихает боль, ноет сердце. Я остался единственным мужчиной с фамилией Кириницянов. Подмога не подоспеет, боевые товарищи не придут. От болезни, от печали и грусти буду «отстреливаться» – как умею и сколько смогу. Ведь я – последний лейтенант.

Вспоминаю и молюсь...

Наверное, на этом можно и закончить. Но думаю, что надо сказать несколько слов о родителях отца. Это тоже поучительная история. Наш род берёт своё начало в Бессарабии. Эта территория то находилась под румынами, то попадала под власть российской короны. На стыке двух веков, девятнадцатого и двадцатого, в одном селе жил крепкий, густобровый парубок – Димитриу Кирциану. В переводе с молдавского «скрипит дверь». Жених – на загляденье. Но почему-то приглянулся он молодой вдовушке Устинье. Она считалась выгодной партией, поскольку владела корчмой. Если перевести на современный язык, это всё вместе – ресторан, гостиница и стоянка. То бишь конюшня, в которой отдыхали проезжие лошади. Граница рядом. Контрабандисты, коммивояжры, солдаты – всем нужен отдых. Ломоть брынзы с луком и помидором да чарка доброго виноградного вина. Корчма досталась ей от старого мужа, который польстился на красоту и молодость, да сердце не выдержало. Так бывает. И вот парубок стал захаживать в корчму, начал оказывать Устинье знаки внимания. Но жениться не торопился. Поскольку был моложе вдовушки лет на семь или даже восемь. Но друзья уговорили. «Женись, Димитриу, разбогатеешь!» Он и женился. Но с неба свалившееся богатство пользы не принесло. Свадьбу гуляли так неистово и широко, что пропили корчму. И всё, что там было. А потом дед, придя в себя, заявил молодой жене, потрясённой таким размахом веселья: «Собирайся, Устинья. Поедем на Донбасс уголёк рубать». Там в горнячком посёлке на руднике, неподалёку от Горловки, у них и появился первенец Иван. Дед всю жизнь

работал в шахте. Выпивал, и крепко. Однажды его завалило. Он выбрался чудом. И по этому поводу запил ещё сильнее. Они умерли в один день – дедушка и бабушка – во время того проклятого голодомора. Отец в это время учился в Харькове. Для благозвучия переделал свою фамилию на «Кириницаианов». Тогда это было несложно. Студенты тоже жили впроголодь, но всё же выживали. Отец подрабатывал грузчиком. Репетиторствовал. Он разрывался между Харьковом и Горловкой. Между лекциями и родительским домом. Приезжал домой и тут же мчался в институт. Возил продукты, которые выменивал или покупал из-под полы. И вот однажды не успел. Приехал, а они уже неживые. Мне кажется, эта история мучила его всю жизнь – как маму чужое отчество. Опоздав тогда, он всю свою силу и доброту вложил в нас, двоих сыновей. Спасибо, отец, за то, что ты жил на этом свете. За то, что воспитал брата и меня так, как воспитал. За то, что я пишу сейчас это запоздалое признание в любви. Видно, такая судьба у нас, сыновей. Мы стесняемся высоких красивых слов, а потом казним себя всю оставшуюся жизнь.

...В день рождения и смерти родителей я прихожу в Никольскую церковь. Стараюсь выбрать время ближе к вечеру. Служба уже закончилась, в храме немногочисленно, тихо, спокойно. Можно побыть наедине со своими мыслями и воспоминаниями. В нашей семье никогда не говорили о Боге. И можно понять, почему. Наверное, отец и мать оберегали своих сыновей от опасных, как им казалось, знаний. В те годы ходить в церковь власти уже не запрещали, но и не приветствовали. Брат мой и я крестились уже взрослыми, самостоятельными людьми. Это был наш собственный, а не родительский выбор. Каждый раз, приходя в церковь, я думаю: что бы они сказали, узнав, как изменилась жизнь? Я ставлю свечи. Подолгу стою у лика Богородицы, глядясь в осуждающие и всепрощающие глаза Николая-угодника. Я не знаю, почему я выбрал именно эти иконы. Быть может, это родители мне подсказали? Горят свечи, потрескивая еле-еле. Под куполом эхо чьих-то тихих шагов. Я стою, вспоминаю. Молюсь. За себя. За родителей. За свою семью. За всех сыновей и отцов...

Республика Казахстан –
Российская Федерация –
Республика Украина –
Соединённые Штаты Америки
«Весь мир», № 65 (май-июнь) 2015 г.

Уходят мальчики. 10-й «А»

День учителя у нас стал всенародным праздником. Потому что его отмечают не только педагоги, но и бывшие ученики. Такие как мы, собравшиеся в уютном зале одного из ресторанов славного шахтёрского города.

Мне 17 лет

...Я стою посреди спортивного зала, где проходит последняя в нашей жизни торжественная линейка. Я стою, сжимая в руке тетрадку со своими каракулями. Это стихи, которые я сочинил сегодня ночью. Мне не нужно заглядывать в тетрадку. Эти строчки живут во мне. А вокруг девчонки в белых фартуках и с белыми бантами. Учителя в ярких платьях, в которых они никогда не приходили на уроки. Тут же о чём-то перешёптываются родители выпускников. Ищу глазами маму, отца. Так, всё, надо начинать. Я отчаянно рублю воздух рукой, подражая Владимиру Маяковскому, в то время любимому поэту. И от смущения и неловкости почти кричу:

Я не хочу вам говорить о ком-нибудь -

Лежит за нами прошлого черта.

Вы этот миг, пожалуйста, запомните:

Уходят мальчики.10-й «А».

Сейчас люди жалуются на поспешные, нелогичные, а зачастую просто нелепые реформы в образовании. Увы, это началось не сегодня и даже не вчера. На нашу долю выпал переход с 11-летнего образования на десятилетку – в очередной раз. И так называемая профориентация. Когда собирали девятые классы в 1965 году, каждому выбирали какую-то профессию. Наш 9-й «а» было решено «сориентировать» на сантехников. Их, видимо, не хватало шахтёрскому городу. Поэтому набрали одних мальчишек – почти сорок человек. Раз в неделю к нам приходила миловидная девушка из какого-то СМУ. Что-то там вещала про муфты и фланцы. Усваивали мы эту науку не слишком усердно, поскольку любовались её стройными ножками. Каждый в силу своей молодой, рвущейся на простор мужской силы, пытался завладеть её вниманием. Потом нас зачем-то водили по заводским цехам и, в конце-концов, пристроили у кучи старых труб, на перекур. Наставников можно было понять: в цехах, у станков, мы могли бы изувечиться и учителей своих подвести под статью. Надо ли говорить, что такое учение впрок не пошло. До сих пор вода, капающая из крана, или неисправный бачок вызывают у меня тихую панику...

Три товарища

Мы дружили втроём. В дружбе как в любви. Почему выбираешь этого, а не другого? «Тайна сия велика есть». Существует, видимо, какая-то химия.

Валера Усов. Высокий, чуть ссутулившийся. Мы его называли почтительно – Шеф. Он как бы стеснялся своего роста. Валера знал, что станет архитектором. Его отец Роланд Мантель, из ссыльных немцев, отмотал свой лагерный срок, чтобы потом получить полную реабилитацию и возглавить институт «Карагандагипрошахт». Надо сказать, такие биографии в нашем славном городе никого не удивляли. Караганда – город бывших зеков, обычных и политических. Чуть разбавленный обычными людьми, то есть не сидевшими. Валера окончил архитектурный институт. Даже защитил диссертацию. Потом создал свою консалтинговую фирму в Пензе. Ему в моём производстве посвящались следующие строки:

Высокий моложавый архитектор
Герой труда. Страна его возглавила.
Руками всплескивает Клавдиалексевна:
«Я Усову напрасно двойки ставила»!

Здесь всё правда. Знаток великого русского архитектора Мельникова и француза Корбюзье, наш Шеф терпеть не мог географию. Был уверен, что столица Австралии Сидней или в крайнем случае Мельбурн. Однако подлые австралийцы предпочли этим замечательным городам Канберру. И поэтому от строгой географички огребал порой по полной. Он не получил от страны Звезду Героя. Так ведь и страны прежней нет. Зато выстроил по своему проекту великолепный, уютный и удобный дом на краю Пензы, на границе с вековым лесом. Красотища там неопишная! И разве такой дом для настоящего мужчины не равноценен самой высокой награде?

Саша Яковлев был противоположностью Усову - прямой, резкий. Если в чём-то был уверен, переубедить его не удавалось никому. Он принадлежал к детям карагандинской элиты. Его отец (для нас дядя Витя) был главным инженером одной из самых крупных шахт. Звали работать в Москву - отказался. Любил свою работу, свою шахту и свой город. Санька никогда не важничал, не задавался. А свою принадлежность к элите демонстрировал своеобразно. Приглашал нас к себе домой и демонстрировал чудо техники, магнитофон «Айдос». Мы зачарованно слушали, вдыхали и впитывали хриплый голос барда:

Не пройдёт и полгода, как я появлюсь,
Чтобы снова уйти, чтобы снова уйти на полгода...

Яковлев прекрасно плавал. Ездил на какие-то соревнования, получал награды, о которых мы даже не подозревали. Но однажды мы поехали на велосипедах километров за тридцать. (Велосипеды были нашим общим увлечением). Разделись на берегу тогда ещё полноводной речки Нура. Пока мы с Усовым примерялись к купанию, Яковлев сиганул под воду и появился только у другого берега. Звали мы его Рамбулье - есть такая разновидность барашков - за кудрявые, волнистые волосы. (Эх, где наши с тобой волосы, Саня!) Он окончил Куйбышевский авиационный институт. Был парторгом завода, главным инженером, директором. Не потерялся и в новых временах. Долгое время служил вице-президентом крупной строительной компании. Пару лет назад я был в Самаре у него в гостях. Микрорайон «Южный город» - это что-то! Купеческий размах в сочетании с современными технологиями. Десятки красивых многоэтажек, школы, спортивные дворцы, стадионы. Сейчас он советник генерального директора. Тот его не отпускает на заслуженный отдых. Понимает: такие специалисты, как Александр Викторович - товар штучный.

Не обошёл я в том самом стихотворении и себя, любимого. Кстати, меня в нашем узком кругу называли «Коллегуc». Почему? Не знаю до сих пор.

Мечтаю, может, чуточку нескромно –
Возьмёт директор томик небольшой:
«Кирнициянов. Пишет. Он, мне помнится,
До некоторой степени был мой».

Тут всё - правда

Дело в том, что после 9 класса директрису нашей 63-й спроварили на пенсию. И назначили директором бывшего инструктора обкома партии. Звали его, если не ошибаюсь, Борис Урбесинович Урбесинов. А мы его звали за глаза по отчеству – Урбисинич. Тогда в стране и в партии существовало такое негласное правило: когда в руководящем органе понимали, что ответработник партийную карьеру не сделает – в силу возраста или по отсутствию властных амбиций – его выдвигали на какую-то не слишком ответственную, но руководящую должность. Например, директором школы. Урбисинич оказался мужиком невредным. Партийными собраниями учителей не мордовал. Понимал: главное – не мешать отлаженному процессу. Вёл себе историю в пятых-шестых классах, там ему было спокойнее. Любил повторять «до некоторой степени», но пятиклассники на это внимания не обращали. Фамилию мою он так выговаривать и не научился. Да и не надо. А что касается стихов, то к третьему курсу журфака с ними было покончено. Да и что можно сказать после «Я помню чудное мгновенье!» и «Ты жива ещё, моя старушка? Жив и я, привет тебе, привет». Томики появились, но это мои диалоги с политиками, экономистами, учёными. Моя теперешняя жизнь, которую я не променяю на лавры популярного поэта. А что касается фамилии... Кому надо её запомнить – помнят и выговаривают. Ну а нет – так нет. В университете, во время занятий по военному делу, майор Баранов называл меня Карикасьянцем. А вот наш химик Артур Карлович, из ссыльных, с вечно красными глазами от химических реакций и близости к неограниченным запасам спирта, меня называл «Негомицианов». Нормально. Ну и конечно, наша самая главная учительница – по литературе. Антонина Ивановна Полятыка. Трудно представить, что она учила нас два года, а потом я полвека с ней переписывался. Звали мы её ласково – Антонина. Застой тогда ещё не начался, Леонид Ильич не

был многозвёздным памятником самому себе. Дух двадцатого съезда ещё не выветрился - ни из университетских аудиторий, ни из школьных классов. До усмирения мятежной Праги оставалось два года. И мы жадно глотали воздух свободы. Втроём выпускали «полуподпольное»

В гостях у любимой учительницы
Антонины Ивановны Полятыка

издание, газету «Наш листок». Вместо слогана, призывающего соединиться неведомых пролетариев, в правом углу этой газеты красовался гаечный ключ, оружие всякого уважающего себя сантехника. «Подвозили» мы крепко, доставалось всем - и школьникам, и учителям. Несколько тетрадных листочков, сложенных один в один. Комсорг (!) Юрий Попович рисовал едкие карикатуры. Газету зачитывали до дыр. Но на нашу «диссидентщину» учителя смотрели сквозь пальцы, да и Антонина за нас стояла горой. Она научила нас главному: самостоятельно мыслить. Поощряла споры. «Евгения Онегина» нам давали по Белинскому. А я, злой мальчик, отправился в библиотеку (Гугла и Википедии тогда, по счастью, ещё не существовало) и, вооружившись Писаревым Дмитрием Ивановичем, разделал пушкинский роман «под орех». Антонина даже красными пятнами пошла от возмущения. Ведь я покусился на «наше всё». Но не прервала, не помешала моему пламенному спичу. Такие были времена.

Наша любимая Антонина ушла из жизни совсем недавно, два года назад. Похоронила мужа, Виталия Ульяновича, braveго полковника, прошедшего всю войну. Оставила двух замечательных дочерей - Галю и Лену, внуков и внучек. Да что там говорить! Далеко не все из наших мальчишек переплыли эту широченную реку - пять десятилетий. Это вам не степная Нура. Так что со временем слова «Уходят мальчишки, 10-й «А», приобретают прямой и неизбежный смысл. Но не надо о грустном.

...Как-то мы сидели втроём на веранде Валеркиного дома в Пензе и кто-то сказал: «А не съездить ли нам, братцы, в Караганду?»

Саша разыскал в «Одноклассниках» Хусаина Альменова, нашего бессменного старосту, преподавателя политехнического института. Тот собрал оргкомитет. И колесо закрутилось. И вот я уже слышу в телефонной трубке голос сегодняшнего директора школы Клары Альжановой: «Ну, конечно, приезжайте! Ждём вас!». Ну и как тут не вспомнить стихи:

Эй, выше нос! Грустить не надо, братцы!
У нас у каждого своя судьба.
Так жизнь устроена,
Что надо расставаться.
Уходят мальчишки. 10-й «А».

«Аргументы и факты. Казахстан», 04.10.16 г.

Нас всегда было трое. Мы шли по жизни рядом, со школы.

Потом мы разъехались, но всё время приезжали другу к другу, потому что мы так и оставались всегда троём.

Ты очень много сделал в этой жизни, мы всегда гордились твоими успехами, твоей уникальной газетой и нашей дружбой.

Прости, что нас не было в час прощания с тобой. Нас всё равно трое, ты с нами, мы с тобой.

Так и будет.

Валера, Саша

Послесловие

Несколько лет назад друзья собрались в Пензе, у Валерия Усова. Дом у него достраивался, и кому-то из троицы пришла в голову идея, которую сразу же осуществили. На дощечки шлепнули по совку цементного раствора, приложились ладонями. Этот слепок руки Юрия, с маленькими инициалами сбоку – ЮИК. Руки, которой он написал, наступал на пишущей машинке, на компьютере многие тысячи строчек журналистских материалов. В том числе и те, которые вошли в эту книгу.

РЕКОМЕНДАЦИЯ

В течение двух лет КИРИЛИЧЕНКО Юрий Иванович активно участвовал в работе редакции областной газеты "Индустриальная Кореянка", являясь сотрудником нештатного отдела школ и курсов. В газете печатались его стихотворения, заметки и информация. Участвовал в проведении реброзовских рейдов.

Тов. КИРИЛИЧЕНКО в получении редакции относится серьезно, добросовестно; стремится стать профессиональным журналистом. Редакция "Индустриальной Кореянки" считает, что у него есть для этого данные и рекомендует его на учебу, на факультет журналистики.

РЕДАКТОР ГАЗЕТЫ
"Индустриальная Кореянка"

В. СКОРОБОГАТОВ

"18" июля 1966 года.

П Р И К А З
Министра обороны

ЛЕНИНСКАЯ СМЕНА

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

№ 2 (150)
25 июля
СРЕДА
1970
Год издания 84

ОРГАН КАЗАХСТАНСКОГО ШТАБА
ВСЕОБЩЕГО СТУДЕНЧЕСКОГО СТРОИТЕЛЬНОГО ФОНДА

НА СТУДЕНЧЕСКОЙ СТРОЙКЕ

НЕ ИЗМЕНИ СЕБЕ

ЛЕНИНСКАЯ СМЕНА ОРГАН ЦК ЛКСМ КАЗАХСТАНА

г. Алма-Ата, №. Покровская, 53
Телефон 3-44-01, 3-43-45

№ 3 4. июль 1970г.

УДОСТОВЕРЕНИЕ

Выдан настояще удостоверение КРИВИЦКОМУ Ивану
в том, что он является членом корреспондентом газеты "Ленинская Смена".
Удостоверение действительно по 1. июля 1970г.

Телефон ГЖИ 55 с. Зона 374-380

**ТЕ,
С КОТОРЫМИ
ОН...**

Касымжомарт ТОКАЕВ

ISBN 9967-0-0000-0
123

Токеев К.
Дипломатические очерки. — Алматы: «Анжиян» ПНП, 2003. — 200 с. — 123 экз.

ПРЕОДОЛЕНИЕ

Дипломатические очерки

*Юрию Кириничу Язову,
известному журналисту,
с уважением и наилучшими
пожеланиями!*

Токаев

18/3 2003

Алматы — 2003

Собственный корреспондент

В советские времена их имена были на слуху у всей необъятной общей страны. Они представляли в качестве собственных корреспондентов по Казахстану массовую трибуну СССР – газеты «Правда», «Известия», «Литературка», АПН, Всесоюзное радио, Центральное телевидение. Их

немного, пальцев рук достаточно, чтобы перечислить, но какие имена! Ануар Алимжанов, признанный советский публицист-писатель, Эдуард Мацкевич, Геннадий Бочаров, Мурат Байжанов, Григорий Дильдяев, Олег Квятковский, Юрий Кириницаев, Иосиф Маляра, Дукеш Баимбетов, Виктор Глуховцев, Тлеужан Есильбаев... Мэтры пера и микрофона высочайшего класса!

С развалом СССР талант вышеуказанных личностей, с которыми я имел честь дружить долгие годы, остался востребованным, но уже в паритетных российских изданиях, продолжающих выходить в Казахстане, – «АиФ», «Комсомольская правда», «Московский комсомолец».

Все мы, как говорится, ходим под Богом. Вот и пришлось с горечью, с тяжёлым сердцем попрощаться с человеком, носившим редкую фамилию – Кириницаев. Трёх недель не хватило моему однокурснику Юре до 70-летия...

Он достойно представлял Казахстан в нескольких общесоюзных газетах – «Комсомолка», «Правда», «Строительная газета», «Рабочая трибуна». «Российская газета». Единственная семейная чета полпредов советской прессы в Казахстане, жена Юрия Светлана Синицкая много лет была собственным корреспондентом «Пионерской правды» и «Учительской газеты».

Юрий Иванович оставил огромное творческое наследие из блестящих очерков, зарисовок и интервью, жанра, в котором ему не было равных. Последние годы он работал политическим обозревателем «АиФ. Казахстан», а потом и главным редактором этого массового и популярного издания. Неугомонный, преданный госпоже журналистике всем своим существом, шестнадцать последних лет

жизни он вдобавок ко всему издавал ещё и собственную газету «Весь мир» – полноформатную, многоцветную. Последний номер – 86-й – мы унесли с собой с поминального обеда как память о коллеге.

Журналисты, увы, живут недолго. Именно из-за того, что лежат словом души людей. Но, видно, и на том свете Бог нуждается в талантливой пастве...

**Сагымбай Козыбаев,
президент Академии журналистики РК,
доктор исторических наук,
профессор, лауреат премии Президента Республики Казахстан в
области СМИ**

«Новое поколение», 28.02.2019 г.

Земля, объяснись с человеком...

Утихли митинговые страсти по поводу продажи земли иностранцам. Самое время спокойно и взвешенно обсудить назревшую проблему. Об этом размышляет Серик Сейдуманов, депутат Мажилиса Парламента, член комитета по экологии и природопользованию.

– Серик Турарович! Президент страны поступил совершенно правильно, остудив политические страсти. Необходим спокойный анализ сложившейся ситуации. Но не будем забывать: до конца года надо найти решение, которое устроило бы большую часть общества. Я знаю, что вы принимали участие в разработке изменений и дополнений в Земельный кодекс, который был принят в 2003 году. Как вы думаете, что же всё-таки произошло? И где выход из сложившейся ситуации?

Без митинговщины!

– Я выделил бы три вопроса, которые всегда волнуют общество и вызывают волну подъёма народного духа. Первое – земля. Второе – язык. И третье – религия. Все эти вопросы сегодня так или иначе находятся в процессе обсуждения. Вопрос по земле – это долгая и в чём-то мучительная проблема. Мы сегодня обязаны найти решения, на которые у других государств уходили столетия. В настоящее время актуальными становятся и другие вопросы. Вот вам пример. Казалось бы, никто не возражает: молодое поколение страны должно свободно общаться на трёх языках. Но для такого обучения необходимо подготовить квалифицированные кадры, выработать современные методики, провести глубокие, фундаментальные исследования. В каком возрасте начинать

обучение? В детском саду? В школе? А если в школе, то с какого класса и с какой интенсивностью? Есть известный государственный деятель, ему 93 года. Он мне как-то говорит: «Серик, скажи там, где надо: пусть пожалеют наших детей. Пришла правнучка, первоклассница: «Аташка, у меня всё в голове с этими языками перепуталось!» И я думаю, что над словами аксакала нужно задуматься. В любых реформах должны присутствовать здравый смысл, логика. То же самое с религией. Казалось бы, надо радоваться: у нас возводятся мечети, а значит, возрастает духовность. Но вместе с этим мы получили всплеск религиозного экстремизма.

– **Перефразируя слова известного поэта – «Земля, объяснись с человеком!»**

– Такая работа ведётся. Спокойно, вдумчиво, без митинговщины. Знаю об этом не понаслышке. Я принимал участие в рабочей группе мажилиса парламента прошлого созыва по этому вопросу. И в этом созыве парламента мы продолжили эту многотрудную и многоплановую работу. Кроме этого, как вы знаете, создана комиссия по земельной реформе, куда вошли известные политики и общественные деятели, в том числе и оппозиционного толка. Мы все работаем в тесном контакте. Надо максимально учесть все настроения и мнения, в том числе и протестные.

– **Поговорим о «правилах игры». Если человек решил заняться сельским хозяйством или построить дом на дачном участке, он должен быть уверен, что не нарушает законов Республики Казахстан.**

– Такую уверенность ему даёт Земельный кодекс, принятый тринадцать лет назад. Частная собственность на землю – неотъемлемое право каждого гражданина Республики Казахстан. Независимо от национальности, политических и религиозных взглядов. Землём может владеть и юридическое лицо, зарегистрированное в стране. Причём и контрольный пакет акций, доли в размере 51 процента, должен принадлежать казахстанской стороне. По-моему, с этим всё ясно.

– **Более чем.**

– Теперь разделим понятия. Земля сельхозназначения и земля в любом населённом пункте. В селе или в городе. Сейчас страсти кипят вокруг земель сельскохозяйственного назначения. Можно ли продавать их иностранцам и казахстанцам? На сегодняшний день картина вполне определённая: иностранец не может купить землю при любых обстоятельствах. Этот принцип гарантирован законом, подзаконными актами и всей системой оформления земли в собственность. Уверяю – ни во властных структурах, ни в обществе нет ни одного человека,

который сказал бы: давайте продадим землю сельхозназначения иностранцам.

Видишь ли, Джонни...

– В таком случае давайте проиграем ситуацию. Приходит к нам иностранный инвестор. Условно – Джон Смит. И говорит: «я хочу поставить у вас завод». Мы отвечаем: прекрасно! Ведь это новые рабочие места и налоги в бюджет. Он строит завод. А потом мы говорим: «Видишь ли, Джонни! Земля, на которой стоит твой завод – государственная. Ты её у нас арендуешь. Ситуация изменилась, мы повышаем стоимость аренды в десять раз». «Это есть грабёж!» – негодует незадачливый инвестор. Подаёт на нашу страну в международный арбитраж. И как мы будем выглядеть после этого?

– Нет, не так. Завод не возводят на землях сельхозназначения. А только в населённых пунктах. Причём туда должны быть проведены все коммуникации: дороги, электричество, водопровод и канализация. Как во всём мире, земля под заводом может быть выкуплена в частную собственность той компанией, которая его построила и эксплуатирует. Есть ещё один нюанс. Недра остаются в собственности государства. И если под заводом найдут нефть или другие полезные ископаемые и государство решит их добывать, то дело придётся рассматривать в суде. Хозяин завода получит компенсацию. Но, как вы понимаете, такая возможность чисто теоретическая. Прежде чем фирма начнёт строительство объекта, она собирает полную информацию о земле. В том числе и по недрам. Во всяком случае, за 25 лет суверенного Казахстана таких конфликтов не припомню.

– Вроде всё просто. В таком случае, откуда непонимание граждан и власти? Что могло так возбудить народ в разных городах Казахстана?

– Я считаю, что земельный вопрос стал неким спусковым крючком. У людей накопилось немало вопросов к правительству: девальвация тенге, подорожание лекарств, повышение коммунальных тарифов. Да и разъяснительная работа, в том числе и в социальных сетях, у нас была налажена недостаточно. Это надо признать откровенно. То есть посчитали, что и так всё ясно. А люди попросту не смогли разобраться. При этом нельзя не замечать и то, что какие-то политические силы захотели использовать ситуацию в своих, узкокорыстных интересах.

– Хочу продолжить вашу мысль о совместных предприятиях.

Допустим, что собственник завода – казахстанско-американское или казахстанско-китайское предприятие. А можем ли мы считать землю частью уставного капитала? То есть казахстанская сторона вкладывает землю и рабочую силу, а иностранцы – технологию и оборудование?

– Земля имеет стоимость – кадастровую и рыночную. Так что такой вариант исключить нельзя. Главное, чтобы 51 процент акций или доли принадлежал казахстанским бизнесменам. Я хочу сказать, что любое СП с участием иностранного капитала должно играть по общепринятым правилам, как и местные предприятия. Департаменты юстиции отвечают за то, чтобы всё было законно. Тут ничего нового мы с вами не придумаем. Это общемировая практика.

Минус 15 процентов

– В обществе муссируется тема о том, что каждому гражданину Казахстана положены 10 соток земли – бесплатно. Центры обслуживания населения осадили толпы страждущих. Хотя понятно: вокруг Алматы все земли давно поделены. Тем не менее миллионы гектаров земли у нас не используются...

– В городах каждый имеет право оформить полученные в установленном порядке 10 соток земли в собственность, а в сёлах до 25. Бесплатно. Соответственно, для индивидуально-жилищного строительства или ведения подсобного хозяйства. Правда, до окончания моратория все операции с землёй пока прекращены. Впрочем, и после того как он будет снят, землю не будут выделять в городах, так сказать, в чистом поле. Туда должны быть проложены дороги, все коммуникации. Правительство недавно выделило дополнительные средства для продолжения таких работ. И они в регионах начались. Когда коммуникации будут проложены, земля в этих регионах будет распределяться среди очередников с участием общественности и под её контролем. Будущему землевладельцу земля даётся на два года в аренду на то, чтобы согласовать проект с представителями государственных служб и начать строительство. Что примечательно: количество требуемых документов сокращено.

– Я имею право продать построенный дом?

– Безусловно. Но сначала надо ввести его в эксплуатацию. И здесь пакет требуемых документов тоже «похудел» в два раза. Принципиальное решение по этому поводу принято. Сейчас оно прорабатывается в государственных органах.

– Есть проблема, о которой говорил и президент страны. В начале девяностых годов люди, приближённые к власти, нахватили много земли. И она годами не используется, зарастает сорняками. Что делать: выкупать по кадастровой цене или национализировать?

– Надо внимательно смотреть, как используется или не используется земля – если речь идёт о землях сельхозназначения. Грамотно ли вносятся удобрения, соблюдаются ли севообороты. У себя на даче вы можете засадить грядки помидорами или огурцами, а можете разводить цветы. А на землях сельхозназначения существуют строгие правила, которые следует выполнять. Контроль за этим возложен на земельную инспекцию. Сначала нарушителя предупреждают. Если он не делает выводов – землю имеют право изъять в госсобственность. Этот механизм надо совершенствовать. Учёные говорят о том, что по сравнению с 1991 годом плодородие снизилось на 15 процентов. А значит, мы уже сейчас недобираем зерно, мясо и молоко.

«Аргументы и факты. Казахстан», 17.08.16 г.

Периметр безопасности

Зарема ШАУКЕНОВА,
директор Казахстанского инсти-
тута стратегических исследова-
ний при Президенте РК (KAZISS),
член-корреспондент Национальной академии Республики
Казахстан, доктор социологических наук, рассуждает о ситуации
в стране и вокруг неё.

Жёлтый свет для нарушителей

– Зарема Каукуеновна, давайте мысленно пройдемся по географической карте. Как складываются отношения с соседями? Чего нам от них ждать? И для начала позвольте привести несколько цифр, которые просочились в казахстанскую прессу. Только за один месяц, октябрь, фитосанитарный контроль Казахстана наложил штрафы на ввозимую из Кыргызстана продукцию на сумму в 431 тысячу тенге. Саму продукцию весом почти в полторы тысячи тонн возвратили в соседнюю страну, а 12 тонн уничтожили прямо на пропускном пункте. И ещё несколько нерадостных фактов. За предыдущие девять месяцев было выявлено 1376 правонарушений со стороны кыргызских перевозчиков. В прошлом году было отмечено 1141 – за весь год. Радует принципиальность и строгость казахстанских служб, которые отвечают за безопасность сограждан. Мы наконец-то начали наводить порядок? Или это реакция на некорректные, мягко говоря, высказывания экс-президента Кыргызстана?

– Что касается усиления контроля на границе, то да, наше правительство решило перейти от уговоров к более строгим мерам. Надо отметить, что глава нашего государства выстраивал добрососедские отношения со всеми приграничными государствами, однако кыр-

гызов он в известном смысле выделял. Как ни говори – братья. По языку, религии, обычаям. Думаю, что хорошие отношения с братским народом и страной останутся, несмотря на эскапады бывшего главы государства. Разумеется, разногласия возникли не вчера. Казахские эксперты знали о «сером» импорте из Китая. Такая информация время от времени попадала в прессу. И ситуация на границе возникла давно. Несмотря на это, казахская сторона делала всё, чтобы решить все конфликты взаимоприемлемо. Или возьмите вступление в Евразийский экономический союз, которое никогда бы не состоялось без поддержки Казахстана и лично казахского лидера. Не секрет, что по большому счёту это был аванс, а не признание невероятных успехов в экономике Кыргызстана, которых попросту не существовало. К сожалению, кыргызская сторона восприняла эту позицию как проявление нашей слабости. И потому Казахстан вынужден был заменить зелёный свет светофора на предупредительный жёлтый. Наверное, это строгая мера, но она необходима. К слову, красный ещё не загорался. И, надеюсь, до этого дело не дойдёт.

– Двух мнений быть не может: выяснять отношения лидерам соседних стран с помощью прессы – не лучший вариант. Последняя пресс-конференция Алмасбека Атамбаева была практически полностью посвящена Казахстану. Традиционно обидев главу соседнего государства, он до кучи унижил всех казахских чиновников, назвав их «денщиками»?! Как вы считаете, можем ли мы говорить о том, что от соседей исходит реальная угроза нашей национальной безопасности?

– Не думаю. Я считаю, что рано или поздно всё вернётся на «круги своя». Конечно, новому президенту Кыргызстана досталось не самое лучшее политическое наследие. Но мне кажется, что здоровые силы в Кыргызстане возьмут верх, а разум возобладает над мелкими конъюнктурными целями и разнузданным популизмом.

– Вы упомянули о Евразийском экономическом союзе. Не надеясь на свой авторитет, Алмасбек Атамбаев решил поискать защиты у Владимира Путина, которого назвал своим другом. Дескать, если не надавите на Астану, мы выйдем из ЕАЭС. Потом бывший президент заявил, что его не так поняли, в очередной раз извинился, чем окончательно запутал ситуацию. Не создаст ли предполагаемый выход Кыргызской Республики из союза некий дискомфорт?

– Когда создавался ЕАЭС, то участие в этом принимали три состоявшихся государства: Беларусь, Казахстан и Россия. Многие экономисты предупреждали: не стоит подстёгивать процесс. Не следует ускорять вхождение Кыргызстана в ЕАЭС, экономика которого зави-

сит от двух вещевых рынков, месторождения золота и денежных переводов трудовых мигрантов. Все понимали: если в Евразийский экономический союз войдёт Кыргызстан, позиции трёх стран на мировом рынке – Беларуси, Казахстана и России – не усилятся. В этой связи разговоры о выходе Кыргызстана из ЕАЭС – это блеф. Бишкек, прежде всего, очень нуждается в торгово-экономических связях со странами союза. В любом случае, никакой угрозы для Казахстана и для ЕАЭС я не вижу, как бы ни развернулись события в труднопредсказуемом Бишкеке.

– Сейчас экспертное сообщество бурно обсуждает один вопрос: вмешается ли Россия в спор двух своих азиатских союзников? Или Владимир Путин будет и дальше делать вид, что он его не касается? И всё рассосётся само собой...

– Может, и рассосётся. Но как в том анекдоте – «ложки нашлись, а осадочек остался». Тем не менее Россия в этом конфликте занимает довольно взвешенную позицию. Да и мы мосты не сжигаем. В Астане со всеми протокольными почестями встречали кыргызского премьера Сапара Искакова. Как говорится в известной русской пословице: «Утро вечера мудренее». Подождём утра.

– Эксперты отмечают, что Казахстан проявил мудрость и выдержку. К примеру, не отозвал своего посла – «для консультаций». Не объявил посла Кыргызстана персоной нон грата.

– Выдержка – признак сильных политиков. Истерика – признак слабых. Кстати, своего посла Кыргызстан не назначает уже два года.

Узбекистан эпохи Мирзиёева

– Ваш ответ звучит как афоризм. И поэтому пойдём дальше. Как, на ваш взгляд, проявил себя новый узбекский лидер в деле укрепления центральноазиатской безопасности? Наша национальная безопасность – неотъемлемая часть её, не так ли?

– Совершенно верно. Сейчас наши отношения развиваются динамично и весьма позитивно. Лидер Узбекистана – фигура интересная, сильная и самостоятельная. Он демонстрирует политику открытости. Его выступление в ООН, где он говорил о роли Узбекистана в Центральной Азии и в мире в целом, воспринято в экспертном сообществе позитивно. Возросло количество площадок, на которых учёные и политологи обмениваются своими мнениями. В этом году сотрудники нашего института пять раз принимали приглашения узбекских коллег

и принимали их у себя в Астане, чего не было раньше. К 25-летию установления дипломатических отношений между нашими странами состоялась крупная научно-практическая конференция в Ташкенте. Она была организована Институтом стратегических и межрегиональных исследований при президенте Республики Узбекистан (ИСМИ), то есть аналогичной нам структурой. КИСИ при президенте Республики Казахстан был представлен делегацией из ведущих экспертов. Встреча была организована на высоком уровне. В конференции участвовали представители узбекского правительства и парламента. В начале следующего года уже наш институт планирует организовать конференцию – будем принимать в Астане делегацию аналитиков ИСМИ.

– Учёные «тусовки» – дело хорошее. Но, по-моему, пока не хватает практических шагов. Напомню: Узбекистан в своё время вступил в ОДКБ (Организация Договора о коллективной безопасности), а затем с шумом хлопнул дверью. Какие настроения в узбекской столице на этот счёт?

– Внешняя политика суверенного государства – дело чрезвычайно деликатное. И только высшее политическое руководство страны может ответить на этот вопрос. Ослабило ли это безопасность Центральной Азии? Я не думаю. У Казахстана, России и других стран, входящих в оборонительный союз, достаточно сил и средств, чтобы противостоять любым вызовам и угрозам. Кстати, на форуме экспертов в Ташкенте присутствовала группа российских дипломатов и специалистов по региону. И это признак того, что ослабевшие связи нашего северного и южного соседа восстанавливаются – к общему удовлетворению. И ещё хочу сказать вот о чём. Не так давно в Самарканде состоялась представительная конференция с участием лидера Узбекистана Шавката Мирзиёева и министров иностранных дел государств Центральной Азии. Политики говорили о безопасности. Не все переговоры попали в открытые источники, но ясно, что этот вопрос волнует наших соседей. И они готовы к совместным действиям. В какую форму они выльются – покажет время. Во всяком случае, политика лидера Узбекистана вполне понятна и последовательна.

Вечная дружба: была, есть и будет

– Раз уж мы заговорили с вами о России, самое время перейти к отношениям с государством, с которым у нас самая протяжённая граница – семь с половиной тысяч километров. В будущем году

мы отметим 20-летие Декларации о вечной дружбе и союзничестве, ориентированном в XXI столетие. Как вы думаете, заметят ли эту дату в нашем экспертном сообществе?

– Конечно! В этом году и в России, и в Казахстане широко отметили 25-летие установления дипломатических отношений. Причём не только на официальном уровне, но и в среде народной дипломатии. Я, к примеру, с удовольствием прочитала материал в вашей газете о том, как в Алматы, в музее имени А. Кастеева, прошла выставка кукол, которые были изготовлены руками казахстанских и российских мастеров. Состоялся вечер русского романа. Такие встречи запоминаются, они сближают людей. Много зависит от дружеских, чисто человеческих отношений Нурсултана Абишевича и Владимира Владимировича. Вы упомянули о декларации почти двадцатилетней давности. Напомню, что она была подписана в день рождения нашего лидера. А 1 декабря страна отмечает День первого президента страны. Думаю, что именно ему мы можем быть благодарны в первую очередь за то, что над Казахстаном – чистое небо.

– **Последняя встреча двух лидеров в Челябинске снова попала на первые полосы газет...**

– Это закономерно. Казалось бы, обычное мероприятие. Но две наши страны – «законодательницы мод». Они обладают солидным экономическим потенциалом. Поэтому интерес к этой встрече колоссальный. Были подписаны десятки новых соглашений и обновлены старые. Состоялся XIV Форум межрегионального сотрудничества России и Казахстана. Интересна тема форума: «Развитие человеческого капитала». От того, как мы им распорядимся, зависит, каким будет это самое столетие. О нём говорили и мечтали Борис Ельцин и Нурсултан Назарбаев в теперь уже далёком 1998 году. Наше Министерство образования и науки организовало для гостей форума несколько выставок. Инновации и новые технологии нашего государства в Челябинске были представлены в максимально возможном объёме.

Куда направились боевики?

– Кроме Кыргызстана и Узбекистана на юге у нас есть ещё один сосед – Туркменистан. Несколько лет назад туркмены, как сейчас кыргызы, обиделись на главу нашего государства. Президент Назарбаев был обеспокоен крупными боестолкновениями с талибами на туркмено-афганской границе. Туркмены тогда даже присла-

ли ноту по дипломатическим каналам. Неслыханное дело для нейтрального Туркменистана! Дескать, сами справимся...

– Я с уважением отношусь к туркменам, равно как и к другим народам. Но считаю, что тревогу главы нашего государства можно было понять. Во-первых, потому, что его беспокоит ситуация в Центральной Азии в целом. Во-вторых, у нас протяжённая граница с Туркменистаном.

– Вы понимаете, что я не случайно вспомнил об этой истории. Многие эксперты считают, что Ближний Восток может стать слишком уж близким. Вот последние новости, и тоже из открытой печати. Журналисты обнаружили и даже сфотографировали автоколонну ДАИШ («Исламское государство»). Четыре тысячи человек: боевики, женщины и дети. Причём пояса смертников были одеты даже на детей. Автокараван состоял из 50 фур, 13 автобусов и более ста автомобилей, 10 грузовиков были под завязку забиты оружием и боеприпасами. Самое поразительное в этой истории, что никто толком не знает: куда они поехали? И не появятся ли в Афганистане и в Центральной Азии?

– Уверяю вас: те, кому это надо знать, – знают. Такую колонну технически несложно отследить. Что касается Казахстана, то в нашей республике действует программа по предупреждению террористической угрозы – как внутри страны, так и за её рубежами. По каждому направлению идёт работа, подчас невидимая постороннему глазу. Как известно, в начале года в Конституцию были внесены поправки. Так вот, лица, которые принимали участие в военных действиях в другом государстве, – неважно, на чьей стороне, – караются жёстко. Вплоть до лишения гражданства. Это важное средство для укрепления безопасности.

– Там, где нормально развивается экономика, где люди заняты мирным трудом, для сторонников радикальных течений сужается поле манёвра. И в этом смысле нам надо развивать экономические отношения с нашим соседом...

– Большая надежда на железную дорогу Казахстан – Туркменистан – Иран, которую открыли три президента. Я верю, что со временем благодаря новой трассе, проложенной по восточному берегу Каспия, возрастет товарооборот. Туркменистан – интересная страна. Её официальный нейтральный статус вполне устраивает соседей, в том числе и Казахстан. В Туркменистане проживает казахская диаспора. Поэтому надо развивать не только экономические связи, но и культурные, научные, гуманитарные.

Палка о двух концах

– Ну и завершить я бы хотел великим Китаем. Я регулярно общаюсь с Генеральным консулом этой страны в Алматы Чжан Вэем. Не так давно я в числе других журналистов был приглашён на торжественный приём по случаю XIX съезда Компартии Китая. И вот что заметил. Впервые китайцы на официальном уровне открыто выразили обеспокоенность по поводу чайнофобии, которая существует в нашей стране. Конечно, в присутствии им деликатной манере. Вот что сказал Чжан Вэй: «Я ощущаю, что некоторым гражданам Казахстана не хватает информации о реальном положении Китая. Они выражают обеспокоенность по поводу укрепляющегося казахстанско-китайского сотрудничества. Кое-кто задаётся вопросом: «Будет ли Китай представлять угрозу для Казахстана и Центральной Азии? Захватит ли КНР ресурсы и местные рабочие места?». Об этих настроениях китайцы знали и раньше, но предпочитали не обсуждать их открыто. Что произошло, как вы думаете? Или не стоит придавать значения подобным заявлениям?

– К любым словам дипломата соседнего государства надо относиться серьёзно, с большим вниманием. Однако я не думаю, что настроения в обществе угрожают национальной безопасности нашей страны. Дело в том, что, как правило, для таких настроений нужен повод. Чаще всего негативный. Вы помните о митингах, когда люди узнали о готовящемся законе? Он бы разрешал приобретать земли сельхозназначения иностранцам. К слову, на Западе вполне нормальная практика. Но для казаха родная земля – понятие сакральное. Чувство патриотизма берёт верх над экономической выгодой. И тут ничего не поделаешь, да и не надо. К тому же сработал стереотип: под иностранцами подразумевались именно китайцы. Но вот президент наложил мораторий на продажу земли, и антикитайские настроения пошли на спад. Есть и другая составляющая чайнофобии. Время от времени в национал-патриотическую прессу попадают сведения о преследовании этнических казахов в Синьцзяне. И некоторые наши деятели призывают: «Давайте защищать казахов!» Но насколько такая информация проверена и корректна – сказать трудно. Китайские власти всегда отвечают: «Это наше внутреннее дело». И они правы в той части, что любой конфликт, острую ситуацию можно и нужно решать в правовом поле. Я в этом уверена. К слову, а может быть, издание, публикующее резонансную информацию, просто хотело поднять свой рейтинг? И такой фактор надо учитывать. Китай настроен

на долговременное экономическое сотрудничество с Казахстаном. Ему катаклизмы не нужны.

– Подведём итог нашей беседе. По всему периметру границы за 25 лет удалось создать в целом нормальные безопасные отношения с приграничными странами. Может ли это подтвердить политолог Зарема Шаукенова?

– Да. Состояние национальной безопасности – это основа основ любого государства. И когда она работает, мы её не замечаем – как воздух. Функционирование этой системы гарантирует наши права и свободы, стабильность общества и его процветание. Это главный итог последней четверти века нашей страны.

«Аргументы и факты. Казахстан», 04.12.17

Запомню тебя весёлым и славным парнем...

Юрий Кириничьянов – наш коллега, собкор «Комсомолки» в 70-е в Казахстане, один из основателей нашего Клуба собкоров «КП», журналист, издатель, газетчик и просто Юрыч, как обращался к нему я.

Мы с ним пришли в «Комсомолку» почти одновременно и сразу между нами началось незримое соперничество – прежде всего по количеству переданных в редакцию строк. И сколько я ни старался, но обойти его на повороте так и не смог: он строчил материалы словно из пулемёта, всегда превосходя всех собкоров по их количеству.

Я даже как-то попросил: «Юрыч, а можешь писать хоть немного меньше?» Он улыбнулся своей обаятельной улыбкой, дружески похлопал меня по плечу: «Ты не поверишь – не могу!»

Желание быть большим не только в количестве написанного, но и буквально во всём, было его сутью. Если издавать газету, то, конечно же, под названием «Весь мир»: чего мелочиться! Если поддерживать отношения, то с великими мира сего! «А чего в этом плохого?» – спрашивал он меня. Он, как только появилась возможность, перешёл из «Комсомолки» собкором «Правды» там же, в Алма-Ате, оправдываясь тем, что в «Комсомолке» он уже поработал, а в «Правду» второй раз могут и не позвать. Потом работал в «Российской газете», в «АиФе», но главным его изданием был всё-таки его собственный «Весь мир». С великим трудом, но он выпускал номер за номером, в которых печатал журналистов со всего света, не забывая и про нас, своих собратьев по «Комсомолке». Он очень гордился, когда у него напечатали свои большие материалы Евгений Соломенко, Ника Квижинадзе, Борис Панкин, Люся Сёмина, всегда с радостью принимал и мои статьи, извиняясь, что не может выписать за них достойный гонорар.

Он очень дорожил тем, что есть наше с вами содружество и благодаря ему есть возможность поддерживать отношения со многими из бывших соратников по «Комсомолке». Был несказанно рад, когда я включил его в список нашей собкоровской команды на международный форум на острове Родос, прежде всего потому, что ему удалось увидеться со своими братьями по «Комсомолке».

Конечно же, я знал про его тяжёлую болезнь, хотя он и предпочитал о ней не распространяться: пусть и ничтожная, но жила в нём надежда победить её. Врачи не спасали – обращался к разным знатокам. В конце прошлого года сообщил коротко: еду в Астану – последняя надежда. Я ему ответил: «Юрыч, если бы я мог, я бы по-молился за тебя».

Последнее его письмо пришло не так давно, в конце января: Астана не помогла! Лучевая терапия не для его случая. И напутствие: «Запомни меня весёлым и славным парнем».

Он как-то попросил: «Толяныч, не пиши некролога!» Я пообещал. И то, что я пишу сейчас, это вовсе не некролог – просто доброе воспоминание о человеке, который все годы был моим другом. И останется им навсегда.

Анатолий Строев
г. Москва

В чём смысл раздоров наших, брат?

Валентина КУРГАНСКАЯ,
главный научный сотрудник
Института философии,
политологии и религиоведения
Комитета науки Министерства
образования и науки Республики
Казахстан, доктор философских
наук, размышляет о причинах межэтнических конфликтов
на постсоветском пространстве.

Двадцать первый век запомнится современникам межэтническими, межконфессиональными и даже внутриконфессиональными конфликтами. Разгорается схватка между шиитами и суннитами на Ближнем Востоке. Нет мира на постсоветском пространстве. Смотрят друг на друга через оружейные прицелы армяне и азербайджанцы. С трудом удалось погасить очередную вспышку насилия в кыргызском городе Ош. Хрупкий мир в Приднестровье в любой момент может обернуться войной. А рядом она уже идёт: между разными частями ранее единой Украины.

Украиноязычные и русскоговорящие жители страны сошлись в смертельном противостоянии. Счёт погибшим идёт на тысячи. Ситуация в бывшем СССР – это часть общемирового процесса? Или мы никак не можем поделить советское наследство?

Теория заговора? Почему бы и нет...

– Валентина Дмитриевна, первый вопрос обозначен во врезке к нашему диалогу. С него и начнём. Почему на постсоветском пространстве то затихают, то вспыхивают вновь межэтнические конфликты?

– Культурная отличительность и групповая идентификация по-прежнему чрезвычайно важны в жизни человека и общества в целом. Именно в сфере этничности и религии незначительные по историческим масштабам случайные стычки зачастую приводят к потрясению государственных основ, к непредсказуемым изменениям социальной системы в целом. Происходящее на руинах советской империи – это результат политики глобальной олигархической власти, которая постепенно продвигается к своей цели. Она в том, чтобы сменить неудобную власть в любой точке мира, заменив лояльным режимом. Постсоветское пространство представляет для этих господ особый геополитический интерес. Я не принимаю аргументов противников теории глобального заговора. Беспредельный цинизм глобальной олигархической верхушки настолько очевиден, что нет смысла вступать с ними в дискуссии. Лично у меня иллюзии относительно «гуманных» мотивов политики Запада рассеялись после бомбардировок Югославии. В разгар их в беседе с одним высокопоставленным европейским чиновником, работавшим в авторитетной международной организации, мы коснулись югославского кризиса. Я спросила: «Что происходит с Европой? Где консенсус и поиски мирного урегулирования конфликта? Где ваш европейский либерализм, в котором на первом месте стоят права человека?» Чиновник ответил очень коротко и честно: «Право у того, у кого сила. Старушка Европа не может противостоять США». И чем дальше мы уходим от рубежа веков, тем очевиднее, кто управляет миром и кому нужен так называемый «управляемый хаос». Цепь последующих нескончаемых путчей под знаменами демократии только это доказывает. Мир устал от однополярности, и любые попытки народов вырваться из-под контроля мировой закулисы получают свою «порцию» демократии. Как в страшном сне полыхает планета Земля. Получается, что либеральные ценности и свободы приватизированы «золотым миллиардом». Остальному миру он оставляет авианосцы и беспилотники, которые готовы покарать каждого, кто в этой демократии усомнится. Флажки расставлены. Жаль, что бесчеловечную суть этой геополитической игры не всегда осознаёт простой народ...

– Постучим по дереву, но Казахстан остаётся островком стабильности в бушующем мире. Межэтнический мир, конечно же, складывается из разных составляющих. Прежде всего в этом заслуга Президента Назарбаева. Это признают как его сторонники, так и его неутомимые критики. Давайте напомним читателям, какие главные «плотины» удалось поставить в Казахстане, чтобы не допустить межнациональных конфликтов...

– Под межэтнические отношения была подведена законодательная база. И эта основная плотина. Что здесь самое важное? Первое. Законодательством закреплены права и свободы человека независимо от его национальной принадлежности. Казахстаном ратифицированы Всеобщая декларация прав человека, Международный пакт о гражданских и политических правах (ратифицирован 28 ноября 2005 года), Международная конвенция о ликвидации всех форм расовой дискриминации (присоединились 29 июня 1998 года). Этими международно-правовыми актами и национальным законодательством установлено, что права и свободы одних людей не могут ущемлять права и свободы других. В национальном законодательстве квалифицируется как преступная и уголовно наказуемая любая деятельность по дискриминации людей по национальности, расе, языку, отношению к религии. Действия, заведомо способные нарушить единство народа Казахстана и ухудшить состояние межнациональных отношений, в соответствии с Законом Республики Казахстан «О национальной безопасности Республики Казахстан» отнесены к одному из видов угроз и запрещены. Эти общеобязательные положения закреплены также в Конституции Республики Казахстан. Второе. Граждане Казахстана имеют право образовывать свои этнокультурные объединения, открывать воскресные школы, которые способствуют возрождению и развитию национальных языков, культуры, традиций, обычаев, а государство заботится о создании условий для изучения и развития всех языков полиэтнического народа Казахстана. Эти права закреплены не только в Конституции, но и в законах Республики Казахстан «Об образовании» (2007), «О языках в Республике Казахстан» (1997), «Об общественных объединениях» (1996), «О некоммерческих организациях» (2001). Третье. Во всех учебных заведениях на территории Республики Казахстан независимо от формы собственности изучаются казахский, русский и один иностранный язык в соответствии с государственным общеобязательным стандартом для каждого уровня образования. Функционируют средние школы на узбекском языке (в 2012/2013 годах в них обучалось 77,1 тыс. человек), на уйгурском языке (13,3 тыс.) и на таджикском языке (3,9 тыс. школьников). За русским языком сохраняются в полном объёме основные функции, гарантированные ему Конституцией Республики Казахстан. Он остаётся языком, официально употребляемым в государственных организациях и органах местного самоуправления. Обеспечивается его функционирование в области образования, науки, культуры и других, общественно значимых сферах. Единое наци-

ональное тестирование и комплексное тестирование абитуриентов проводятся на казахском и русском языках. На языках национальных меньшинств издаются газеты и журналы, которые финансово поддерживаются государством.

Слово – интеллигенции

– Другими словами, в любой ситуации в Казахстане люди, принадлежащие к разным этносам, могут встретиться и, честно глядя друг другу в глаза, спросить: «В чём смысл наших раздоров, брат?» Это понятно. При этом вам не кажется, что существует некий негласный консенсус. Русские граждане Казахстана не претендуют на государственные посты. А взамен им разрешают спокойно работать в бизнесе, на производстве, то есть там, где знание казахского языка не стоит на первом месте?

– Давайте отталкиваться от Конституции Казахстана. Все граждане страны имеют право на доступ к государственной службе, а требования, предъявляемые к кандидату на должность государственного служащего, обуславливаются характером должностных обязанностей и устанавливаются законодательством Республики Казахстан. Приведу один из классических примеров, когда знание языка становится трамплином к успеху и в европейской стране. Это Южный Тироль, имеющий статус автономного управления. Его населяют представители трёх языковых групп – немецкоязычной (68%), италияязычной (28%) и латинской (4%). В 1981 году там была проведена перепись населения, где каждый заявил о своей языковой принадлежности. На основании установленных в результате переписи пропорций распределяется всё – от субсидий до административных постов. Молодёжь двуязычна, каждый, кто хочет получить работу в сфере обслуживания, должен показать знание второго языка. Если чиновник обязан бегло говорить и писать на втором языке, то уборщице достаточно скромных знаний. Такой способ решения проблемы проявил себя как достаточно успешный. Казахстанские реалии таковы, что должности государственных служащих требуют знания государственного языка, который русские в своём большинстве не знают. Так сложилось исторически. Такая проблема существует, и её надо решать. Знание казахского языка – задача государственного масштаба. Необходимо поставить преподавание казахского языка в средней школе так, чтобы молодые люди смогли общаться на

нём так же свободно, как и на русском языке. А уж если они захотят реализовать себя на государственной службе, пусть совершенствуют знание казахского языка дальше. Вот здесь должна сказать своё слово казахская интеллигенция. Ассамблея народа Казахстана обязана держать этот вопрос под неустанным контролем. Однако следует понимать, что как для истории, так и для современного этапа развития казахской государственности характерна сложная картина синтезов и размежеваний архаически-этнократического и собственно политического принципов формирования властных структур. Феномен родоплеменной стратификации является одним из значимых факторов. Они и сегодня играют заметную роль в рекрутировании политической элиты. Я вспоминаю, как в ноябре 2000 года, пожалуй, впервые Центральноазиатское агентство политических исследований (ЦАПИ) попыталось изучить эту проблему. Было проведено заседание «круглого стола» на тему «Кланы в Центральной Азии: традиции и современность». К каким же выводам пришли исследователи? И до распада СССР удельный вес неказахов в органах управления был ниже относительно их численности в структуре населения. Хотя политическая история Казахстана проходила на фоне «модернизации» образа жизни на основе русской культуры. Сказанное не следует понимать так, что назначения на должность обуславливались только национальным признаком. Среди русской политической номенклатуры можно было встретить старожилов, которые хорошо вписались в существующую систему властных отношений и были инкорпорированы в неё. Анализ статистики показывает, что экономическая стратегия основной массы русских осталась в целом такой же, как и до 1991 года. Разве что рыночная экономика внесла в неё некоторые коррективы. Традиционно занимающие экономическую нишу, связанную с производством, а в настоящее время с мелким бизнесом и владеющие в основном техническими специальностями, русские продолжают трудиться в этих сферах. Статистика даёт условные ориентиры занятости населения с учётом не удельного веса казахов и русских в том или ином секторе экономики, а удельного веса казахов и русских в структуре занятости собственной национальной группы. Из этих цифр становятся понятными экономические стратегии тех и других национальных групп. Цифры говорят, что среди русского населения наибольшая доля присутствует в сфере промышленности (16,8%), мелком бизнесе (в общей совокупности в торговле и сфере услуг – 27,9%). У казахов наибольшая часть занятых трудится в сфере сельского хо-

зяйства (в силу проживания большинства казахов в сельской местности – 18,4%), образования и здравоохранения (18,2%). В экономических нишах, которые занимают русские граждане в Казахстане, казахский язык и в самом деле не так востребован, как в производственной сфере. Так что «негласный консенсус», о котором вы упомянули, подтверждается реальным положением вещей.

Тем не менее власть вправе требовать знания государственного языка в органах государственного управления. Она стремится к расширению сферы его применения. К сожалению, такая политика воспринимается некоторой частью некоренного населения как стремление вытолкнуть его из различных сфер деловой и общественной жизни.

На Рождество и Пасху

– Интересно, как оценивает наука роль общественных организаций, созданных по этническому признаку? Чтобы не пытаться объять необъятное, остановимся на многочисленных славянских, русских и казачьих объединениях. Почему-то о них вспоминают лишь под Рождество да на Пасху. Если СМИ и вспоминают о них, то в связи с какими-нибудь «разборками»...

– Я весьма позитивно воспринимаю роль общественных организаций, работающих в форме этнокультурных объединений. На мой взгляд, они играют важную роль в развитии этнических культур, в расширении единого общеказахстанского поля, в межкультурном диалоге. Они способствуют межэтническому взаимодействию и взаимопониманию. Приведу такой пример. На протяжении более чем 10 лет я сотрудничаю с Ассоциацией немцев Казахстана «Возрождение». Наши исследования немецкой диаспоры показали, что для абсолютного большинства рядовых немцев национальное объединение – это место, где они осознают свою «немецкость» по нескольким параметрам. Языку, культуре, традициям, обычаям. В процессе общения происходит осознание культурной отличительности («они, как я») и укрепление этнокультурной самоидентификации («я, как они», «я – свой среди них»). Узнавание «я, как они» рождает потребность находиться в родной культурной среде. Посещение мероприятий, кроме того, устраняет одну из главных проблем современного человека. Это одиночество, отчуждённость от общества. Общение порождает чувство солидарности, единения,

сплочённости, общественной пользы. Было бы неправильным считать, что внутригрупповая сплочённость будет обязательно негативно влиять на развитие гражданской идентичности. Разумеется, функция этнической идентичности должна быть ориентированной не только на укрепление самосознания, но и на интеграцию людей различных национальностей в единое согражданство. Задача государства – обеспечить реальное равенство этносов, не разделяя их на своих и чужих, хозяев и гостей. Признание за каждым членом общества принадлежности к гражданской нации формирует у всех жителей страны независимо от их национальной принадлежности чувство общей Родины, осознание сопричастности и ответственности всех населяющих её народов за судьбу страны, определяет наличие общих целей и задач у всех этнических групп Республики Казахстан. В условиях реального гражданского равенства осознание культурных различий, как правило, не перерастает в самосегрегацию этнических групп под лозунгами их сохранения и развития. С работой славянских, русских и казачьих объединений их лидерами я тоже знакома не один год. Иногда посещаю их мероприятия. Например, Масленицу. Кстати, на этих праздниках я видела людей разных национальностей. Правда, в основном среднего и старшего возраста. Они с удовольствием слушали русские песни. Пили чай с блинами и не торопились расходиться после завершения официальной части мероприятия. На мой взгляд, русские этнокультурные организации ведут полезную работу по сохранению русской культуры и традиций в Казахстане. Страновые конференции соотечественников, где с отчётами выступают представители организаций из регионов, показывают их большой вклад в сохранение и развитие этнокультурных традиций. Однако внутренние конфликты, которые выносятся на суд общественности, не добавляют авторитета русским организациям. В основе этих раздоров лежит элементарная борьба за власть, разного рода политические и экономические ресурсы. Такая борьба имеет место во всех этнических общинах. Но, как правило, «сор из избы» они стараются не выносить. И это, по-видимому, разумно.

– Казахстанское общество опасно разделено по языковому признаку. И это не лучшим образом сказывается на межэтнических отношениях. Казахам обижает то, что русские весьма пассивно относятся к изучению казахского языка. Русские не без основания считают, что в повседневной жизни они могут обойтись и без него. А на государственную службу они в большинстве своём не рассчитывают,

как мы с вами уже отмечали. Как решится этот спор в будущем и решится ли вообще?

– Языковая ситуация в Казахстане продолжает оставаться ареной ожесточённых споров. Иной раз языковые проблемы переходят рамки абстрактных дискуссий и выливаются в публичном пространстве в высказывания и действия, подпадающие под статьи закона. Вместо создания открытой и свободной атмосферы обсуждения языковой ситуации в Казахстане отдельными общественными деятелями эта проблема тотально политизируется, что негативно сказывается на климате доверия между людьми разных национальностей. Яркие критики национальной политики не учитывают региональную языковую специфику страны, сложившуюся демографическую структуру населения. На западе и юге страны более однородный, а в отдельных районах практически моноэтнический состав. Здесь государственный язык используется повсеместно. С некоторого времени возник дефицит преподавателей русского языка в средних школах. Крайне острая ситуация в Атырауской и Мангистауской областях. На севере и востоке страны не хватает казахских школ, казахских классов. Большинство русских юго-запада, хотя и не являются билингвами в полном смысле этого слова, тем не менее имеют более высокий уровень языковой компетенции, значительно превышающий уровень знания языка северянами. Согласно последнему социологическому опросу очень важной назвали языковую проблему 29,3 процента казахов, 31,7 – русских, 37,3 – представителей других этнических групп. Остальные респонденты острой языковую проблему вообще не считают или воспринимают её не очень острой. В рейтинге актуальных для населения проблем (высокие коммунальные платежи, низкие зарплаты и т. д.) языковая проблема стоит на одном из последних мест, так что не стоит отдельным критикам излишне драматизировать ситуацию. На мой взгляд, зачастую языковая ситуация в республике существенно осложняется тем, что она сопровождается, с одной стороны, апологетикой государственной языковой политики в проправительственных СМИ. С другой – обвинениями этой политики в этнократизме в независимых русскоязычных изданиях. Последние отождествляют государственную политику поддержки казахского языка с тем её образом, который создаётся националистически настроенными публицистами, отдельными деятелями науки и культуры, чиновниками. В этих условиях происходит массовая дезориентация общественного сознания. Люди попадают под влияние наиболее ради-

кальных взглядов и оценок. В такой ситуации самый взвешенный и сбалансированный закон о языках неизбежно будет расцениваться как узаконенное ущемление прав национальных меньшинств одной частью населения и как дискриминация интересов коренной нации – другой. Но если говорить в целом, то для расширения употребления государственного языка нужно самым существенным образом повысить качество обучения в системе образования. Если хотите, получить серьёзный результат, следует сделать всё, чтобы казахский язык в школе стоял по значимости на одном из первых мест. А учителя получали за свой труд приличную зарплату. Насколько велика роль учителя в освоении предмета, понимают все. В своё время мы учились, как говорится, за страх и за совесть. Но требовательным учителям до сих благодарны, потому что в памяти остались знания, полученные полстолетия назад. Я не хочу сказать, что все учителя казахского языка в республике некомпетентны или недостаточно подготовлены. Но раз стоит задача государственной важности, то школьные требования к казахскому языку должны быть повышены. Детская память усваивает без особого напряжения то, что люди зрелого возраста в силу определённых особенностей организма запомнить не могут. Скажу о себе. Казахский язык я учила один год в начальной школе. Но я до сих пор вспоминаю свою замечательную учительницу. Она использовала такую методику преподавания предмета, что я до сих пор помню такие слова, которые давно даже не употребляются (например, «сия сауыт» – чернильница). Со мной на всю жизнь остался полный набор казахских слов, соответствующий годичной школьной программе (слова «мяч» и «окно», «волк» и «заяц»). Казалось, мы выполняли на уроках те же самые упражнения, что и в других школах. Разучивали песни, читали стихи, играли в школьных спектаклях, учили правила и выполняли домашние письменные работы. Но тогда результат был очень хороший, если я до сих пор помню выученные в ту пору слова. Остаётся сожалеть, что казахский язык преподавался нам такой небольшой срок. Вернёмся к нынешнему положению вещей. Ситуация в сфере казахского языка меняется в лучшую сторону. С каждым годом увеличивается количество его носителей. Всё больше школьников учатся в казахских школах. Если в 2008/2009 учебном году в казахских школах обучалось 1542,8 тысячи человек, то в 2012/2013 – уже 1617,6 тысячи. То есть за четыре года увеличилось на 74,8 тысячи. Для сравнения: образование на русском языке в 2008/2009 учебном году получали 903,9 тысячи человек. В 2012/2013 – 805,4

тысячи человек. То есть уменьшилось на 98,5 тысячи человек. Остаётся выяснить качество преподавания казахского языка в русских школах. И здесь возникает вопрос: когда высокая оценка в аттестате выпускника школы по казахскому языку будет соответствовать его хорошему знанию? Думаю, что при правильном подходе к обучению этому важному предмету перед молодым поколением нашей страны языковые проблемы стоять не будут. Если же ситуацию не переломить, то взаимным упрёкам и подозрениям не будет конца. Практически все серьёзные исследователи отмечают, что неудачи в усвоении государственного языка объясняются неэффективной методикой преподавания. Сказать, что ничего не делается в этом направлении, было бы неверно. Методика, направленная на усиление коммуникативно-функциональной составляющей повседневного употребления языка, пробивает дорогу. Надеюсь, что результаты её не за горами.

«Весь мир», № 59 (октябрь–ноябрь 2014 г.)

«Есть такая ручка!»

Юра Кириничьянов был собкором из собкоров, он рождён был именно для этого – появляться среди людей в величавом образе собственного корреспондента, как в те далёкие времена с гордостью именовалось, «центральной газеты».

И являлся он почти всегда в должном виде и с необходимой экипировкой, в костюме и при галстукe, с солидным портфелем и с прочими сопутствующими атрибутами. Какую бы «центральную газету» он не пред-

ставлял. Это была у него, скорее, миссия, а не работа. И эту миссию он выполнял с достоинством и с чувством полного удовлетворения.

Со временем, правда, газеты эти стали называться уже просто московскими, а не центральными, но в те увлекательные 90-е годы века минувшего, представлять какую-либо из них было и почётно, но и не очень-то просто, а порой даже исторически ответственно...

Вот, к примеру, год 1993-й был одним из самых захватывающих, и не только в той эпохе стремительных и почти всегда изумляющих (даже нас, выдавших виды журналистов) событий, но и во всей истории становления Казахстана как страны независимой, оказавшейся в очень сложной ситуации, когда нужно было искать свой путь в этом мире и принимать самые серьёзные на этом пути решения. И все мы, собкоры, аккредитованные в Казахстане, были не только самыми настоящими летописцами всего происходящего, но порой и его участниками.

Весной того года назрел вопрос с нефтяным месторождением Тенгиз, всё было готово к подписанию документов о создании СП «Тенгизшевройл». И вот, 6 апреля мы, все собкоры московских газет, наряду с нашими казахстанскими коллегами собрались в резиденции Нурсултана Назарбаева, которая тогда была ещё в здании бывшего ЦК Компартии Казахской ССР – на Новой площади в Алматы. И в присутствии министров, журналистов, нефтяных

специалистов Нурсултан Абишевич подписывает свой Указ «О деятельности совместного предприятия «Тенгизшевройл».

Но теперь все должны были переместиться в Дом дружбы (он тогда назывался именно так), на улицу Курмангазы, и уже там весь процесс должен был завершиться – стороны поставят свои исторические подписи под Соглашением о создании этого казахстанско-американского СП.

В резиденции президента началась небольшая суета, все, толкаясь, покидают зал, стремятся как можно раньше оказаться в Доме дружбы, чтобы занять выгодные места и запечатлеть оформление «контракта века», как все его тогда называли.

«Хоть у кого-то всё как надо...»

И вот мы в заветном зале. Журналистов почему-то расположили непосредственно возле огромного стола, по правую руку от сидящих за ним Нурсултана Назарбаева и директора-распорядителя корпорации «Шеврон» Кеннетта Дерра. «Контракт века» на столе, перед ними в двух экземплярах. Сейчас подпишут. Вот-вот...

Но в наших рядах появилось какое-то тревожное шевеление и нервозность. Никто ничего не может понять. Только шёпот откуда-то шелестит: «Ручка, ручку, есть у кого ручка?..» Володя Ардаев из «Известий» весело констатирует: «Знак это – нефть, она шутить не любит. Видать, сначала ручку надо купить, какую надо, а уж потом миллиарды качать, а если ручки, какой надо, нет, то и...»

Но что за ручка, кому она понадобилась и почему её нет? Выяснилось всё позже, а пока что пресс-секретарь главы государства, весьма ошарашенный происходящим, не мог от нас, журналистов, добиться, у кого же есть нужная авторучка, чтобы подписать нефтяной контракт на миллиарды долларов.

– Ну что, – слышим мы вдруг голос президента страны, – ни у кого нет, что ли, чёрной ручки?

И тут становится всё ясно – для подписания контракта нужна ручка с чёрными чернилами – именно с чернилами, а не шариковая и не банальная синяя. В суматохе после окончания церемонии в резиденции и во время переезда в Дом дружбы сотрудники аппарата (тогда ещё не администрации, а именно аппарата президента), видимо, чего-то недосмотрели и вот такой неприятный момент: американец как бы и не против того, чтобы президент

Казахстана воспользовался его, американской ручкой, а президент этого, естественно, допустить не может. Стоит пауза, причём весьма неприятная.

Это сегодня всё это выглядит как-то нелепо, и в это наверняка никто уже не поверит, а тогда, в 1993-м, мы все ещё только входили в этот безбрежный мир, в котором были совершенно другие правила, в корне отличавшиеся от тех, с которыми мы выросли и к которым привыкли. И правила эти были отличны даже в таких, казалось бы, неважных мелочах, как выбор авторучки и цвета её наполнения во время церемоний заключения важных соглашений. И тогда многое, чего ещё не было в нашей жизни, казалось пришедшим из другого мира. Как это, у президента республики не оказалось под рукой какой-то ручки, чтобы подписать контракт с иностранной компанией? А вот и не оказалось...

Нурсултан Абишевич оглядывает почему-то нашу журналистскую братию, которая, как мне показалось, незаметно сбилась в оцепеневшую стайку беспомощных и бесполезных, а где-то даже жалких в данный исторический момент персонажей. Ну откуда у нас, Нурсултан Абишевич, такие ручки? Да ещё с надлежащими чернилами!? Мы же народ как бы простой, вы же нас прекрасно насквозь видите. Вот вы бы у своих помощников и спросили, почему это они о такой вот ручке не позаботились, а?! А зачем нас-то грешных вот таким вот взглядом выжигать...

– Есть такая ручка!

Кто это сказал? Шевеление и оживление, говор и гул. Кто сказал?! У кого это она есть?

И из журналистской стайки выступает спокойный и достойный, в безупречной серой тройке и с изящно повязанным бордовым галстуком Юрий Иванович Кириницианов, который со своей фирменной, мягкой и доброй, но в данный эпохальный момент очень даже снисходительной улыбкой протягивает главе нашего государства красивую, толстую и очень, очень солидную авторучку.

И президент, приняв её и посмотрев в глаза владельцу, спрашивает:

– С чёрной?

– С чёрными, – отвечивший прирождённый собкор, – с чёрными чернилами, Нурсултан Абишевич, все как надо...

– Ну вот, хоть у кого-то всё как надо, – уже глядя в контракт мрачновато молвил глава государства.

...И всё вокруг негромко рассмеялись, глядя на Кириници-

янова – кто с благодарностью, кто с удивлением, а кто и с не очень добрым выражением своего журналистского лица...

Долг от президента

Да, есть истории или, точнее, байки, а есть История. Истории, особенно журналистские, больше смахивают на анекдоты и весёлые притчи из обильной на события и встречи журналистской кочевой жизни и почти всегда обрастают со временем такими деталями, что превращаются почти в авторские рассказы.

И вот эта, одна из таких, казалось бы, незамысловатых анекдотических историй, начавшаяся в апреле 1993 года, стала со временем почти легендарной, хотя, если задуматься, а чего тут такого уж яркого? Ан, нет, рассказывают её казахстанские журналисты (да и не только они) до сих пор, вот уже четверть века и обрастает она, как и положено, всякими новыми драматургическими штрихами.

Итак, пролетает год, наступает уже и 1994-й. В резиденции президента республики по традиции перед женским Днём 8 марта нас приглашают на пресс-конференцию, после которой Нурсултан Абишевич любил угощать нас шампанским и поздравлять с наступающим праздником лучшую половину нашей журналистики – женскую.

И вот, после поздравлений в адрес наших любимых журналисток, собрались было все уже пригубить игристое вино, как раздаётся голос одного из собкоровских коллег:

– Нурсултан Абишевич, тут бы одного нашего коллегу персонально неплохо поздравить, правда, он не женщина...

Все оборачиваются, оборачивается и президент.

– Это кого и с чем? – спрашивает он.

– Юрий Иванович Кириничьянов вот стоит, а у него вчера какой-никакой, а юбилей случился – сорок пять годков исполнилось...

Все взоры на Юру нашего, который как бы смутился, но одновременно приосанился и заулыбался. И стали коллеги Юру поздравлять, а кто-то даже захопал. Ну и на Нурсултана Абишевича глядим, ведь должен же и он Юрия Ивановича поздравить...

И то, что произошло дальше, вошло в анналы устных журналистских историй, и описывал эту сценку всяк на свой лад. Но если рассказать просто и кратко, без эмоций, то глава государства

погрузил свою левую руку во внутренний карман своего пиджака и воцарились пауза и молчание. И вот, из кармана показалась рука, в которой была большая и весьма даже эстетичная на вид... авторучка (!)

– Ну что я тебе могу сказать, – молвил глава государства, – знаю я тебя давно, и мы с тобой много поездили, и ты много про меня писал, причём всякого. Ну и, так как профессия твоя – писать, вот, возьми президентскую ручку, может, когда теперь писать обо мне начнёшь, не слишком-то на неё нажимать будешь... С днём рождения!

И вручил он Юре нашему свой презент. И, как оказалось, Parker. И все, кто был за год до этого на подписании «контракта века», опять оцепенели: неужто президент вспомнил про Юрину ручку с чёрными чернилами? Ведь она тогда, как бы это поделикатнее выразиться, просто канула, как мы шутили, в большую казахстанскую нефть, то есть Юрий Иванович её так больше и не увидел, и вот – вернулась авторученька, но уже в другом обличье...

Но Юра Киринициянов на то и был исполненным достоинства и профессиональной чести журналистом, гордо носящим титул собкора, потому как он ни словом президенту насчёт своего бенефиса с «Шевроном» и его последствию не обмолвился. И правильно сделал, ибо воздалось ему за благородство и сдержанность. А весь этот «обмен» между журналистом и президентом стал, как было здесь сказано, уже не байкой, а легендой.

А стал ли после этого Юрий Иванович писать так сказать, «без нажима»? Даже когда писал он президентской ручкой? То-то и оно, что писал он и после этого так, как и прежде – честно, профессионально и талантливо. И нередко – с явным нажимом...

*Сергей Козлов
г. Алматы*

В АСТАНЕ СОСТОЯЛАСЬ
МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
«РОССИЯ - КАЗАХСТАН:
СОЮЗНИЧЕСТВО, УСТРЕМЛЁННОЕ
В БУДУЩЕЕ». В ЦЕНТРЕ
ВНИМАНИЯ ДВУХСОТ УЧЁНЫХ
И ПОЛИТИКОВ, БИЗНЕСМЕНОВ
И ЖУРНАЛИСТОВ БЫЛИ
СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ
И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ
ОТНОШЕНИЙ ДВУХ СТРАН.
СВОИ ПОЗДРАВЛЕНИЯ И ПОЖЕЛАНИЯ
СОБРАВШИМСЯ ПРИСЛАЛИ
НУРСУЛТАН НАЗАРБАЕВ
И ВЛАДИМИР ПУТИН.

На вопросы главного редактора «АиФ Казахстан» отвечает участник встречи и один из спикеров Булат СУЛТАНОВ, директор Института международного и межрегионального сотрудничества при Казахстанско-Немецком университете, доктор исторических наук, профессор.

Сверили часы

- Булат Клычбаевич, почему именно сейчас появилась необходимость в такой масштабной и представительной встрече? Как говорят дипломаты, надо было «сверить часы»?

- И в Казахстане, и в России часы идут нормально. Они не спешат, но и не отстают от нашего бурного времени. Я бы отметил, что отношения двух крупных евразийских государств – это всегда актуально. За нами пристально наблюдают в Вашингтоне и Брюсселе, в Пекине и в Анкаре. По сути дела, две наши страны – это ядро огромного континента. Примечательно, что наши в целом ровные и добрососедские отношения развиваются на фоне сложной ситуации, когда планету раздирают агрессия и ненависть. При этом обстановка меняется стремительно. Мир становится всё более непредсказуемым. Возьмём самый простой пример. Турция – член НАТО и верный союзник США. На протяжении

многих лет она была своеобразным контрагентом Америки в странах Центральной Азии, пытаясь собрать бывшие постсоветские страны в этом регионе под знамёна «тюркской интеграции». И вдруг ориентиры во внешней политике Анкары стали меняться. Эта страна заявляет о своём желании развернуться на восток. Вступить в Шанхайскую организацию сотрудничества и навести мосты с Евразийским экономическим союзом. И это не случайно. Посмотрите, на Ближнем Востоке американцы поддерживают не Турцию, своего союзника, а курдов, которые сошлись с турками в смертельном клинче. Как бы западные СМИ не ликовали по поводу успехов американского высокоточного оружия и гибели бойцов частной военной компании из России, надо понимать: главные «игроки» в Сирии – это Турция, Россия и Иран. Без них мир в этой многострадальной стране не наступит. Решить проблему только с помощью оружия, пусть даже американского, не получится.

Мы – союзники

– Вы считаете, что ситуация в Сирии влияет и на российско-казахстанские отношения?

– Конфликт в Сирии – это боль и трагедия всего цивилизованного мира. А значит, и наших стран, безусловно. Тем более что сегодня Казахстану и России надо скоординировать отношения по трём направлениям сотрудничества. Первое: интеграция в рамках ЕАЭС. Второе: кооперация Евразийского экономического союза с третьими странами, которые стремятся создать зону свободной торговли с евразийской «пятеркой». И третье: выстраивание отношений с государствами, которые с ЕАЭС – по разным причинам – дел иметь не хотят. Всё это на фоне углубляющегося финансового кризиса и экономических санкций США в отношении России, нашего ближайшего союзника. Что делать Казахстану в этой ситуации? Мы все понимаем, что мир стремительно дрейфует от однополярного формата к многополярному. США уже не воспринимаются как истина в последней инстанции. И тем не менее... России очень важно, как ведут себя в этом конфликте страны, входящие в СНГ, в ЕАЭС и в ОДКБ. Поэтому название конференции не случайно, а вполне оправдано: «Союзничество, устремлённое в будущее». Тем самым мы расставили все точки над *i*. И я бы сделал на этом акцент. Не секрет, что часть казахстанской политической элиты, взращённой в заокеанских и европейских университетах, подчёркнуто избегает слова «союзники». Эти деятели говорят о «долговременном»,

«приоритетном» или даже «стратегическом» партнёрстве. Но у слова «союзники» политический смысл совсем другой. И все это понимают. Вот почему я воспринимаю прошедшую конференцию как знаковое событие. Как и приветствие лидеров двух стран, которые они нам прислали. Я считаю, что прошедшая конференция – исключительно важное событие. Если мы входим в Евразийский экономический союз, то мы, конечно же, союзники. Две страны – это фундамент Организации Договора о коллективной безопасности. Так что не надо жонглировать терминами. Союзники – и это главное. При этом мы не должны забывать о национальных интересах Казахстана. Важно откровенно обсуждать проблемы, не замалчивая их. Поэтому конференция привлекла и дипломатов разных стран, и правительственных чиновников высокого уровня. На страницах вашей газеты мы регулярно обсуждаем казахстанско-российские отношения. И если помните, по итогам 2015–2016 годов отмечали падение товарооборота между двумя нашими государствами. Как образно выразился однажды президент Назарбаев, у нас в стране есть евразийские пессимисты и евразийские оптимисты. Так вот, пессимистов становилось всё больше. И к концу 2016 года рассуждения о «ненужности» Евразийского экономического союза стали уже неким общим местом. Дескать, всё ясно. ЕАЭС сдулся. Но в этом была изрядная доля лукавства. Нельзя не видеть, что спад товарооборота между двумя государствами – это часть мирового экономического и финансового кризиса.

Попадём под санкции?

– Булат Клычбаевич, в интернете появились сообщения о том, что Америка хочет подвергнуть санкциям казахстанские компании, которые активно работают с Россией. До составления «кремлёвского списка» в астанинском варианте дело не дошло, но ведь лиха беда начало! И ведь в логике американским партнёрам не откажешь. Дружите с Россией – получите. Конечно, не так давно Нурсултан Назарбаев побывал за океаном, встречался со своим американским коллегой. Но мы с вами знаем, что от Дональда Трампа в Штатах зависит далеко не всё. Учитывая ту обструкцию, которой он подвергается ежедневно и ежечасно в своей стране, можно предположить всякое...

– Не думаю, что это реальная угроза. Не надо поддаваться панике. Тем более что и США, и Казахстан, и Россия входят во Всемирную торговую организацию. И какие-то проблемы можно решить на

этом уровне. Вы скажете, что членство в ВТО не помешало Америке ввести санкции против России, и будете правы. Но всё-таки я думаю, что до этого не дойдёт. Дело в том, что для Соединённых Штатов Америки наша страна исключительно важный партнёр в Центрально-Азиатском регионе. Казахстан географически располагается между Россией, Китаем и Центральной Азией, которая упирается в Афганистан. Американцы вынуждены увеличить военное присутствие здесь, поскольку боевики ИГ после разгрома в Сирии перебазируются в эту страну. А как снабжать воинскую группировку? С Пакистаном у Соединённых Штатов сейчас очень напряжённые отношения, использовать пакистанские морские порты весьма проблематично. Поэтому американцы вынуждены искать другие маршруты. Они подписали соглашение с нашей страной о транзите грузов - для снабжения воинского контингента. Если американцы позволят себе недружественные действия по отношению к Казахстану, то тем самым усилят его военное сотрудничество с Россией и Китаем. А этого они не хотят. К тому же Казахстан является сейчас членом Совета Безопасности ООН. От позиции нашей страны многое зависит в Центральной Азии. К примеру, новые инициативы Республики Казахстан по кооперационному сотрудничеству с соседними государствами сейчас с большим интересом изучаются в центральноазиатских столицах. И, наконец, Казахстан ведёт активную политику на Каспии. Этот формат объединяет такие разноплановые государства, как Азербайджан, Иран, Казахстан, Россия и Туркменистан. В своё время американские дипломаты настойчиво интересовались у своих казахстанских коллег: а нельзя ли организовать военно-морскую базу США на Каспии? Но понимания у политического руководства нашей страны не встретили. Затем каспийская «пятёрка» приняла принципиальное решение: поскольку Каспий - закрытый водоём, любое присутствие здесь судов и самолётов третьих государств исключено. Так что теперь вопрос отпал сам собой. Теперь о России. Бессмысленно вести разговор с этой страной с позиции силы. Скажу вам больше: сегодня одни западные политики высказываются против санкций, а другие называют это «выстрелом в собственную ногу». Я хочу обратить ваше внимание на то, что в Германии ширится движение предпринимателей, которое выступает за отмену антироссийских санкций, за установление прочных контактов между Европейским союзом и Евразийским экономическим союзом. Создана рабочая группа с примечательным названием «Единое экономическое пространство от Лиссабона до Владивостока». Седьмое заседание было проведено в Алматы, а восьмое в Москве. Бизнесмены, эксперты, просто нерав-

нодушные люди обращаются к политикам с настойчивой просьбой: необходимо начать переговоры о создании серии документов, которые бы регулировали предпринимательскую деятельность. Прагматичные немцы говорят: «Давайте разделим политику и экономику. Лозунги типа «Верните Украине Крым! Выведите войска с Донбасса!» оставим политикам, а деловым людям позвольте создать общий рынок с населением 700 миллионов человек – вот что такое ЕС+ЕАЭС. Представители деловых кругов напоминают об Астанинской декларации ОБСЕ, которая была подписана в столице Казахстана 2 декабря 2010 года. Тогда впервые страны мира поддержали идею Нурсултана Назарбаева о евроазиатской безопасности, которая служит гарантией бизнесу. Более того, немцы настроены продлить этот мост кооперации и в Китай. Тогда формула станет и вовсе универсальной «ЕС + ЕАЭС + Один пояс – один путь». Причём речь идёт не только о единых таможенных правилах и тарифах, но и о едином безвизовом пространстве. В этом суперрынке Казахстану будет принадлежать одно из ведущих мест, учитывая его транзитные возможности. Политиком, который мог бы возглавить такие переговоры, является Нурсултан Назарбаев, убеждены немецкие партнёры. Назарбаев часто выступает как евразийский лидер. И потому мог бы стать координатором в этой работе. Они обратились к лидеру нашей страны с письмом, в котором просят начать практическую работу в этом направлении. Эту инициативу поддержали ведущие концерны ФРГ. Такие как «Сименс», «Бош» и другие.

- Им в логике не откажешь. Нурсултан Абишевич начал говорить о евразийской интеграции тогда, когда ни в одной стране об этом даже не помышляли. Проект «О формировании Евразийского союза государств» был обнародован 3 июня 1994 года...

- Поэтому когда мы говорим о казахстанско-российском сотрудничестве, о Евразийском экономическом союзе, надо понимать: эти идеи вполне пригодны для того, чтобы выводить их на новый уровень. Называть это можно по-разному. Президент Назарбаев говорит об объединённом евразийском экономическом пространстве. Его российский коллега Владимир Путин предлагает включить сюда страны Европейского союза, ШОС и даже АСЕАН. Тогда это будет по-настоящему Большое Евразийское пространство. Но пока сближению в формате «ЕС+ЕАЭС» препятствуют Соединённые Штаты Америки, о чём недавно сказал Сергей Лавров, министр иностранных дел России. Штаты, конечно же, не заинтересованы в создании единого торгового пространства – от Лиссабона до Владивостока. Этой идее препятствуют и чиновники в Брюсселе, в основном из восточноевропейских

стран. Они ориентируются не на европейские интересы, а на американские указания.

Не ошиблись!

- Европа от Лиссабона до Владивостока пока остаётся лишь красивой, но несбыточной мечтой. Поэтому предлагаю вернуться с небес на землю. У меня для вас сюрприз. В моём журналистском досье сохранилась вырезка. Ваше выступление в газете «АиФ Казахстан», № 49 за 2006 год. Вы тогда возглавляли Казахстанский институт стратегических исследований. Называется статья «Время выбора. Не ошибиться бы...» Речь шла о том, как Россия поддерживает своих соотечественников, как действует Программа по добровольному их переселению в Россию. Вы там привели такую цифру: за годы независимости общее количество этнических русских сократилось с 6,06 миллиона человек до 4,02 миллиона. И вот прошло 12 лет. Что изменилось?

- На конференции проблема миграции не обсуждалась. И вовсе не потому, что мы избегали острых тем. Просто это отдельный разговор, который требует специальных социологических исследований и статистического анализа. Могу лишь поделиться собственными ощущениями. Мне кажется, что эта тема потеряла остроту. И вот почему. Никто людям не препятствует. Хотите жить в России – пожалуйста. Хотите остаться в нашей стране – тоже хорошо. Поток миграции ослаб, хотя он и продолжается. К слову, из России люди тоже едут в Казахстан. Этнические казахи и русские тоже. Впрочем, нельзя сказать, что эта тема вообще выпала из поля зрения участников встречи. На конференции мы говорили о том, как содействовать культурному развитию казахов, проживающих в России. И русских в Казахстане. Практически все сошлись на одной позиции: здесь огромные резервы у приграничного сотрудничества. Обмен учебными пособиями, художественной литературой, совместные телепрограммы. Такой опыт есть. Но он нуждается в осмыслении и широком распространении. Самое главное: эти вопросы не надо демонизировать. Мы видим, что некоторые наши западные «партнёры» не оставляют надежд на так называемую «политику управляемой дестабилизации». Чем это может закончиться? Пример Ливии, Сирии и Ирака у нас перед глазами. Да и Украину процветающим государством никак не назовёшь. Поэтому предполагаемое распространение санкций на государства СНГ, которые сотруд-

начают с Россией, – это элемент обострения политической ситуации. В том числе и в Казахстане. И ещё. Два вопроса надо рассматривать, что называется, в одном пакете, чтобы не давать повода для инсинуаций. То есть следует анализировать положение русских в Казахстане и при этом рассматривать проблемы казахов в России. Это будет вполне корректно. Я вообще считаю, что отток русскоязычного населения в первую очередь связан с ухудшением социально-экономической ситуации в нашей стране. К 2015 году процесс миграции сократился, а потом снова усилился. Почему? Произошло сразу несколько девальваций тенге. А это больно ударило по карману всех казахстанцев. Тем не менее и в этом чисто экономическом вопросе некоторые эксперты не прочь усмотреть «происки националистов». С другой стороны, специалисты по «управляемой дестабилизации» ищут сторонников в рядах ревнителers казахского языка. Хотя любая попытка противопоставить два языка бессмысленна и обречена на провал.

- Не так давно президент Казахстана призвал вести все заседания республиканского уровня на государственном языке. Что дало повод позлословить российскому сектору интернета: «Русским Казахстана прикусили язык»...

- Я не усматриваю в высказывании главы государства какого-то националистического подтекста. Он тем самым подталкивает всех чиновников – независимо от национальности – к знанию государственного языка. Хочешь работать на государство – знай государственный язык. Это элементарно. Но с другой стороны, Нурсултан Абишевич не устаёт повторять: ни в коем случае нельзя потерять русский язык. И согласитесь, Казахстан – это не Украина, где именно с запретов говорить на русском языке началось противостояние по языковому принципу в Крыму и на Донбассе. Мне известно, что в России многие политики негативно отнеслись к переводу казахского языка на латинскую графику. Дескать, это нарушит наши традиционные связи. Вот так на пустом месте рождаются надуманные страхи. С чего вы это взяли, коллеги?! Президент даёт понять, что дружить с Россией он собирается и дальше, но при этом страна войдёт в зону латинского алфавита, как та же Турция в начале двадцатого века. Конечно, мне хотелось бы узнать, в какую сумму обойдётся нашей стране перевод на латиницу? Хотя бы на примере одного района. Пока таких данных нет. А ведь ещё наши предки говорили: «Не зная броду, не суйся в воду». На мой взгляд, симптоматичным явилось недавнее выступление сенатора Дариги Назарбаевой в верхней палате парламента, которая точно расставила акценты. «Защищать казахский язык – не значит при-

нижать русский». К слову, свой доклад она сделала на великолепном русском языке. Надо понимать: давление на русский язык приведёт к всплеску миграционных настроений, в том числе и среди русскоговорящих казахов. Всегда вспоминаю мудрые слова Олжаса Сулейменова: «Возвысить степь, не унижая горы». Давно они были произнесены. Но, к сожалению, ничего лучшего наши мастера слова не придумали...

История и география

- В этом году исполняется 20 лет со дня подписания Нурсултаном Назарбаевым и Борисом Ельциным одного весьма примечательного документа. Он называется «Декларация между Республикой Казахстан и Российской Федерацией о вечной дружбе и союзнничестве, ориентированном в столетие». Я так понимаю, что и ваша конференция состоялась в русле этой декларации.

- Несомненно.

- Поэтому у меня вопрос: чего состоялось больше за эти два десятилетия - потерь или приобретений?

- Приобретений, конечно же. Давайте поговорим об экономике. Внешнеторговый оборот Республики Казахстан со всеми странами мира в январе-ноябре 2017 года составил 69,45 миллиарда долларов. Товарооборот Казахстана со странами ЕАЭС за это же время составил 15,59 миллиарда долларов, т.е. 22,46% внешнеторгового оборота РК. При этом внешнеторговый оборот Казахстана с Россией - 14,39 миллиарда долларов. А товарооборот со странами Европейского союза - 30 миллиардов долларов. На этом основании делается вывод: нам по пути только с Европой. Дескать, Россия никогда не выйдет на уровень Европы. Авторы таких, с позволения сказать, изысканий, как минимум лукавят. Ключевое государство в ЕС - Франция. Товарооборот Казахстана с Францией составил всего 3,39 миллиарда долларов. Я к чему клоню? Нельзя сравнивать Россию с конгломератом государств, которым является объединённая Европа. Эти цифры показывают, насколько важны и значимы для нас торгово-экономические отношения с Россией. На конференции говорилось о двух факторах, которые связывают нас с северным соседом: история и география. К примеру, самая протяжённая в мире граница между нашими странами - 7,5 тысячи километров. Этот фактор нельзя не учитывать.

- На протяжении ряда лет вы на научных конференциях раз-

ного рода, а я в газетных материалах проводили одну и ту же нехитрую мысль. Граждане России, которые приехали в Казахстан в гости и по делам, равно как и граждане Казахстана в России, не должны тратить драгоценное время в очередях, регистрируя своё пребывание в братской стране. Без регистрации они могли находиться у соседей не более 5 дней. И вот свершилось. Теперь это время продлено до 30 суток. Но аппетит приходит во время еды. Теперь многие энтузиасты хотят 90 суток. И ещё. Каковы, на ваш взгляд, причины миграции в Россию?

- Согласно данным Комитета по статистике Министерства национальной экономики РК, после распада СССР из Казахстана выехало 4,1 миллиона человек. Рекордным явился 1994 год, когда из Казахстана выехало 447 тысяч человек, в основном в Россию и Германию. В 2016 году из Казахстана на постоянное местожительство в другие страны уехали 32 930 человек (на 16,4% больше, чем в 2015 году). На мой взгляд, причины выезда из Казахстана можно разделить на несколько групп. Первая: образовательная миграция. Около 69 тысяч граждан Казахстана в настоящее время обучаются в российских вузах и в их казахстанских филиалах, поскольку указанные вузы предоставляют более качественное и относительно дешёвое образование с последующим трудоустройством в РФ. Вторая: «утечка мозгов». Сегодня это уже не риск, а реальность. Не только специалисты, получившие образование за рубежом, но и кадры, подготовленные в Казахстане, вследствие различных экономических стимулов и иных социально-политических факторов уезжают за границу. А вместо них к нам прибывает неквалифицированная рабочая сила. Следовательно, необходимо стимулировать ослабление действия «выталкивающих» факторов. Третья: социально-экономические причины, о чём я уже упоминал. К сожалению, условия жизни в Казахстане по сравнению с другими странами ухудшились. Сегодня в России качество здравоохранения, образования, социального обеспечения выше, чем в Казахстане. Об этом свидетельствуют, в частности, задачи, поставленные на ближайшие 6 лет: увеличить продолжительность жизни до 80 лет; снизить бедность в два раза; снизить жилищную ипотеку до 7-8% и т.д. Нарастанию миграции из Казахстана способствовало падение курса тенге, вследствие чего наше население обеднело наполовину. Всё сильнее ощущается снижение социальных возможностей, отсутствие карьерных возможностей. И, наконец, четвёртая: языковая ситуация. Русский язык сдаёт свои позиции. Постоянно идут вбросы

в СМИ со стороны радикально настроенных популистов. Форсированный переход на латиницу, по мнению некоторых экспертов, тоже способствует росту эмигрантских настроений.

- Мы порой с энтузиазмом афишируем европейские ценности. Дескать, у них ни границ, ни таможен. К примеру, приехал поляк в Португалию. Сколько хочет, столько там и живёт. Пока не надоеет. Или пока деньги не кончатся. Это тот случай, когда европейский опыт кажется мне заслуживающим внимания...

- Я считаю, что внутри Евразийского экономического союза никакие визы, никакая регистрация не нужна. Шаг в правильном направлении: казахстанцы теперь могут посещать государства ЕАЭС по внутренним документам - удостоверениям личности. Штамп пограничнику ставить некуда. Правда, на границе дают миграционную карточку. Но это для гостиницы. Почему бы не сделать следующий шаг: отменить регистрацию вообще? Я полемизировал на этот счёт с московскими чиновниками. Они говорят: а вдруг будут проникать в Россию из Казахстана малосимпатичные субъекты из тех государств, с которыми у вас безвизовые отношения? Что тут скажешь? Жизнь показывает, что «малосимпатичные субъекты», и террористы в том числе, все препоны обходят легко. А реальные трудности - они для законопослушных людей. Но в целом мы продвигаемся в правильном направлении, хотя и не так быстро, как хотелось бы. Страны ЕАЭС признают водительские права соседних государств. Подписано Соглашение о едином фармацевтическом рынке. С 1 января 2018 года вступил в силу единый Таможенный кодекс ЕАЭС. Если мы переведём его на язык цифровых технологий, то сумеем сократить количество контактов бизнеса и таможен. Что однозначно даст толчок развитию деловых отношений между странами. Вообще - и эта тема тоже обсуждалась на конференции - самое главное: что получит рядовой труженик от различных интеграционных объединений? Только один пример. Жителей Казахстана уже не надо агитировать за ЕАЭС. Они привыкли к изобилию на прилавках магазинов: к белорусской буженине, российским конфетам, армянскому коньяку и кыргызскому сыру. Они и сами всё хорошо знают и понимают. Вот так и в казахстанско-российских отношениях. Граждан нашей страны нет смысла агитировать за дружбу и союзничество с Россией. Они и так всё хорошо знают и понимают.

- На этой жизнеутверждающей ноте мы и закончим наш диалог.

«Аргументы и факты. Казахстан», 08.03.2018 г.

Деловые диалоги »

Оставил добрый след в моей душе

Все мы не вечные и, возможно, вскоре кому-то придётся вспоминать и про нас...

Не могу сказать, что мы часто с Юрием Ивановичем встречались, о чём теперь искренне жалею. Ох, эти поздние сожаления!..

Однако и те редкие встречи всегда оставляли добрый след в моей душе. Был у него особенный взгляд, притягивающий человека, доброжелательная манера ведения беседы, располагающая к откровенности. И замечательная, по нынешним временам довольно редкая, способность слушать и слышать собеседника. Эти его особенности я отметил в самом начале нашего знакомства, которое произошло при обстоятельствах очень важных для нашей страны и драматических. Дело в том, что нас обоих включили в состав Комиссии Верховного Совета Казахской ССР по расследованию причин событий декабря 1986 года, которую возглавил известный литератор и политик Мухтар Шаханов. Я в ту пору был депутатом ВС Казахской ССР 12-го созыва, Юрий Иванович – собственным корреспондентом союзной газеты «Рабочая трибуна». Работа комиссии продолжалась с 89-го по 90-й год, была трудной, связанной с пересмотром огромного количества документов, встреч с участниками декабрьских событий, восстановлением истинной картины произошедшего. Отделением, как говорится, «зёрен от плевел». Помню, насколько глубоким и серьёзным было участие Юрия в нашей общей деятельности, а его публикации на эту тему отличались настоящей аналитикой и принципиальностью. Хотя, не буду скрывать, находились и те, кто пытался «надавить» на членов комиссии, навязать более удобную и выигрышную точку зрения...

Я профессиональный врач, в медицине тружусь более полувека, но мне всегда было легко говорить с ним, журналистом, на медицинские темы. Меня даже поражала его осведомлённость в делах нашего медицинского цеха. Лишь совсем недавно я узнал причину этого. Оказывается, это было у Юрия Ивановича потомственное: его мама Елена Ивановна была врачом. Кроме того, чувствовалось, что к каждой встрече, тему которой мы обговаривали заранее, он тщательно готовился.

Никогда не забуду, как несколькими публикациями в «Аиф. Казахстан» он реально помог Национальной коалиции «За Казахстан, свободный от табачного дыма в реализации антитабачной программы. К сожалению, из 18 млн. казахстанцев 4 млн. напрямую страдают от табачного дыма: 2,8 млн. курят сами, 1,2 млн. так называемых «пассивных» курильщиков (дети, женщины, соседи по лестничной площадке, коллеги на работе) вынуждены вдыхать табачный дым, хотя сами не курят. Самое поразительное то, что сам Казахстан не производит сигарет, а все компании, зарабатывающие миллиарды на здоровье наших граждан – иностранные. Уже какой год наш парламент не может принять поправки к закону о запрете электронных сигарет, кальянов, табачных выкладок на витринах магазинов. Эти насущные проблемы поднимали мы с Юрием Ивановичем в наших публикациях.

Запомнилась мне наша последняя встреча, примерно за полгода до того как его не стало. Пересеклись случайно, на автобусной остановке, обычные вопросы о работе. И мимоходом о здоровье, хотя я сразу увидел, что он тяжело болен. Мы отошли подальше, сели на скамейку. Почему-то разговорились о странах, где в разные годы бывали. И он, и я объездили почти полмира. Я увлёкся, начал рассказывать ему о новейших достижениях в области клеточной и эволюционной биологии, о том, что передовая медицинская мысль вплотную работает над продлением продолжительности жизни человека до 120–140 лет – именно таков ресурс, с которым мы пришли в этот мир и который подарили нам родители и Создатель. Так хотелось вселить в него надежду... А когда я сказал, что люди в Тибете и сейчас живут в среднем до 120–140 лет, хотя там нет не только автомобилей, налоговой полиции, но и врачей, он даже рассмеялся. Эта замечательная улыбка мудрого, всё понимающего человека останется навсегда в моём сердце, пока я жив.

*Талапкали Измухамбетов
г. Алматы*

Москва казахская

Жибек СЫЗДЫКОВА, московский профессор, размышляет о том, что объединяет Казахстан и Россию. Её судьба – блестящее подтверждение теории евразийства.

Родительский дом. Начало начал...

- **Жибек Сапарбековна, начнём с самого главного. Как вы выбрали свою профессию?**
- Можно сказать: это она меня выбрала. В нашем классе профилирующим предметом была физика. И у меня по этому предмету всегда были хорошие и отличные оценки. Мечтала выбрать профессию, связанную с этой наукой. Перед глазами был пример учителя Таисии Григорьевны Фоминой, которая на все отпускные покупала приборы для проведения лабораторных опытов. Но в классе восьмом я впервые задумалась о том, как развивается наша страна. Почему у нас социализм, а у них капитализм? Конечно, ответа не было. Как и положено советскому человеку, я старательно читала все известные газеты. Сначала «Пионерскую правду», затем «Комсомолку», а потом и «Правду». На третьей странице газеты приводились различные комментарии из газеты китайских коммунистов «Жэньминь жибао», из чехословацкой «Руде право» и французской «Юманите». И тогда я подумала: «А почему газеты других стран мира не пишут о великом Советском Союзе?» Согласитесь, опасные мысли в голове у сельской девчонки...
- **Где вы родились?**
- Неподалёку от Есиля есть село Бузулук. Это живописное место, где небольшая речка Каракол впадает в Ишим. Село не большое,

но с богатой историей. Здесь кочевали мои далёкие предки, возникали и рушились союзы казахских ханов. Легендарный Амангельды Иманов устанавливал советскую власть. С детства я любила книги. Школьная библиотека для меня быстро закончилась. Я там перечитала всё, что казалось мне достойным внимания. На свалке находила книги, часто с вырванными страницами. Порой без названия. Хорошо помню одну, в которой не было первых тринадцати страниц. В ней рассказывалось о борьбе вьетнамского народа с американскими агрессорами. Я даже название выдумала – «Женщина из Байшао». А ещё помню книгу Екатерины и Антона Красицких «Детство Тараса» – о Тарасе Григорьевиче Шевченко. Несколько раз перечитывала её. Мне так хотелось, чтобы в конце концов судьба оказалась добрее к способному пареньку из бедной семьи. Но, увы... И тем не менее ответы на вопросы, которые подкидывала жизнь, я пыталась искать в книгах. Однажды, когда училась в девятом классе, родители выдали мне немалую сумму на зимнее пальто – целых триста рублей. Но ноги сами привели меня в книжный магазин. И на все деньги я купила книгу. Продавцов в магазине это так впечатлило, что один из них вызвался мне помочь. Сама я бы этот ценный груз не дотащила. Дома мне, конечно, влетело. Но от любви к книгам я уже излечиться не могла. Я пыталась понять, почему же мы живём не так, как хотим? Официально говорим одно, а в жизни всё по-другому? Социализм, а затем коммунизм? Возможно ли это? Может, просто не все произведения Ленина нам разрешают читать? А ответы содержатся именно в них? Или нужно поискать ответ в других книгах? Эти мысли меня постоянно будоражили и не давали покоя. В итоге эти вопросы привели меня на исторический факультет. В девятом и десятом классах я обучалась в райцентре, в Октябрьской средней школе, жила у бабушки Джамили. Бабушка всю жизнь трудилась, все силы отдала воспитанию своих троих детей и подрастающих внуков. И мне повезло, что я была рядом с ней и узнавала историю из её уст. К сожалению, жизнь так устроена, что мы не успеваем отблагодарить по достоинству тех, кто способствовал нашему становлению. Вообще я многим обязана своим бабушкам. Другая моя бабушка Зейнеп практически меня воспитала. В детстве я думала: вот вырасту и возьму себе новое имя – Зейнеп. Я никогда не видела, чтобы она как-то проявляла своё недовольство. Она ни разу, представляете, ни разу не отругала меня. Не сделала ни одного замечания. Всё по-доброму, с улыбкой, с душевной присказкой. Она мне поставила грамотный казахский язык, привила любовь к истории. Я ещё не ходила в школу, а уже знала, кто

такие Чингисхан и Тимур. Я называла её бабушкой, но это была тётя моего отца, сестра моего дедушки. Деда звали Ибрай. Он погиб на войне. Он был очень образованным человеком, знал несколько языков. Ему было за сорок, когда он добровольцем ушёл на фронт. Хотя, наверное, мог бы отсидеться в тылу. И погиб. Портрет деда висел на стене. Мне казалось, что он на меня смотрит. И если я что-то не сделала, допустим, не выполнила домашнее задание, то поднималась ночью и работала. Ему нельзя было солгать. Нельзя было увильнуть от каких-то своих обязанностей. Мои родители, папа Сапарбек и мама Карлыгаш, до сих пор живут в Бузулуке. С отцом связана одна трогательная история. Однажды он провожал меня на поезд, я училась в то время в Караганде. Уже на перроне хлопнул себя по лбу. «Забыл дома деньги. А надо бы купить хлеб». Я дала ему 3 рубля. Он купил ароматную мягкую булку. Отдал мне сдачи – 2 рубля 52 копейки. (Вот ведь, запомнила!) А потом терзался. «Надо было вернуться за деньгами домой. А вдруг тебе не хватит этих самых копеек?» Понимаете, вот из таких мелочей и состоит наша жизнь.

– Вы помните своего учителя истории?

– Конечно. Это был добрый, интеллигентный и понимающий человек – Валерий Анатольевич Молчанов. Ему со мной было не просто, поскольку я задавала неудобные вопросы. Но он никогда не одёрнул меня, не обидел грубым словом. Между тем и физика не уходила из моей жизни. В девятом и десятом классах я даже училась заочно на подготовительном отделении Томского государственного университета. Тогда была такая практика – вузы заранее подыскивали себе способных студентов. И всё-таки история перевесила. Я поступила на исторический факультет Карагандинского государственного университета. Поэтому до сих пор с благодарностью вспоминаю скромного учителя истории из сельской школы.

В университете, чтобы не было скучно, с головой окунулась в общественную работу. Несколько лет подряд меня избирали секретарем комсомольской организации факультета, председателем Клуба интернациональной дружбы «Курдастар» («Ровесники»). Мир раздвинулся, стал многоцветным и многомерным. Мы вели переписку с экипажем теплохода «Караганда» Балтийского моря, молодёжью разных стран, устраивали чаепития, посвящённые народам мира. Но пролетели студенческие годы, и снова пришла пора выбирать. Я могла сделать комсомольскую карьеру. Но выбрала науку. Мне кажется, что в науке, как и в искусстве, огромный простор для творчества. В политике важны, наверное, совсем другие качества...

– Чем вы занимаетесь в институте?

– У меня достаточно обязанностей. Но выделю то, что считаю принципиально важным. Я возглавляю Центр по изучению стран Азии и Кавказа. Речь идёт о постсоветских государствах. В «эпоху развитого социализма» наука советскими Востоком и Кавказом практически не занималась. Считалось, что и так всё понятно. Ведь эти республики – составляющая часть СССР. А значит, и история должна быть общей. В учебнике истории за шестой класс пяти азиатским республикам и трём кавказским был посвящён лишь один параграф. Что можно втиснуть в него? И только после распада СССР учёные обратили внимание на эти регионы. В 1992 году в Институте стран Азии и Африки МГУ имени М. В. Ломоносова впервые стали преподавать казахский язык. У истоков этой благородной миссии стоял профессор Кенесбай Мусаев, один из видных представителей казахской диаспоры в Москве. Кенесбай Мусаевич уже давно и плодотворно работает в Институте языкознания. Он немало потрудился, чтобы объединить московских казахов и направить их силы и энергию на пользу двум народам – русскому и казахскому. Запомнилось его семидесятилетие. Мы его торжественно отметили в нашем институте. На глазах аксакала блестили слёзы. Большой вклад в общее дело внесла Неля Ермухановна Бекмаханова, дочь известного историка Ермухана Бекмаханова, арестованного в начале пятидесятых годов за пропаганду якобы националистических идей. Неля Ермухановна работает в Институте истории России. Вот так, буквально по кирпичику мы создавали организацию казахов Москвы. Её официальное название – Казахская культурная автономия.

Профессия штучная

– Много ли в России учебных и научных заведений, которые бы изучали казахский язык, историю нашей страны?

– Не так много, как хотелось. Но с гордостью могу сказать, что в этом смысле Институт Азии и Африки является своеобразным флагманом. В прошлом году мы впервые провели набор на отделение казахского языка, где он изучается как основной восточный язык. Раньше его давали в качестве второго языка, начиная с 1992 года, как я уже сказала, Казахстан и Россия – не просто соседи, но и союзники, стратегические партнёры. И они должны лучше знать и понимать друг друга. Непонимание всегда может привести к неприязни.

Печальный пример отношений России и Украины у нас ежедневно перед глазами, в сводках теленовостей.

– С этим, как говорится, не поспоришь. Знания – лучшая прививка от ксенофобии и национальной спеси. Кстати, а что кроме казахского языка изучают ваши студенты?

– Историю Казахстана, географию, этнографию, археологию. Ну и, конечно, политику и экономику страны. Всего в Институте изучают 48 языков стран Азии и Африки. Казахский язык теперь занимает почётное место в этой «семье». В группе шесть человек. Пятеро студентов и один аспирант.

– Негусто...

– Страноведение и языкознание – специальность штучная. Но уверяю вас, из стен нашего вуза выходят высококлассные специалисты. И они всегда востребованы. Есть группы, в которых в качестве первого восточного языка изучается узбекский, азербайджанский, грузинский и армянский. В качестве второго – таджикский, киргизский, туркменский и некоторые другие языки, на выбор. В казахской группе в качестве второго языка обязательно изучение арабского. Как известно, до революции казахи имели свою письменность на основе арабского языка. Потом перешли на латиницу. Затем Москва «рекомендовала» кириллицу. А ведь каждая смена вех – это своеобразный стресс для народа. Многие исторические пласты были утрачены. Я думаю, что молодые учёные-казаховеды и арабисты смогут восстановить их, хотя бы частично. К слову, изучив арабскую графику, можно проникнуть и в тайны языков соседних стран Центральной Азии.

– Вероятно, к вам на учёбу едут казахи, граждане России из приграничных областей?

– Какой смысл учить человека казахскому языку, если он для него родной? Нет, это всё русские ребята. Пятеро из них москвичи и один мальчик из Екатеринбурга, Денис Городилов. Он просто влюблен в нашу страну. Видимо, это идёт из семьи. Не так давно я провела небольшое сочинение на тему «Пять причин, почему я выбрал Казахстан». И получила великолепные по своей насыщенности и откровенности ответы. Валя Кузнецова, к примеру, с детства увлечена восточными орнаментами. В том числе и казахскими. Она мне рассказала о них так подробно и красочно, что я испытала некоторое смущение. Далеко не обо всех нюансах я, этническая казашка, имела представление. Дарья Сапрынская прекрасно поёт на казахском языке. Не так давно на одном из наших праздников она исполнила

кной «Камажай» и песню «Сулыкыз». А сейчас учится казахским танцам. Не только Валя, Денис и Даша, но и остальные хорошо разбираются в традициях, обычаях и костюмах нашего народа. Играют на домбре. Мне не придётся за них краснеть, когда они покинут стены родного института.

– **Сколько человек обучается в вашем институте?**

– Ежегодно примерно сто студентов поступают в вуз на бесплатное обучение. И примерно тридцать – тридцать пять – на платное. Всего в Институте стран Азии и Африки учится более тысячи юношей и девушек. Студенты и аспиранты. Конкурс – девять–десять человек на место. Принимаем самых достойных. За количеством не гонимся. Как говорил многими теперь критикуемый Ильич, «лучше меньше, да лучше». Эта формула про нас.

– **Как думаете, почему у русских ребят такой интерес к казахской культуре?**

– Мне думается, это объясняется во многом той динамичной и эффективной политикой, которую проводит Нурсултан Назарбаев. Это связано с авторитетом первого президента страны. Казахстан имеет хорошие экономические показатели. Большое впечатление на мир произвело строительство новой столицы Астаны.

Как-то раз я поехала в центральный корпус нашего университета на Воробьёвых горах. Там в холле продавали туристические путёвки. Я заинтересовалась: группа ребят решила поехать на каникулы в Астану. Не Килиманджаро, не Великая Китайская стена, а столица Казахстана привлекла их внимание. Спрашиваю: почему? Ответ простой: «Наши друзья съездили. Им понравилось». Многие относятся к новой столице как к чуду света. Ведь практически в голой степи родился такой красивый город.

Не идут казахи в дворники

– **Обычно высшие учебные заведения бережно хранят документы и фотографии своих выпускников, которым выпало прославиться...**

– Наш вуз окончили такие разные люди, как пресс-секретарь российского президента Дмитрий Песков, вице-спикер Государственной думы Владимир Жириновский и писатель Борис Акунин. Многие послы в азиатских и африканских странах прошли через эту кузницу кадров. Из казахстанцев отметила бы Мурата Ауэзова, вид-

ного общественного деятеля. Он окончил наш институт, китайское отделение. Долгое время работал Чрезвычайным и Полномочным Послом Казахстана в Китае.

– **Обратимся к вашей общественной работе. В посольстве Казахстана вас рекомендовали как одну из наиболее активных участниц объединения...**

– Спасибо на добром слове. Мне порой трудно разделить, что я делаю по долгу службы, а что – по велению души. Просто я неисправимо советский человек, для которого слова «патриотизм» и «Родина» – не простой набор звуков. Но, откровенно говоря, мы сейчас находимся в поиске новых форм работы, которая бы отвечала современным реалиям. Вот, к примеру, существует такая организация, как Всероссийский азербайджанский конгресс. Наши коллеги-азербайджанцы издают книги и газеты, собирают пресс-конференции по различным вопросам взаимоотношений двух государств, проживания в России. К голосу конгресса прислушиваются властные структуры как Азербайджана, так и Москвы. В России проживает несколько миллионов азербайджанцев, в Москве и Московской области – около миллиона. Нас, казахов, в Москве всего девять тысяч человек. Масштабы разные. Но какие-то организационные приёмы, методы работы было бы неплохо перенять. Тем не менее и мы тоже немало успели. В культурной автономии я отвечаю за работу с молодёжью – в силу своей профессии и должности. Ярko, с выдумкой и вдохновением у нас проходит весенний праздник Наурыз. Обычно мы собираемся в Большом зале Российской государственной библиотеки. Приглашаем студентов со всех стран СНГ. Приходят наши друзья из Турции, Ирана, Афганистана и других мусульманских государств. В этом году собрались примерно полторы тысячи человек. При Государственной библиотеке России (бывшая Библиотека имени В. И. Ленина) существует Центр восточной литературы. Там мы организовали курсы казахского языка и литературы, истории и культуры. Я там читала курс лекций по истории Казахстана. Всё это делается на общественных началах. И, откровенно говоря, не слишком соотносится с современными рыночными реалиями. Посольства многих стран напрямую финансируют подобные проекты. У нас пока такого нет. Если честно, меня это печалит. Потому что энтузиазм общественников рано или поздно заканчивается. Вообще, как мне кажется, мы напрасно недооцениваем роль народной дипломатии. Одна из причин украинской трагедии в том, что вся интеграция продвигалась только в верхнем эшелоне власти. А вот простых человеческих контактов, научных

дискуссий, общих образовательных программ явно не хватало. Поэтому произошло это на первый взгляд необъяснимое отторжение двух народов, двух братских и похожих культур.

В целом между посольством Казахстана и Казахской культурной автономией существуют доверительные товарищеские отношения. Прежний посол Галым Оразбаков подарил нам немало книг по истории и культуре Казахстана и картину для музея Востока. Несмотря на свою занятость, всегда интересуется нашими делами новый посол Марат Тажин. Думаю, что не без участия посольства одна из совместных российско-казахстанских компаний выделила нам 1,3 миллиона рублей на оборудование для нового класса казахского языка. Теперь он оборудован самой совершенной аппаратурой. И это меня очень радует. В Институте стран Азии и Африки Центр изучения казахского языка с каждым годом занимает всё более достойное место. Но параллельно нужны воскресные школы в разных районах Москвы, которые мы, увы, потеряли. Причина банальная: у нашей богатой, нефтегазодобывающей страны нет денег.

Иногда я думаю: чем отличается казахская культура от других? У казахов через язык, устное народное творчество передаются многие «сигналы» в адрес мировой цивилизации. Учёные пришли к удивительному выводу: в зависимости от языка и национальных традиций у людей по-разному осуществляются мыслительные операции. Возьмите китайцев. Они едят палочками, могут ловко поддеть даже одно зёрнышко и при желании рассмотреть его. Китайцы с детства учатся каллиграфии, тщательно рисуют иероглифы. Терпеливо выращивают рис. Всё это способствует их трудолюбию и скрупулёзности. Теперь обратим свой взгляд на Арабский Восток. Египетские пирамиды – великий памятник гению человека. Его можно увидеть и потрогать. Да, это высота культуры. Но разве менее велик и талантлив казахский акын, который шесть часов поёт не повторяясь? Так что же считать эталоном культуры? Её вершиной? Лично у меня нет однозначного ответа. Но я знаю одно: чтобы не потерять этот пласт народной мудрости, надо не забывать родной язык. Постоянно общаться на нём. Казахские и дипломаты и простые люди, живущие в Москве, взрослые и дети должны чаще собираться. Чтобы не забывать звук домбры, чтобы слушать кюи. Есть такие вещи, без которых ты просто не существуешь.

– Не скрою, меня удивила эта цифра – только девять тысяч казахов проживают в Москве? Так мало?

– Рыночные реформы в Казахстане прошли в сжатые сроки и

не вызвали таких тяжёлых последствий, как в соседних странах. Поэтому мои соотечественники не рванули в массовом порядке в столицу России, как это сделали узбеки, таджики и киргизы. Они не метут улицы и не торгуют овощами на рынках. Потому что в целом уровень жизни в Казахстане выше, чем в соседних государствах. Если казахи решаются на переезд, то отправляются в Европу или за океан. Сегодня их немало в Англии, Швейцарии, странах Скандинавии и США.

Истоки. Концепция. Реальность

– Простите за нескромный вопрос: а как вы стали москвичкой?

– Наверное, повезло. Окончила с отличием Карагандинский государственный университет. Затем уехала в Москву, училась в аспирантуре. Тогда была единая страна. И в том, что я поехала учиться в столицу, ничего необычного не было. Потом, естественно, докторантура. Когда распался Советский Союз, многие посланцы бывших союзных республик поспешили к себе домой. Никто ведь не знал, что и как будет. Но я почему-то всегда воспринимала Москву как мой второй дом, в котором мне уютно и комфортно, несмотря на ужасные расстояния и знаменитые московские пробки. Так я осталась в российской столице. Однако связи с Казахстаном не прерываю. Бываю часто в Караганде, городе, который считаю родным. Оттуда приезжают молодые учёные на стажировку. Помогаю им осваиваться в российской столице. Посылаю книги для университетской библиотеки. Несколько раз по приглашению казахстанской стороны приезжала в Астану. Участвовала во встречах с президентом Нурсултаном Назарбаевым. Приезжаю читать лекции, принимаю участие в работе конференций и «круглых столов».

– Некоторые российские политологи порой уличают нашу страну в авторитаризме. Дескать, в стране начинается застой, если один и тот же человек управляет ею на протяжении четверти века...

– Мне доводилось выслушивать такие высказывания. И я к ним отношусь скептически. Деятельность лидера далеко не всегда можно оценить с позиции продолжительности его правления. Четыре раза американцы доверяли управлять страной Франклину Делано Рузвельту. Он вытащил страну из Великой депрессии, вместе с союзниками одолел кровавого диктатора Гитлера. Твёрдой рукой проводила свои реформы в Англии «железная леди» Маргарет Тэтчер. Решительно преобразовал патриархальную Османскую импе-

рию Мустафа Кемаль Ататюрк, возглавлявший Турецкую Республику 15 лет. Почти три десятка лет управлял Сингапуром Ли Куан Ю. Разные страны, разные эпохи. Но есть и общее. Это были лидеры, которые изменили лицо государства. В этом славном ряду и Нурсултан Абишевич. Эту позицию я попыталась отстоять в книге «Евразийство: истоки, концепция, реальность», которая вышла в этом году в Москве. Я была редактором, автором и составителем вместе с двумя моими коллегами, Михаилом Мейером и Вячеславом Михайловым.

– Какая главная идея книги?

– Существование и содружество двух цивилизаций. Условно говоря, Степи и Леса. Казахстан вошёл в состав Российской империи три столетия назад, Среднюю Азию присоединили во второй половине девятнадцатого века. Не будем лукавить: не всегда и не во всём это слияние было безболезненным. Но потом люди научились жить рядом, помогать друг другу. Быть комплиментарными – по выражению Льва Гумилёва. Некоторые политики в России и в Казахстане упрекают Нурсултана Назарбаева в том, что он приспособил чисто научную теорию для политических целей. А я уверена, это же просто здорово! Одно дело, когда научные изыскания остаются уделом узкого круга учёных. И совсем другое, если идея овладевает массами, государствами, континентами. Чтобы сегодня активизировать народную дипломатию, надо хорошо знать свои исторические корни. Не пестовать национальные обиды, которые, конечно же, тоже были. А строить отношения исходя из того, что нас когда-то объединяло. Это идеи разума, просвещения и добра.

– Сегодня я узнал много интересного об Институте стран Азии и Африки. О профессоре Жибек Сыздыковой, неистовой подвижнице и патриотке своего народа. Давайте поговорим о казахском поясе России. Ведь по периметру республики – от Астрахани до Алтайского края проживают более миллиона казахов. Работают казахские школы, выпускаются газеты, ведутся телепередачи на родном языке. У вас есть какая-то связь с вузами, которые расположены в областных центрах России?

– Наш институт – это своеобразный центр, в котором выдают разрешение на изучение восточных языков в вузах России. Речь идёт не только о конкретных преподавателях, но и вузах в целом. Сейчас казахский язык преподаётся в университетах Астрахани, Оренбурга, Челябинска, Омска, некоторых других российских городов. И конечно, у нас самые тесные контакты с преподавателями этих вузов. Сформирована специальная комиссия, которая называется учебно-методиче-

ским объединением. Помогаем коллегам с изданием книг, предлагаем воспользоваться своими методическими разработками. Что касается Казахстана. Мы поддерживаем тесные связи с двумя ведущими вузами – Евразийским национальным университетом имени Льва Гумилёва и Казахским национальным университетом имени Аль-Фараби. Регулярно бываем в Карагандинском и Кокшетауском университетах. К примеру, я участвовала в Валихановских чтениях, которые проходили в вузах Казахстана. Да, такая связь есть. Но нам хотелось бы большего.

Кресло Чокана

– Поясните свою мысль...

– В Армении есть министерство, которое занимается только проблемами диаспоры. Наверное, не без подсказки сотрудников этого ведомства два армянских бизнесмена предложили нашим ребятам поехать на месячную стажировку в Армению. Подчеркну: речь идёт о русских студентах, которые изучают армянский язык в нашем вузе. Опыт оказался настолько удачным, что армянская диаспора в России решила пригласить ещё раз этих студентов на всё лето в свою страну. Или вот ещё хорошая новость. О ней мне рассказали коллеги, индийские учёные, с которыми я недавно встречалась. Оказывается, все желающие изучать хинди могут это сделать за счёт правительства Индии. Независимо от возраста, национальности и вероисповедания. Вот это я понимаю, забота о родном языке. Такие же или похожие программы существуют в Индонезии, некоторых арабских странах. Почему бы нам, казахам, не сделать нечто подобное? И ещё. Двадцать первый век – это век СМИ. Помню, как мы праздновали День института. Сюжет об этом показали по российским каналам. Потом ко мне подходили знакомые и незнакомые люди. Здоровались. Благодарили. Нравится нам это или нет, но если мы хотим донести миру нашу гордость за свою страну, нашу озабоченность по поводу того, что не всё у нас получается, надо постоянно работать с телевидением и газетами, а не только по праздникам.

– В «Литературной газете» советских времён была такая рубрика – «Если бы директором был я...» Давайте пофантазируем: от вас зависит, в каком направлении проводить культурную и языковую политику Казахстана. Как бы вы поступили? С чего начали?

– Частично я уже об этом рассказала. Когда знакомишься с опытом других стран и народов, то очень часто примеряешь его на

себя. Я просто продолжу свой рассказ. В Азербайджане активно работает Фонд имени Гейдара Алиева. Когда мы начали в Институте изучать азербайджанский язык, они нам оборудовали класс. Мы поставили спектакль, в котором играют наши студенты, изучающие азербайджанский язык. На премьере присутствовал посол Азербайджана в России Полад Бюль-Бюль оглы. Ребята страшно волновались, но всё прошло замечательно. Всех самодеятельных артистов наградили десятидневной поездкой в Азербайджан. Конечно, напрашиваются какие-то аналогии. И они пока не в пользу моей любимой страны. Почему я говорю об этом? Как-то я была в Караганде, местная газета напечатала обо мне большую статью. Называлась она «Человек Евразии». Мне кажется, этот заголовок отражает суть моей жизни. И мне думается, что евразийство – это глубоко национальная черта казахского народа. И здесь нет никакого противоречия. Ещё Чокан Валиханов говорил о том, что для казаха неважно, как выглядит человек другой цивилизации. На каком языке говорит, что ест и как одевается. И даже каким богам он поклоняется. Главное – это образ жизни и понимание мира. И очень здорово, что три государства – Казахстан, Россия и Беларусь наконец-то смогли договориться о создании Евразийского экономического союза. Конечно, речь идёт прежде всего о координации в развитии наших экономик. Но лично я как учёный и педагог вижу здесь огромные возможности для развития гуманитарной сферы. Считаю, что назрел вопрос о создании межгосударственного Института интеграции, который бы занимался изучением общественного мнения и давал рекомендации, в каком направлении нам следует продвигаться. Обязательно надо создавать филиалы такого института в регионах. Чтобы интеграция не проходила только в формате саммитов и государственных встреч. А сотрудников для этого научного заведения можно было бы уже сейчас готовить в российских, казахстанских и белорусских вузах. Такие специалисты есть в разных странах. Но их усилия разобщены. Не хватает научного подхода, какой-то определённой системы. Это первое. Второе. Я думаю, надо ещё раз, буквально с карандашом в руках прочитать, а затем переиздать книги об интеграции наших государств. И прежде всего труды Льва Гумилёва. Возможно, мы сумеем открыть и постичь некие тайные смыслы, которые прежде не видели, не чувствовали. И третье. Уже сейчас известно о том интересе, который проявляют ряд стран к вступлению в ЕАЭС. Надо поддержать этот порыв. Изучить инновации на всём евразийском пространстве – от Токио до Лиссабона. И попытаться внедрить самые перспективные и экономически выгодные. Евразийский союз

не должен восприниматься лишь как объединение трёх постсоветских стран. У нашего союза должна быть экономическая и технологическая привлекательность. Вот так бы я ответила на ваш вопрос: «Если бы директором была я...»

– Что вам особенно запомнилось во время последних командировок на свою историческую Родину?

– Это было в Кокшетау, на родине Чокана Валиханова. В детстве он часто проводил время со своей бабушкой Айганым у озера, которое находилось у подножия горы. Чокан был непослушным ребёнком. Его бабушка давала ему каждый день задание: отнести на гору камень. Потому что каждый человек должен трудиться, прокладывая свою дорогу с детства в прямом и переносном смысле. В настоящее время на вершине горы лежит груда камней, которые принёс великий казах Чокан Валиханов. По традиции туристы бегут в гору или поднимаются быстрым шагом – чтобы ощутить нагрузку. Там есть своеобразное «кресло» – выемка в камне, которую углубили солнце, ветер и дожди. И по той же самой традиции люди стараются посидеть в этом «кресле». Все, кто добрался до вершины, примерили для себя кресло Чокана. Но я не стала садиться. Не посмела. Просто погладила камень рукой. Мне кажется, что не надо вести себя с великими запанибрата. Тут должно быть чувство меры, внутреннее, а не показное понимание связи со своей Родиной – на генетическом уровне. Каждый человек – это звено между прошлым, настоящим и будущим народа. Очень важно сохранить в себе это святое чувство. И передать новому поколению.

Жибек Сапарбековна СЫЗДЫКОВА родилась в селе Бузулук Есильского района Целиноградской области. Окончила Карагандинский государственный университет. Кандидатскую диссертацию на тему «Социально-экономические и политические особенности развития Турции в восьмидесятые–девяностые годы XX века» защитила в 1993 году, докторскую – в 1998-м. Тема докторской диссертации – «Основные направления внутренней и внешней политики Турецкой Республики (восьмидесятые–девяностые годы XX века)». Работала директором Института ЮНЕСКО «За культуру мира и демократии». Более ста публикаций в научной и периодической печати. В настоящее время работает заведующей кафедрой, заместителем директора Института стран Азии и Африки МГУ имени М. В. Ломоносова.

Республика Казахстан – Российская Федерация
«Весь мир», № 58 (сентябрь 2014 года)

Его жизнь продолжается в нас

Юрия Кириница, безусловно, можно отнести к плеяде наиболее талантливых журналистов Казахстана.

Я знал его с тех далёких уже времён, когда он ещё молодым человеком являлся собственным корреспондентом центральных газет, издававшихся миллионными тиражами на бесконечных просторах Советского Союза. Старожилы помнят, в какой бы регион не приезжали собкоры «Правды», где также трудился Юра, как все чиновники, начиная с первых секретарей обкомов партии, спешно принимались устранять имевшиеся «грешки» в своей деятельности. Много голов нерадивых руководителей «полетело» после критических публикаций в центральной прессе. При этом материалы Юрия Кириница всегда носили аналитический характер, были объективны и тщательно выверены. Мы с Юрой подружились именно в те годы. На его статьях учились и молодые журналисты и студенты факультета журналистики университета, где он частенько читал лекции, проводил мастер-классы и просто делился опытом работы.

После обретения Казахстаном независимости, уже представляя «Российскую газету», Юра был аккредитован в президентском пуле, и я не помню ни одной пресс-конференции в резиденции главы государства, на которой он бы не задавал вопросы, порой непростые, руководителям страны. Его неугомонный характер, талант публициста и потрясающая работоспособность снискали ему неподдельный авторитет среди журналистской братии.

Кое-кто считал его суровым, даже замкнутым «писакой», но только те, кто не был с ним близко знаком. Мы виделись не так часто, заедала пресловутая текучка, но когда это удавалось, например, в праздничные даты, которые иногда отмечали вместе, я всякий раз радовался этим встречам. Он был по-настоящему интересной, глубокой личностью, глубоко знал историю, всегда имел собственную, отнюдь не конъюнктурную точку зрения на события в политической и общественной жизни.

Ему неоднократно предлагали работу за рубежом, сулили

■ немалые материальные блага, но он всегда был верен своей ре-
■ спублике, где родился, вырос, где состоялась его творческая и лич-
■ ная судьба. Много писал для республиканских изданий, работал в
■ «Аргументах и фактах. Казахстан» политическим обозревателем и
■ редактором, открыл и выпускал свою газету «Весь мир», организо-
■ вав широкую сеть корреспондентов в странах ближнего и дальнего
■ зарубежья. Кстати, Дмитрий, сын Юрия Кириница и Светла-
■ ны Сеницыной, воспитанный на примерах родителей, тоже много лет
■ работал в знаменитом National Geographic. Их семья всегда полно-
■ правно входила в элиту казахстанской журналистики.

■ Обсуждая с ним творческие планы, а Юра иногда просил
■ написать материал на ту или иную тему в его газету, на встречах в
■ семейном кругу, я никогда не слышал от него жалоб на состояние
■ здоровья, он постоянно был в движении, вел здоровый образ жизни.
■ И я не хочу даже думать о том, что его нет среди нас. Всё, что с ним
■ связано, живёт в моём сердце, в душах тех людей, с кем он был дру-
■ жен и близок. А значит, и его жизнь продолжается.

Валерий Жандаулетов
г. Алматы

ГОЛОДОМОР – 1933

Сказал правду? Расстрелять!

Бейбут КОЙШИБАЕВ,
президент Казахстанского историко-просветительского общества
«Адилет» («Справедливость»), кандидат исторических наук.

Что такое «малый Октябрь»

– Голод начала тридцатых накрыл большую часть СССР. Как это выглядело в Казахстане?

– Легче всего говорить на примере собственной семьи. Мои предки жили в Центральном Казахстане, в долине реки Сарысу. Веками прадеды вели своё хозяйство так: летом пасли здесь скот, а на зимовку спускались южнее, ближе к реке Чу. После революции Центральный Казахстан непосредственно вошёл в состав России, часть Южного Казахстана – в Туркестанскую автономную советскую социалистическую республику, которая хоть и входила в РСФСР, но управлялась из Ташкента. Это не просто создавало неудобство, но и приводило к немалым экономическим потерям. Власти и там и тут стремились больше прижать свободолюбивых кочевников. Национальное размежевание, которое завершилось в октябре 1924 года, особого облегчения не принесло. Но, конечно, самым настоящим проклятием для нашей земли стало назначение Филиппа Голощёкина первым секретарём Казахского крайкома ВКП(б). Филипп Исаевич был одним из наиболее фанатичных деятелей тогдашнего режима. Не слишком образованный, практически не считающийся с особенностями уклада жизни степняков. Пятая (декабрь 1925 года) и особенно шестая партийная конференция крайкома (декабрь 1927 года)

означали фактическое уничтожение казахской самобытности, да и народа в целом. Байские хозяйства, которые давали работу и пропитание степнякам, по сути дела, объявлялись вне закона. Начались массовые аресты. Свои методы управления посланец Сталина называл не иначе как «малый Октябрь». Здесь надо отметить, что это не было его самодеятельностью. Ещё «вождь мирового пролетариата» Владимир Ленин категорически предписывал коммунистам-казахам провести «решительное перераспределение скота». К чему это привело спустя десятилетие? Как я уже говорил, мой прадед Дюсен вместе с сородичами откочевал в ту страшную зиму 1932 года из Сарысу на юг. Обычно они зимовали в Чуйской долине, где у них уже были готовы загоны для скота. А тёплые зимы и прочные юрты давали возможность пережить три месяца без потерь. На этот раз всё было по-другому. Коллективизация забрала лучшие стада. Те лошади и овцы, что остались, не могли прокормить кочевников.

Отнять и поделить

– Тысячи «шариковых» черпали своё вдохновение в бес-
смертных указаниях добрейшего Ильича...

– Вот именно! поголовная конфискация и разорение байских хозяйств состоялись. Декрет об этом выпустил КазЦИК в конце 1928 года. Через месяц новое постановление – о мерах в отношении тех, кто сопротивлялся «линии партии». Надо сказать, что не так уж много удалось отобрать у «богатеев-кровопийц». Всего-то 700 тысяч голов скота. Между тем поголовье баранов, лошадей, верблюдов в те времена доходило до 40 миллионов. Куда девались остальные? Немалую часть поголовья угнали за рубеж. Часть просто пустили под нож, а мясо – на обмен, продажу. Первой, как водится, в опалу попала национальная интеллигенция. В конце 1928 года арестовали Динмухамеда Адилева, первого директора Казахского драматического театра. Следом взяли Мирьякуба Дулатова, одного из самых популярных деятелей «Алаш-Орды» Ахмеда Байтурсынова. Всего пострадали 44 человека. Их привезли в Москву, в Бутырскую тюрьму. Соответствующим образом «обрабатывали». Правда, до массовых репрессий «рабоче-крестьянская власть» тогда ещё не созрела. Были расстреляны Дильмухамед Адилев, литератор Абдрахман Байдильдин, журналист Ахмедсафа Юсупов, писатель Жусупбек Аймаутов. Расстрел состоялся 21 апреля 1930 года. Чекисты приурочили этот страшный «пода-рок» ко дню рождения Ленина.

Эти жёсткие меры вызвали в казахском народе ответную реакцию. Начались волнения, запылала вся автономия. В Казахстане в то время (1929–1931 годы) произошло более 80 столкновений с властями, а некоторые перерастали в вооружённые восстания. Восставших объявляли «бандитами». Однако сил у сотрудников ОГПУ явно не хватало. Тогда на помощь пришли регулярные части Красной армии из Центральной России и Сибири. Кавалерия, пулемёты, даже лёгкие орудия.

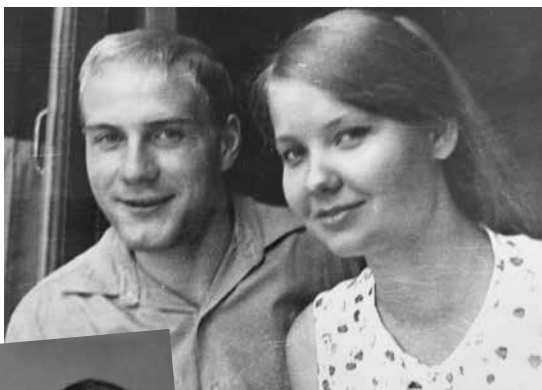
– Очевидно, весь этот кошмар в голощёкинском Казахстане сопровождался пропагандистской трескотнёй в газетах...

– Разумеется. Пресса боролась с антисоветскими вылазками, обличала тех, кто режет скот и тем самым вредит советской власти. Хотя люди просто спасались от голода. Кстати, в то время степняков обложили продналогом. Они были обязаны сдавать пшеницу. Но где её взять? Вот и обменивали мясо на зерно. Человек был поставлен в такие условия, когда он в любом случае был виноват перед властью. А она поощряла доноительство, превратив часть народа в стукачей. Особо свирепствовали так называемые «шолокбельсенда». Если перевести на русский язык – «суперактивисты».

– Как же завершился голод в Казахстане?

– К Сталину в августе 1932 года обратился председатель Казсовнаркома Ораз Исаев. Он писал о том, что дальнейшая бездумная коллективизация грозит казахскому народу неисчислимыми бедствиями. (Надо отметить, что к этому времени вышла знаменитая статья руководителя советского государства «Головокружение от успехов».) Исаев буквально умолял Сталина отозвать Голощёкина. Какие последствия были для автора письма? Его оставили в должности председателя Совнаркома. А затем расстреляли в 1937 году. Впрочем, мы забежали вперёд. В сентябре 1932 года было принято знаменитое постановление «О животноводстве Казахстана». В нём были учтены многие замечания и предложения Исаева. Кроме смещения Голощёкина. Кстати, после выхода постановления ЦК ВКП(б) он повёл себя по-большевистски хитро. Тут же признал свои ошибки. И засучив рукава, начал их «исправлять». Кочевникам сделали некоторые послабления. Увы, было поздно...

«Аргументы и факты. Казахстан», № 43, 2008 г.

Земля и Вера

Вера Васильевна Сидорова, Герой Социалистического Труда, кавалер двух орденов Ленина и многих правительственных наград, стала алматинкой в конце восьмидесятых, когда её избрали заместителем председателя Верховного Совета

Казахской ССР. Она и сегодня в строю – член совета Алматинской городской организации ветеранов, член совета республиканской организации женщин.

Неудивительно, если девушка в 25 лет выглядит свежо и весело. А если женщине за... Вера Васильевна выглядит отменно, излучает энергию и обаяние, как и в том теперь уже далёком 1978-м. Тогда мы с ней встретились впервые. Строгая, деловая, с пучком на голове. В белой кофточке и чёрном пиджаке, на котором поблескивала Звезда Героя. Первый секретарь Кустанайского райкома партии готовилась к бюро обкома. Да вот разоткровенничалась с заезжим журналистом. Благо за окнами сеял нудный осенний дождь. Комбайны встали. Так что время для разговора у неё нашлось. Как и сегодня, три десятка лет спустя. Она на днях отметила свой юбилей – в кругу родных и друзей.

Логика чиновников чудовищна

– Вера Васильевна, почему вы решили заняться таким беспоконным народом, как пенсионеры?

– Я ведь всю жизнь работала на земле. Агрономом, партийным работником. Да и в Верховном Совете старалась от земных забот не отрываться. Но, пожалуй, только в комитете ветеранов я столкнулась с самыми трагичными и горькими историями. Понятное дело, старость для человека – пора нелёгкая. А если и бедность ещё у порога

стоит – совсем плохо. Объективности ради надо сказать: и скандалистов, горлопанов тоже хватало. Человек всю жизнь пил, куролесил, а то и срок отсидел. А потом вспомнил про государство – дай! И ещё одна особенность: тот, кто работал долго, занимался тяжёлым физическим трудом, вёл себя не в пример скромнее, чем некоторые экс-чинуши...

– Ну, это как раз объяснимо: простой народ у нас вниманием чиновника не избалован.

– Неважно, рядовой труженик или начальник – мы все стареем. Но ведь далеко не у всех руководителей жизнь была спокойной и благой. В прошлом не только власть, но и работа на износ, ответственность за судьбы сотен тысяч людей. И речь здесь идёт, разумеется, не только о партийных работниках, но и о директорах заводов и фабрик, руководителях научно-исследовательских институтов, колхозов и совхозов. Руководящее звено республики выпало из истории страны. Пенсии у тех, кто вышел в отставку при Советском Союзе, на много меньше, чем у тех, кто оформил её в суверенном Казахстане.

А вот другая история, не менее пронзительная и печальная. Её мне рассказала Тамара Владимировна Андриевская, председатель Казахстанской ассоциации бывших узников фашизма. В нашей стране несовершеннолетним узникам фашистских концлагерей по рекомендации международных организаций стали платить небольшую прибавку к пенсии. А потом выяснилось, что остались в живых и те, кому на момент отправки в Германию исполнилось 18 лет. И тогда было решено разделить этих пострадавших и больных людей на «чистых» и «нечистых». Мало того что у взрослых эту льготу отобрали, ещё и потребовали вернуть «переплаченные» деньги. Логика чиновника чудовищна: а может, ты сам в Германию напросился? Попробуй теперь, докажи...

Сколько у нас героев?

– Вера Васильевна, а вы умеете отказывать своим просителям?

– Не люблю. Но случается. Ну вот, к примеру, группа ветеранов обратилась ко мне: «Хотим издать книгу о войне. Помогите найти спонсора». А для меня деньги выпрашивать у наших «буржуев» – как нож в сердце. Хотя и богатые тоже обращаются. Здесь другие заботы. Один просил, чтобы я похлопотала за отца. Ему, видите ли, необ-

ходимо почётное звание Халык Кахарманы. Дескать, он прекрасный педагог. Его студенты и коллеги уважают. Допускаю, что это именно так. Но ведь я-то аксакала не знаю! Так что вполне понятное желание состоятельного сына использовать имя и фамилию Веры Сидоровой мне пришлось не по вкусу. В конце концов, свою собственную Звезду я ни у кого не выпрашивала.

– Скажите, а как в республике оценивают вклад Героев Советского Союза и Социалистического Труда в смысле величины пенсии?

– Хороший вопрос. Дополнительно к пенсии я получаю 9 расчётных показателей. Это приблизительно 12 тысяч тенге. Или 80 долларов. В России Герой Советского Союза дополнительно к пенсии получает 25 000 рублей, а Герой Соцтруда – 20 000. Что составляет, соответственно, 860 долларов и 670. Суммы, как вы понимаете, не в нашу пользу. Три года назад мы, группа Героев Советского Союза и Социалистического Труда, а также ветераны, удостоенные звания Халык Кахарманы, написали письмо президенту Назарбаеву. Поблагодарив его за рост экономики и социальные гарантии гражданам Казахстана, мы, тем не менее, обратили его внимание на несправедливость по отношению к людям, которые внесли значительный вклад в развитие страны. Мы отметили, что многим из нас нужно улучшить свои жилищные условия, что мы нуждаемся в квалифицированной медицинской помощи, а то и в операциях, за которые надо отдать немалые деньги. Письмо подписали дважды Герой Социалистического Труда Николай Кузнецов, певец Ермек Серкебаев, земледелец из Восточного Казахстана Башай Китапбаев и другие уважаемые люди. Конец у этой истории, в общем-то, тоже предсказуемый для нашего равнодушного общества. Письмо президенту, скорее всего, не попало. Мы получили ответ, подписанный Д. Тохсеитовой, заместителем директора департамента социальных нормативов и реабилитации инвалидов Министерства труда и социальной защиты. В своём послании она пространно сообщает о тех благах и заботе, которые государство проявляет о малоимущих и матерях-героинях, о фронтовиках и участниках трудового фронта (при чём здесь это?). И лишь в конце буквально одним абзацем обозначена наша тема: «В соответствии с программой дальнейшего углубления социальных реформ в 2005–2007 годах будет проводиться дальнейшее совершенствование системы социального обеспечения, поэтапное повышение размеров пенсионных и других выплат, в том числе и Героям Советского Союза и Героям Социалистического Труда». Как вы догадываетесь, программу успешно завершили. И о нас никто не вспомнил.

– К слову, Вера Васильевна, а сколько вас в республике?

– В живых десять Героев Советского Союза и приблизительно 150 Героев Социалистического Труда и Халык Кахарманы. В начале века нас было двести шестьдесят. Наверное, чиновники надеются, что проблема решится естественным образом...

К слову, один из «подписантов» был настолько возмущён и обижен такой реакцией, что написал письмо с жалобой... Путину. И даже решил добиваться российского гражданства, хотя и живёт в казахской глубинке. Он и меня подбивал. Я сказала, что свою Родину я не меняю. Ни в рублях, ни в долларах она не продаётся.

Среди лучших женщин планеты

– Может быть, потому что вы не «лютовали» на своих партийных должностях, вас и включили в число выдающихся женщин планеты? Я об этом узнал случайно...

– Я сама удивилась, когда узнала, что моя жизнь кого-то заинтересовала в далёкой Норвегии. А дело было так. Тридцать лет назад я была в Америке в составе делегации советских женщин. В ООН познакомилась с норвежской журналисткой Эвой Эриксон, которая в то время там работала. Видимо, она вспомнила о давнем знакомстве. Из представительства ООН в Алматы мне передали её письмо. Эва пишет, что собирает материалы о выдающихся женщинах планеты и хочет на их примере воспитывать молодёжь. Поэтому просит меня выслать свою автобиографию. Я думаю, что дело здесь не в моей партийной карьере. Вернее, не только в ней. В 1988 году мне довелось полгода исполнять обязанности председателя Президиума Верховного Совета. Закаш Камалиденов уже ушёл, а Махтая Сагдиева ещё не избрали. Ну а по тогдашней конституции это был высший пост в республике.

– Но состоялись-то вы как агроном зернового хозяйства?

– Да, и это было просто здорово. У меня тогда появилось огромное желание анализировать, считать. Почему на этой клетке один урожай, а на другой поменьше? Почему в этом колосе столько зёрен, а в другом гораздо больше? Я бережно промывала корневую систему ржи с разных полей. Мучила механизаторов своими вопросами: что здесь росло в прошлом году? А в позапрошлом? Как обрабатывали поле, какие удобрения вносились? И вот эту дотошность я перенесла на свой приусадебный участок. Вся земля, которая

принадлежит нам по земельному акту, каждый квадратный метр должен быть ухожен. Я всегда переживаю, если где-то грязно или не скошена трава. Вот на улице, за забором у некоторых дачников растёт полынь – и ладно. Мы же метём, собираем каждую веточку. Стараемся создать уют и на семи сотках дачи, и за её пределами. Вот гнилая груша – долой её! Вот листья набросало ветром – и здесь мне есть работа. За день я нагибаюсь, наверное, несколько тысяч раз. Поэтому и не мучаю себя новомодными диетами. Здесь всегда красиво, а не только летом. Зимой все деревья засыпаны снегом да ещё иней серебрится. Просто сказка! Или весной: такое кипение белого и розового на яблонях и черешнях, что дух захватывает. Когда я была моложе, то карабкалась по деревьям, собирала черешню. А потом просто раздавала знакомым и незнакомым людям...

«Вечерний Алматы», 07.09.2009 г.

Послесловие

Тяжело писать о Юрии Ивановиче Киринициянове в прошедшем времени. Его знали и уважали в Казахстане как профессионала в журналистике, как интеллигентного и доброжелательного человека. Он – заслуженный деятель Казахстана, лауреат Премии Союза журналистов РК, работал в уважаемых, солидных изданиях бывшего Союза, России и нашей страны. Прошёл год, как его нет с нами, а я до сих пор, взяв в руки «Аргументы и факты. Казахстан», всё ищу его фамилию... Он писал много, правдиво, интересно, причём, когда читаешь его материал, то ощущаешь своё участие в происходящих событиях.

С Юрием Ивановичем я встретилась несколько десятилетий тому назад, когда был он совсем молодым журналистом, недавним выпускником Казгосуниверситета. Меня подкупило то, как его, выросшего в городских условиях, глубоко интересует тема целины, причины, заставившие поднять огромные площади земель. Юрий писал статьи о большом хлебе, о массовом героизме людей тех времён. Я, всю жизнь посвятившая заботам о сельском хозяйстве, видела в нём родственную душу. Самый весомый вклад в казахстанские миллиарды вносили хлеборобы Кустанайской области, и Юрий постоянно встречался с механизаторами, комбайнёрами, специалистами сельского хозяйства, искал в каждом человеке свою «изюминку», пристрастно, от души рассказывал о них в газете. Многие из героев его очерков, интервью прибыли из России, Белоруссии, Украины, братская дружба была на целине не пустым звуком, а искренним, идущим из глубины души чувством.

В Кустанайском районе, где прошли у меня десять лет жизни, в 1976 году был собран урожай по 20,8 центнера с гектара, с площади более 400 тысяч га. Район тогда сдал стране более 600 тысяч тонн хлеба. И этот рекорд до сих пор не побит! К 25-летию начала освоения целинных и залежных земель было принято решение создать художественную летопись целинников Кустанайщины. Дело казалось неподъёмным – столько пластов предстояло поднять и осветить, столько судеб не оставить без внимания... Юрий оказался незаменимым помощником и участником этого процесса, с его подачи родилось простое и точное название художественной галереи – «Земля целинная». Первая выставка художников прошла в Москве, и Юрий был на ней вместе с героями картин, кустанайцами. Помню, с каким жаром он рассказывал мне об этом содру-

жестве людей труда и искусства. Позже выставку разместили мы в районном доме культуры «Золотой колос» и постоянно приезжали к нам познакомиться с ней из других областей и регионов страны.

Пришли другие времена, во многом и другие ценности, иные понятия... Целине 65 лет, жаль, что мало кто сейчас вспоминает об этом достойном и славном времени, благодаря которому выросло и состоялось не одно поколение людей. Знаю, что Юрий Иванович нёс в себе эту драгоценную память, с ней и ушёл...

Вера Сидорова
г. Алматы

В ПЕКИНЕ СОСТОЯЛСЯ ЕВРАЗИЙСКИЙ ФОРУМ «ОДИН ПОЯС – ОДИН ПУТЬ». В НЁМ ПРИНЯЛИ УЧАСТИЕ 212 ЖУРНАЛИСТОВ ИЗ 108 СТРАН. СРЕДИ НИХ БЫЛ И Я, ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР МЕЖДУНАРОДНОЙ ГАЗЕТЫ «ВСЬ МИР». В ДОРОГУ РЕШИЛ ВЗЯТЬ БРАСЛЕТ-ШАГОМЕР. МАЛЕНЬКИЙ БЕЗОТКАЗНЫЙ ПРИБОР, СИМВОЛ ГЛОБАЛИЗАЦИИ. ОН БЫЛ ПРОИЗВЕДЁН В КИТАЕ, КУПЛЕН В АМЕРИКЕ, ВЕРОЙ И ПРАВДОЙ СЛУЖИТ МНЕ В КАЗАХСТАНЕ. ТЕПЕРЬ ТОЧНО ЗНАЮ, ЧТО 11 ДНЕЙ МОЕЙ КОМАНДИРОВКИ РАВНЫ 140 905 ШАГАМ И В СОСЕДНЕЙ СТРАНЕ.

140 905 шагов в Поднебесной

Хань Уе из города Ланьчжоу – инженер корпорации «Ляньши». Компания производит буровые установки для добычи нефти и газа и другое «умное» оборудование – для энергетики и сельского хозяйства, медицины и строительства, авиации и космоса. То есть легче перечислить те отрасли, куда ещё не дотянулись пытливые умы из «Ляньши», старейшей государственной фирмы с доходом в 6 миллиардов юаней.

А кран всё понимает. И поднимает...

Хань Уе гордится тем, что он работает в этом славном, огромном коллективе в 10 тысяч человек. Завод – его родной дом и вторая

семья. Вообще-то он сейчас в отпуске. Вернее, отдыхает после четырехнедельной вахты в Туркменистане, где бригада китайских специалистов запускает новую бурильную установку для добычи газа. Но позвонили из парткома. Попросили рассказать гостям о предприятии. И вот он всматривается вдаль, откуда должен появиться автобус с иностранными журналистами. Солнце огромным оранжевым апельсином выкатывается из-за горизонта. И тут же всё вокруг – заводские корпуса, жилые многоэтажки и слепящая лента шоссе – наливается липким зноем. Несмотря на раннее утро, столбик термометра приближается к +38. И не похоже, чтобы старик Цельсий угомонился. А вот и мы. Граждане 11 стран, которые теперь принято называть «постсоветским пространством». Шумная, разноязыкая и весёлая компания, где ценится острое слово и к месту рассказанный анекдот – естественно, на «великом и могучем». Мы – сильно уменьшенная и поэтому сильно улучшенная копия СССР. Здесь армянский журналист мирно беседует с азербайджанским коллегой, а спецкор российской правительственной газеты без напряжения общается с репортёром из Киева. Нам нечего делить. У каждого за спиной собственный опыт, своя газета, информагентство или портал. И самое главное – свой читатель. Здесь каждый хочет выполнить свою работу как можно лучше. Поэтому мы засыпаем своего нового знакомого вопросами. Иногда бесцеремонно перебиваем друг друга и не дожидаемся окончания ответа. Но у товарища Ханя для каждого находится подробный ответ, доброжелательная улыбка и терпеливый взгляд. «Зовите меня просто – Анатолий», – говорит он в самом начале разговора, и это окончательно располагает всех нас к этому человеку. Когда китайцы начинают изучать русский язык, то они – для занятий и общения друг с другом – берут русское имя. Иногда оно сопровождает их всю оставшуюся жизнь. У Хань Уе – Анатолия – есть все основания полагать, что она удалась. У него прекрасная жена Янь Тин и двое детей – признак добрых перемен в современном Китае, где наконец-то отменено правило «одна семья – один ребёнок». Супруга сейчас в командировке, в Астане. Помогает разобраться казахстанским коллегам с медицинским оборудованием, которое поставила их компания. И это скорее закономерность, чем исключение. «На предприятии не редкость, когда работают вместе муж и жена, взрослые дети. Два, а то и три поколения. Трудовые династии у нас в почёте», – подчёркивает Уе, как бы напоминая нам о недавнем советском прошлом, когда такое словосочетание было в ходу. Он рассказывает нам об удивительном факте. В далёком 1953 году в Ланьчжоу приехали советские специалисты. Помогли построить завод нефтехимического машиностроения

и завод по производству нефтеперегонного и химического оборудования. Естественно, привезли свою технику и станки. Так вот, один из подъёмных кранов работает до сих пор. Много разных ветров потом шумело над этой надёжной машиной. Много чего он наслушался. И лозунгов на тему «русский с китайцем братья навек», и призывов «разбить собачьи головы советским ревизионистам». «Большой скачок», «культурная революция», жёсткое противостояние двух социалистических стран, гласность и перестройка – всё прошло и исчезло, как мираж в изнывающей от зноя пустыни. А кран – остался. Поднимает то, что ему и положено поднимать, не особо интересуясь курсом валют, ценами на нефть и политическими демаршами. Ещё остались в «Ляньши» старики, которые с благодарностью вспоминают русских. В какой-то степени под влиянием этих рассказов поехал Уе учиться в российский город Владивосток. А теперь работает заместителем директора в туркменском подразделении компании. За последние годы она приросла новыми заводами – в городе Циньдао и в Синьцзяне. Признав по моему вопросу журналиста из Казахстана, Уе с достоинством сообщил, что в Атырау его соотечественники построили два блока современного нефтеперерабатывающего завода и сейчас заканчивают третий. Так совпало: в 2013 году, когда лидер КНР Си Цзиньпин выдвинул идею об «Экономическом поясе Великого Шёлкового пути», завод пошёл на коренную ломку. В рамках всекитайской программы «переехал» из города в пригород, в новый промышленный район. Здесь нет городской суеты и пробок. Широкие автомагистрали и красивая архитектура жилых кварталов радует глаз. На всё про всё ушло 16 месяцев. В полупустыне выросли заводские корпуса и многоэтажные дома. В одном из них получил квартиру и наш новый знакомый Анатолий.

«Новое нормальное состояние»

С профессором Сюэ Ли, директором департамента международной стратегии Института мировой экономики и политики Академии социальных наук, мы ведём диалог не только о преимуществах, но и о рисках и вызовах, которые таит в себе суперпроект «Один пояс – один путь». «Представьте, что китайские инвесторы вложили средства в какой-то завод или фабрику, – говорю ему я. Под гарантии правительства одного из центральноазиатских государств. Но проект оказался убыточным. И деньги эта страна возвращать не спешит. Что делать?» Профессор пожимает плечами: «Какие тут можно дать

советы? Прежде всего страны, расположенные на Великом Шёлковом пути, должны дать свои собственные предложения. Правильно рассчитать свои силы и возможности. А уж потом браться за дело. Мы не можем вкладывать свои средства без отдачи. Мы не можем раздавать деньги просто так. Сейчас тратится инвалютный запас, но ведь всему есть предел». Не только профессор, но и другие китайские эксперты понимают: если страна будет работать себе в убыток, то бедные люди – а их в Китае ещё очень много – станут ещё беднее. А это грозит социальными потрясениями. И их надо предотвратить любыми способами. Дело в том, что в последнее десятилетие китайская экономика развивалась слишком бурно. Прирост ВВП составлял 10 процентов. А однажды умудрились выйти даже на четырнадцать. За счёт чего? Китайцы резво разрабатывали полезные ископаемые. Обзаводились престижными авто и недвижимостью. Залезали в долг, брали кредиты. Получили смог и дикие автомобильные «пробки» в городах. А в селе увеличилась безработица, люди стали уезжать в города – в поисках лучшей доли. «Потребовались структурные изменения – подчеркнул профессор. Была сделана ставка на высокотехнологичные, инновационные технологии, которые к тому же не создавали экологических проблем». В стране стали активно строить дороги. С каждым годом увеличивалась протяжённость трасс, по которым помчались скоростные поезда. Сегодня поставлена задача: соединить центры всех провинций и автономных районов со столицей. В 2008 году в разгар мирового экономического кризиса государство вынуждено было потратить на поддержку экономики более 4 триллионов юаней. Что немало даже по китайским масштабам. В 2015 году экономика начала приходить в «новое нормальное состояние», как выразился профессор. (Этот термин вызвал у меня сомнения. Слова «новое» и «нормальное» плохо сочетаются. Но профессор парировал: этот термин вошёл во все партийные и государственные документы. Ну что же, китайцам виднее. В конце концов, это их внутреннее дело. – Прим. авт.). Так или иначе, в 2015 году рост ВВП не дотянул до 7 процентов, в этом году ожидается примерно такой же показатель. Пессимисты утверждают, что в будущем Китай будет расти «всего лишь» на 4–5 процентов. Но товарищ Сюэ считает себя оптимистом и предсказывает не меньше 6–7 процентов ежегодно. «Во всяком случае, слишком уж резкого падения ВВП не произойдёт, правительство примет меры», – уверен он. Для страны с рыночной экономикой и жёсткой вертикалью политической власти такой вариант представляется наиболее вероятным. Здесь вступает в действие

и психологический фактор. Было время, когда жители Поднебесной считали себя государством Восточной Азии. Достаточно большим, но и только. Теперь китайцы понимают, что они как минимум часть огромного континента Евразия. Что они ответственны за судьбы всего мира. Теперь они – по утверждению эксперта – направляют свои дипломатические усилия во все стороны света.

Правда, согласно чётко определённым приоритетам. Сначала это сопредельные государства, затем развивающиеся страны, Юго-Восточной Азии, в Африке и в Латинской Америке, Океания, Сингапур и Республика Корея, Восточная и Западная Европа. В самом конце списка, недружественные страны. «Они пытаются нас игнорировать», – так изящно выразился Сюэ Ли. Поимённо эти государства названы не были, впрочем, они и так на слуху. Да и конфликт из-за нескольких островов в Южно-Китайском море, показал: сделать вид, что дядюшка Сэм вовсе не занимает умы китайской руководящей элиты, было бы слишком смелым предположением. На этом геополитическом фоне вполне логично объединить народы какой-то красивой идеей. Сначала это был «Экономический пояс Великого Шёлкового пути», затем «Морской Шёлковый путь XXI века». И, наконец, появилась ёмкая и поэтому всем понятная формулировка «Один пояс – один путь». Китайские эксперты считают, что на маршруте этого самого пути находятся как минимум 64 государства. Настаивают на том, что это не только чистая экономика. А «совместное обсуждение и использование». А также «соединение душ народов». Здесь надо сделать скидку на восточную традицию говорить красиво и эмоциональность. Лично мне кажется, что «Великий Шёлковый путь» – это легитимный доступ для Китая к минеральным ресурсам самых разных стран, Центральной Азии и Африки прежде всего. (Не зря же на медиафоруме такой представительной оказалась делегация африканских журналистов.)

Это гарантия от «перегрева» китайского рынка и фантастический по своим объёмам рынок сбыта. Но в целом идея, соглашусь, весьма привлекательная. Поскольку у разных народов и стран появился реальный шанс улучшить свою жизнь. В затянувшуюся пору кризиса на крупные инвестиции способен только Китай. Только эта страна готова вложить в экономику сосед-

них государств такие сумасшедшие деньги. На Евразийском форуме была оглашена общая сумма предполагаемых инвестиций – более 4 триллионов долларов. Это, на минутку, два с половиной годовых ВВП России! Конечно, в большом деле не обходится без трудностей и недопонимания. «В Казахстане и в Мьянме у китайских бизнесменов были конфликты с местными властями – в плане экологии. Но руководство страны строго указало товарищам. И они признали свои ошибки», – резюмировал китайский учёный. И это правильно – имидж страны важнее прибыли. Я хотел бы заметить: в отличие от многих наших собеседников в Китае профессор Сюэ Ли не потчевал журналистов дежурным пафосом. Не углублялся в историю. В конце концов, не так важно, где останавливались на ночлег караваны верблюдов и вели торговлю купцы в Средние века. Важно, как представить и как выстроить эти отношения сегодня. Поскольку, как прозвучало на форуме в одном из выступлений «Наш проект – это не соло, а симфонический оркестр». Хотя без конфуза не обошлось. Профессор продемонстрировал электронную карту, на которой знаменитая древняя трасса из Китая странным образом проходила по Афганистану, Пакистану, Южному берегу Каспия, Ирану. И далее – в Южную Европу и на Ближний Восток. Центральная Азия оставалась девственно чистой. В таком случае непонятно, почему для обнародования своей судьбоносной инициативы председатель КНР Си Цзиньпин выбрал Астану, а не Иран или Кабул? Впрочем, профессор легко признал свою оплошность и обещал её исправить...

Улица главная моя

...С Ли Я мы шагаем по пекинской улице Чжунгуаньцунь. Это короткий отрезок пути, всего 200 метров. Но улица эта имеет немалое значение для китайской столицы, и потому о ней стоит рассказать подробнее. Десять лет назад, когда Ли была студенткой, она частенько заглядывала сюда. Здесь продавались самые разные книги. И порой сердобольные продавцы делали скидки студентам. Но в начале нового века китайское правительство пошло на экстраординарный шаг. Все книжные магазины были переданы владельцам небольших предприятий, которые занимаются инновациями. То, что называют стартапами. Здесь можно увидеть беспилотники нового поколения. Мощные электрогенераторы, которые помещаются в обычной сумке на колёсиках – наподобие тех, с которыми путешествуют миллионы людей. Диктофоны, которые могут «услышать» и записать голос на расстоянии 200 метров. Две «летающие тарелки», причём одна зависла над другой благодаря магнитному полю. Это музыкальная колонка, дающая невероятно мощный и чистый звук. Удивили «термосом наоборот». Кипящую воду заливают в сосуд. Выливают обратно с температурой в 55 градусов. Миллионы людей, которые утром обжигаются горячим кофе, опаздывая на работу, по достоинству оценят это изобретение. Но не надо думать, что молодёжь только и озабочена высокими технологиями. К высокой моде она тоже равнодушна. В одном из уголков этой удивительной улицы разместилось уютное ателье. Здесь можно заказать рубашку или платье – на любой размер и цвет. Да ещё и твоё имя вышьют на любом, выбранном тобою месте. Обычное оборудование? Но в этом и секрет, оно смонтировано и усовершенствовано местными умельцами. В каждом магазинчике, на первом этаже, как правило, размещается небольшое кафе. Будущие Биллы Гейтсы неспешно пьют жасминовый чай, кофе или лёгкое пиво. Здесь заключаются сделки, которые подтверждают: верной дорогой идут китайские товарищи. А книги? «Есть и книги, улыбается Ли. И я вижу нечто, лишь отдалённо похожее на этот знакомый с детства предмет. Тут тебе и экран, и наушники. Пожалуйста читать, слушать и смотреть китайскую сказку в формате 3D. Внешне всё выглядит именно как сказка. Я знаю немного мировых столиц, чтобы в «золотом квадрате», где земля стоит бешеные деньги, передали её практически бесплатно молодым компьютерным гениям. Дали возможность творить, выдумывать и пробовать. И при этом под неизменным партийным приглядом. Чуть ли не в каждом магазине – изображение Ху Цзиньтао, который приезжал

в гости в самом начале славного пути. И портрет Ли Кэцзяна, премьер-ра Госсовета, который, кстати, заглядывал на улицу Чжунгуаньцунь в прошлом году. Местоположение выбрано удачно. Рядом несколько самых престижных вузов: Пекинский университет иностранных языков, Народный университет и университет Синьхуа. Неподалёку представительство компании «Майкрософт» и интернет-компания Tencent. Буквально в нескольких шагах Академия наук Китая. Так что встретить за одним столиком почтенного академика с молодым дарованием, которое ни на секунду не расстанется с айфоном последней модели, не такая большая редкость. Я поинтересовался, а кто финансирует искания молодой поросли? Как говорится, за чей счёт банкет? Оказалось, всё просто. 60 процентов вкладывает предприятие, как правило, государственное. 40 – университет, заинтересованный в той или иной разработке. Сегодня общая капитализация улицы – 300 миллионов юаней. За два года, прошедшие с момента её открытия разработано и внедрено более 1200 проектов. Сумасшедшей прибыли эти ребята пока не получили, да и не это главная цель. Оперившись в этом бизнес-инкубаторе, они непременно уйдут в самостоятельное плавание. «Я допускаю, что какие-то изобретения окупятся через год-два. А некоторые лишь через 50 лет. Или вообще окажутся бесполезными», – откровенно признался нам хозяин одного бутика. – Но любой изобретатель должен иметь право на ошибку. И тогда он обязательно выдаст нечто стоящее». Средний возраст обитателей этой удивительной улицы – 30 лет. Здесь самоуправление, комитет, который избирается общим голосованием. Сейчас Ли Я принимает в нём самое активное участие. Как выпускница Пекинского университета иностранных языков она отвечает за внешнеполитические контакты. По сути дела, «министр иностранных дел» необычной инновационной республики с территорией в пару тысяч квадратных метров». У Ли свой собственный бизнес, но она охотно откликается на просьбу провести экскурсию для иностранных журналистов. Она считает: сегодня самое главное, чтобы улица Чжунгуаньцунь стала жемчужиной в ожерелье под названием «Великий Шёлковый путь».

Просто Зина

Ну и ещё одна встреча. Совсем короткая, но запомнившаяся. Разобраться в бушующем людском муравейнике, который назывался «Евразийский форум «Один пояс – один путь», помогали пекинские

студенты, бакалавры и магистранты. В основном из Пекинского университета иностранных языков. Для них это хорошая практика. Ван Люе двадцать лет. Это для неё второй опыт подобного рода. «Можно просто Зина» – застенчиво представляется она. Зина с отличием окончила школу в Пекине, поступила в университет иностранных языков. Сейчас перешла на третий курс. У неё папа инженер, мама врач. И родители хотели, чтобы дочь выбрала одну из этих профессий. Но Зина была непреклонна «Хочу учить русский язык!» Она считает, что будущее планеты зависит от того, будут ли у Китая прочные дружеские отношения с Россией и Центральной Азией. Ведь это – по её выражению – «становой хребет Великого Шёлкового пути». Она старательно конспектирует доклады выступающих на форуме. Довольно чисто выговаривает святые для всех русских фамилии – Пушкин, Толстой, Есенин. И спрашивает меня о современных авторах: «Что посоветуете прочитать?» Зина трогательно заботится о том, чтобы я вовремя успел выпить кофе во время перерыва и успел к новому заседанию. Она приводит ко мне журналистку из «Жэньминь жибао», которая тут же берёт интервью. Зина ещё не знает, кем будет. Журналисткой, учителем, а может, дипломатом? Пока это неважно. Главное: ей, как и другим новым знакомым, предстоит работать во благо страны, во благо красивой мечты. Это вам не воробьёв уничтожать да с цитатниками маршировать...

Инженер, учёный, начинающий предприниматель, студентка. Они не знакомы друг с другом. Они соединены лишь цепочкой моих шагов и логикой развития великой страны. Это люди нового Китая. Умные и умелые. Твёрдо знающие, чего хотят добиться в жизни. По большому счёту, идея китайского лидера, устремлённая в будущее, для таких, как они.

**Китайская Народная Республика
«Весь мир», № 73 (сентябрь-октябрь 2016 г.)**

《哈萨克斯坦世界报》总编辑尤里·基日尼茨扬诺夫：面对面的交流可以使不同国家的记者彼此认识，不同年龄的记者相互交流，希望热烈的讨论能够转化为实际的行动。“一带一路”倡议下的媒体合作是一项非常宏大的工程，作为中国主流媒体之一，人民日报应该成为这项工程的核心。列宁曾说，“报纸不仅是集体的宣传员和集体的鼓动员，而且是集体的组织者。”人民日报举办这一论坛，将各国媒体召集在一起，就在发挥着这个作用。

Заводила, выдумщик, отличник

Юру Киринициянова, или Юрку-Киру, я знала с первого класса. Мы прouchились с ним вместе до восьмого, а дружили всю жизнь.

Отличник из отличников. За семь лет он получил всего две-три четвёрки. Ему нравилось учиться. Но он не был, как сейчас говорят, «ботаником». Озорной, весёлый, отзывчивый, справедливый, заводила всех хороших дел в классе.

А класс наш был замечательный! Сорок разных, но очень дружных мальчишек и девчонок во главе с классной руководительницей, учительницей географии Надеждой Петровной Гольцовой. Без суеты, лишних наставлений, с разумной строгостью сумела она сплотить нас, зажечь энтузиазмом, увлечь интересными делами. Во всех школьных мероприятиях мы были первыми.

Солнечный сентябрьский день. Стайка школьников, с деревянной тележкой на железных колёсах, громыхающих по ухабам, ходит по частному сектору от дома к дому. Наш 6 «Б» собирает металлолом. Вихрастый мальчишка с озорными глазами стучит в каждую калитку и, подражая бывалым людям, кричит: «Хозяюшка, металлолом есть?!» (это наш председатель совета отряда Юрка Киринициянов). Хозяюшки выносили чугунные утюги, старые тазы и чайники, ржавые обручи от кадушек. Особо рьяные поклонники гимнастики тут же начинали крутить их на талии. Встречные кошки забирались на деревья, их пугали жутким клацаньем старых железяк. Шум, гам, веселье! Никогда и никому не уступили мы первого места в сборе металлолома.

В нашей 40-й ежегодно проводились смотры художественной самодеятельности. Половина класса занималась в замечательном хоре Анатолия Филиповича Марьина в городском Доме пионеров. Восемь девочек, в том числе и я, составляли лучшую группу хореографического кружка. А ещё ставили спектакли, где Юрка играл все главные роли. Мне особенно запомнились две постановки «Прохожий» по произведению А. П. Гайдара и какой-то

спектакль об охране птиц. В первом Кира играл белого офицера. Белогвардеец был классным! Весь в орденах из картона, с аксельбантами, сплетёнными мамой из жёлтой атласной ленточки. Он постоянно корчил рожи для устрашения бедной старушки, у которой делали в доме обыск, искали оружие; покрикивал на ординарца и строго задавал вопросы прохожему. Все играли очень вдохновенно. В конце спектакля врывались партизаны, победа была, разумеется, за красными. Успех у школьной и родительской публики был оглушительный.

А во втором спектакле Юра сыграл, видимо, предчувствуя будущую профессию, корреспондента газеты. Обвешанный фотоаппаратами, он пытался в лесу или парке снять птиц, чьи гнёзда разоряли хулиганы. У него долго ничего не получалось, но, в конце концов, корреспондент написал заметку о пользе крылатых, а хулиганы исправились и стали строить скворечники.

После четвёртого класса Юра с бабушкой на каникулах собирались к родственникам в Крым, в Керчь. Моря у нас в классе никто не видел, и один мальчик усомнился в том, что вода в море солёная.

В начале нового учебного года состоялся сбор пионерского отряда. Кира рассказывал о поездке. Начал с того, что достал бутылку... с настоящей морской водой. Мы все попробовали её на вкус и убедились – действительно солёная! Потом мы узнали от него об истории Керчи, царе Митридате, крымских катакомбах, о пионере-герое Володе Дубинине. И потом целую неделю оставались после уроков и читали вслух про него книгу «Улица младшего сына».

Все мы жили рядом со школой и недалеко друг от друга. Часто собирались у кого-нибудь дома и у Юры тоже. Они жили в большом доме на две семьи в квартире из двух комнат, кухни и веранды. Обстановка была небогатая, зато библиотека! С большим количеством приключенческой литературы, с детской энциклопедией, которую все без конца листали, тогда ведь ни телевизоров, ни интернета не было. Славное было у них семейство. Особенно нам нравилась бабушка Александра Васильевна. Принимала приветливо, угощала пирожками и находилась в курсе всех наших дел.

Юра окончил седьмой класс, и семья переехала в Караганду. Провожать его на вокзал пришли мы в полном составе, во главе с Надеждой Петровной. Расставание получилось грустным для всех...

А потом были письма. Мы посылали ему репортажи с уроков и перемен, рассказывали обо всех наших малых и больших событиях. А он писал о новой школе, новых друзьях. С Алексан-

дром Яковлевым и Валерием Усовым я заочно знакома через него. Сколько бы потом мы ни встречались, он много рассказывал о них, а я о своих ближайших подругах и наших общих одноклассниках Оле Левинцовой и Наташе Гришмановской.

Через всю нашу жизнь прошла эта верная школьная дружба. Пусть нечастыми были встречи, но мы никогда не теряли связь.

При любой возможности Юра стремился заглянуть в родной город. Последний раз это случилось в 2009 году. Нам исполнилось по 60 лет. Мы побывали с ним в школе, побродили по знакомым улицам, заглянули в дом, где жила когда-то их семья. Дом мало изменился. Хозяин квартиры, незнакомый человек, встретил нас как близких родственников. Достал старую домовую книгу, где записана вся семья Киринициановых. Я не смогла сдержать слёз...

*Любовь Кравченко
г. Семей*

Казахстан и Польша: что нас ждёт в XXI веке?

С утра у меня приподнятое настроение. Не каждый день удаётся взять интервью у экс-президента страны. Впрочем, в Польше, как и во многих странах, к бывшему главе государства принято обращаться «господин президент» – до конца его жизни. Наш микроавтобус подруливает к старинному особняку на одной из тихих улочек Варшавы. Здесь размещается Фонд Александра Квасневского. Операторы польского телевидения расчехляют камеры. Президент поднимается по лестнице и входит в зал. Моложав. Подтянут. Лёгкая седина. Чем-то неуловимо похож на Джона Кеннеди. «Он будет давать интервью по-русски», – шепчет мне переводчица пани Кристина.

Александра Квасневского, экс-президента Польши, знают и уважают в Казахстане. Он входит в группу высокопоставленных советников, западных политиков, которые консультируют президента и правительство нашей страны. Это эксклюзивное интервью с известным польским политиком, которое он дал газете «ВСЬ МИР».

Гарант стабильности

– Пан президент, известно, что вы не так давно побывали в Астане? Какие у вас интересы в столице Казахстана?

– Несколько лет назад в Казахстане был создан независимый Совет международных советников. Несколько неуклюжее название, но как-нибудь придумаем что-нибудь получше, без тавтологии. Это небольшая группа, и не все члены Совета могут работать активно. Всё-таки Казахстан расположен довольно далеко от европейских столиц. Сейчас в Совете остались три человека: председатель Альфред Гузенбауэр, бывший федеральный канцлер Австрии, Романо Проди, работавший в своё время премьер-министром Италии, а потом председателем Еврокомиссии, и я. Наша задача – встречаться с президентом Казахстана и другими руководителями государства, а также обсуждать актуальные вопросы европейской и казахстанской политики – внешней и внутренней. На этот раз мы обсуждали ситуацию в Украине и последствия мирового финансового кризиса, который, увы, продолжается. Разумеется, мы говорили о сотрудничестве Казахстана с европейскими странами и Европейским союзом в целом, о проблемах безопасности, о международных мероприятиях, в которых собирается участвовать Казахстан. Одна из таких масштабных задач – проведение международной выставки ЭКСПО в 2017 году. Вообще-то Казахстан сейчас весьма популярен в разных частях света. Из всех претендентов на зимние Олимпийские игры остались только Китай и Казахстан. Учитывая тот факт, что Пекин совсем недавно провёл летнюю Олимпиаду, может быть, чаша весов склонится в пользу Казахстана.

– Какой у вас график работы?

– Группа собирается, как правило, четыре раза в год – три раза в Казахстане и один раз в Давосе во время Международного экономического форума, либо в другой европейской столице, чаще всего в Вене. Возможно, что в дальнейшем местом встречи станет Брюссель, как центр европейской политики. Хочу подчеркнуть, что в своих советах и рекомендациях мы полностью независимы и выражаем только свою личную точку зрения, а не мнение руководителей наших стран. Мы рады, что Казахстану может пригодиться опыт реформ в наших государствах, реформ, имеющих свои национальные особенности. К слову, с председателем вашего правительства в этот раз мы обсуждали экономические проблемы, децентрализацию в управлении государством, внедрение новых экологических технологий.

– Казахстанская пресса писала о том, что вы вместе с бывшим британским премьером Тони Блэром – личные советники президента Назарбаева. Получаете за свою работу заоблачные гонорары...

– Я вас огорчу – в этом Совете мы не работаем с бывшим премьер-министром Блэром, хотя встречаемся на разных мероприятиях. Видимо, сотрудничество бывшего английского премьера с вашей страной идёт по другой линии, что неудивительно. Казахстан сегодня занимает важное место в международной системе политических координат. Время, отведённое для председательства в ОБСЕ, не было потрачено впустую. Появились новые контакты. В Астану стали приезжать мировые лидеры. Дело в том, что Казахстан – это гарант стабильности в регионе, а сегодня стабильность высоко ценится, особенно на фоне тех событий, которые происходят в Украине. Тревожным остаётся положение в Афганистане, идёт война на Ближнем Востоке. Мы не знаем, как будет развиваться ситуация в Центральной Азии. Слишком много здесь противоречий. Я не являюсь личным советником Назарбаева, хотя мы регулярно с ним встречаемся, а также с членами правительства и руководством Центрального банка. С лидером Казахстана всегда интересно разговаривать. Надеюсь, и ему с нами тоже. В последний раз, как я уже сказал, мы обсуждали ситуацию в Украине и вопросы, связанные с мировой экономикой. Как выйти из двух этих кризисов? Я думаю, что для Назарбаева было весьма полезно выслушать мнения независимых экспертов, которые не держатся за свою должность, не связаны дипломатическими условиями. А что касается оплаты, уверяю вас, эти суммы не поразят вашего воображения. Всё в разумных пределах, которые существуют в цивилизованных странах.

Восток и Запад никак не договорятся

– Осталось несколько недель до вступления в силу Договора о Евразийском экономическом союзе, инициатором которого был Нурсултан Назарбаев. Он же, напомню, автор знаменитого в Казахстане документа «Путь в Европу», который можно считать манифестом в казахстанской внешней политике. Была надежда, что ЕАЭС и ЕС станут плотно сотрудничать. По всем направлениям. Но санкции, которые Запад наложил на Россию, эту надежду похоронили.

– Мы живём в глобальном мире, в котором даже от маленьких стран зависит многое, а тем более от огромных, таких как Рос-

сия и Казахстан. Сотрудничество Востока с Западом не может прекратиться даже в такое непростое время, в том числе между двумя союзами – Европейским и Евразийским. Но проблема существует, и она называется «экономические санкции Запада против России». Вопрос состоит в том, почему возникли эти санкции. Кто виноват в глубоком политическом кризисе, в котором мы оказались? Как из него выбраться? Разумеется, первопричина – близорукая политика Виктора Януковича. Три года он говорил, что собирается подписать договор об ассоциации с Европейским союзом, а за три недели до его подписания он без всяких объяснений, без обсуждения с обществом, объявляет о своём решении, которое всё ставит с ног на голову – Договор с Европой Украина подписывать не будет. Не надо быть пророком, чтобы предположить, что такие лихие повороты заканчиваются политическими кризисами. Люди чувствуют, что их обманули. Прибавьте к этому общеизвестный факт: Виктор Янукович – один из самых коррумпированных президентов, может, не во всём мире, но в Европе точно. А Россия в данной ситуации не способствовала стабилизации обстановки. Надо об этом сказать откровенно. Аннексия Крыма противоречит международным нормам. Возникла абсолютно новая политическая реальность. Экономические санкции Запада – часть этой реальности. Мы откровенно анализировали её вместе с лидером Казахстана. Для вашей страны невыгодно, чтобы кризис в Украине продолжался долго. Если «холодный период» (пока не говорю «холодная война») в отношениях Запада (не только Европы, но и США вместе с Канадой) затянется, то Казахстан, как союзник России, лишится многих своих привилегий. Пострадает имидж страны. Сократятся иностранные инвестиции. Нурсултан Назарбаев, как умудрённый жизнью политик, не может не думать об этом. Он ищет выход из положения, о чём свидетельствуют его многочисленные консультации с политиками и экспертами из разных государств. Прагматик Назарбаев может стать посредником в урегулировании кризиса. Нестабильная Украина – и в политическом и в

экономическом смысле – это головная боль не только для постсоветского пространства и Европы, но и для всего мира. Посмотрим, как пойдут дела после парламентских выборов в Украине, которые Россия, кстати, признала как одна из стран.

– Назарбаев, безусловно, вынужден считаться с российским фактором. Всё-таки семь тысяч километров общей границы. Когда население Крыма проголосовало за воссоединение с Россией (извините, я буду использовать эту формулировку), Назарбаев заявил, что к этому шагу России он относится с пониманием. У европейских лидеров другая позиция, с которой можно не соглашаться. Но её следует уважать. Не кажется ли вам, пан президент, что действия Путина в каком-то смысле можно считать вынужденной мерой? После трагедии в Одессе на многое смотришь иначе. Если бы Крым распахнул границы для бандеровцев и боевиков «Правого сектора», они бы не задумываясь, уничтожили русских жителей полуострова – как это сделали с несогласными в Одессе. Разница только в масштабах. Крым мог стать большой Одессой. Путина можно понять...

– Можно понять действия каждого политика, который беспокоится о развитии ситуации в стране и в её ближайших пределах. Но я считаю, что не до конца были использованы все меры международного воздействия на ситуацию. Положение в Крыму не обсуждали в Совете Безопасности ООН. Сюда не направили миротворческие силы, как в Косово или на Кипр. Все аргументы Путина из серии «это могло случиться». Мне кажется, аргументы господина Путина довольно неубедительные. Было очевидно, что его главная задача – не помощь местному населению, а захват Крыма. Все эти разговоры о «вежливых людях» и «зелёных человечках», о том, что военную форму можно купить в магазине (и танки тоже?!) – недостойны серьёзного политика, которым должен быть президент ядерной державы. Сторонники Путина ссылаются на итоги референдума о присоединении Крыма. Но его сначала планировали на июль, а затем провели впопыхах в марте. Провести какое-то обсуждение, дискуссию в обществе было невозможно. Поэтому для многих европейцев итоги референдума – фиговый лист. Ведь сначала была идея – провести референдум о самоопределении Крыма параллельно с президентскими выборами в Украине. Вполне возможно, пророссийским активистам удалось бы добиться большинства, но реакция в мире была бы совсем другая. К слову, в последние десять лет я в Крыму бывал чуть ли не каждый год. И для меня не секрет, что большинство из жителей полуострова по своему менталитету ближе к России, чем к

Украине. Но итоги референдума в этой конкретной ситуации никогда не будут приняты мировым сообществом. Более того, этот прецедент опасен для других государств на постсоветском пространстве, в том числе и для Казахстана. Если Россия заявляет о своём праве защищать русских, где бы они ни жили, это означает лишь одно: она не уважает общепринятых границ и законов цивилизованного общества. Она не соблюдает договоров, подписанных с другими государствами. Как вы помните, в 1994 году Россия обязалась уважать права соседних стран. Специальный меморандум был подписан по этому поводу в Будапеште, когда Украина отказалась от ядерного оружия. Государства, располагающие ядерным оружием, в том числе и Россия, гарантировали территориальную целостность Украине. Они также обещали, что экономика не будет использована в качестве убойного аргумента в политике. То есть была надежда, что с агрессивной, великодержавной политикой СССР покончено. Но, увы...

Хочу обратить внимание вот на что. Между Казахстаном и Россией подписан договор о границе, о вечной дружбе и взаимопомощи. Это прекрасно. В Казахстане живут как казахи, так и русские. Живут дружно. Но в казахской прессе уже появились тревожные публикации: а вдруг после Крыма наступит черёд Северного или Восточного Казахстана, где Россия захочет защитить интересы русских. Что тогда? Как понимаете, вопрос не праздный...

Потенциал не исчерпан

– Пан президент, вы, как и многие европейские политики, обращаете внимание на один факт, неприятный для России. После референдума в Крыму и вхождения этой украинской автономии в состав Российской Федерации некоторые издания в Казахстане, как правило, национал-патриотического направления, начали муссировать слухи о якобы готовящейся российской агрессии против Республики Казахстан. Мне кажется, что нашим казахским друзьям волноваться нечего. Поскольку в Казахстане никто не устраивает сборищ под лозунгом «Хто не скаче, тот москаль». Русский язык не запрещают, как это попыталась сделать прошлая Верховная рада. На улицах Астаны не проходят факельные шествия националистов, как это было в дни майдана. Так что разница существенная. Кстати, не кажется ли вам: опасно забывать прошлое? На Волыни бандеровцы вырезали более 200 тысяч поляков. А сегодня официальная Варшава старательно не

замечает неонацистских настроений в соседней стране. Скажу вам откровенно, меня как сына фронтовика это удручает...

– Национализм опасен в любой стране. Откровенно говоря, в Польше также есть националисты. Эта публика особенно активна в дни патриотических праздников, например в День независимости, который мы отмечаем 11 ноября. К счастью, деятелей подобного плана в стране немного. Нас, конечно, беспокоит рост национализма в соседней стране – я имею в виду Украину. Но чем лучше Россия? Нам не нравится многое из того, что говорит господин Жириновский. Дескать, Украина – искусственная страна, её надо расчленить. Некоторые российские коллеги меня успокаивают: Жириновский всего лишь маргинал и популист. Но в Польше ни один деятель такого рода не работает заместителем спикера в парламенте. Депутат-националист на высокой государственной должности – показатель нравственного нездоровья российского общества. Тем более что он любимый герой передач на центральных телеканалах страны. Понятно – телеведущему надо, чтобы было острее, громче, смешнее. Но когда я слушаю его, мне не смешно, а скорее грустно. Да, протестное движение в Украине было бурным и многоплановым. К нему примазались и националисты. Но говорить о том, что протесты в Украине организовали фашисты – а именно так утверждают многие государственные и общественные деятели в России – это неправда. Это пропаганда. Сегодняшние лидеры Украины никакие не националисты. Они хотят развивать отношения, как с Европой, так и с Россией. Каждый вменяемый политик в Украине понимает: соседей не выбирают. Хочешь не хочешь, а выстраивать отношения придётся. Но Украина не станет делать то, что велит «Большой сосед». Это тоже надо иметь в виду и понимать, что агрессивная политика России будет объективно помогать и укреплять позиции националистов в Украине, в чём мы, поляки, абсолютно не заинтересованы. Мы бы хотели, чтобы политиков умеренного толка в Украине было как можно больше.

– **Давайте вернёмся в Казахстан. Попробуем охарактеризовать наши деловые отношения: они на подъёме или идут на спад – из-за украинского кризиса?**

– Прежде всего хочу отметить – я приезжал в Казахстан много раз: сразу после того как ваша страна провозгласила независимость, во время своего президентства и после своей отставки. Достигнутые результаты не могут не поражать. Страна начинала с валового продукта 900 долларов на душу населения. Сейчас этот показатель превысил 10 тысяч. Прогресс несомненный. Впечатляют новые контуры

Астаны, размах строительства. Заметны перемены, достигнутые в образовании. Нельзя не уважать лидера Казахстана и всех его граждан. По поводу польско-казахстанских экономических отношений. Ваша республика – несомненный лидер в Центральной Азии, наша – одна из самых интересных в Европе. Даже в тяжёлые кризисные времена Республика Польша демонстрирует, пусть небольшой, но стабильный рост внутреннего валового продукта (ВВП). Конечно, хотелось бы достичь большего. Да, нам удалось построить «на паях» фармацевтический завод в Шымкенте. Да, многие инвесторы активно работают на казахстанском рынке, но я надеюсь, что это не предел. Если польских бизнесменов сравнивать с немцами, турками или итальянцами, то мы, конечно, не лидеры. Надо поправлять дело. Какой же здесь выход? Я полагаю, что надо переводить наше сотрудничество на уровень областей и городов. Я рад, что многие польские города уже стали побратимами с казахстанскими городами. Наши страны, разумеется, не соседи, но мы близки ментально. У нас много общего по отношению к тем или иным историческим датам, например, к событиям Второй мировой войны. Поэтому я считаю, что потенциал польско-казахстанских отношений не исчерпан. Мы надеемся на визит президента Назарбаева в Польшу. Последний раз он был моим гостем в 2002 году. Хочу также отметить активность посольства Республики Казахстан в нашей стране. Деятельность дипломатов способствует расширению списка казахстанских бизнесменов, которые решили работать в Польше.

Правые не всегда правы

– И снова о политике. Вы не просто бывший президент Республики Польша, но и один из лидеров социалистического движения в Европе. В 1990 году вы организовали Социал-демократическую партию Польши. А годом позднее Демократический левый союз. Вам не кажется, что сегодня европейская модель социализма исчерпала себя? Почему я об этом спрашиваю? Социально ориентированная экономика в Европе буксует на месте уже много лет. Граждане «третьего» мира рассматривают старушку Европу как огромную дойную корову. Что, в свою очередь, усиливает позиции правых. Наиболее известная в этом смысле француженка Марин Ле Пен, которая резко критикует президента-социалиста Франсуа Оланда, избрана членом Европарламента. В Германии постоянно происходят драки между местными жителями и радикальными исламистами, ко-

торые весьма ловко используют в своих интересах «социалистические» достижения Старого Света.

– Разделим вопрос на два – социализм в Европе и проблема миграции. Когда в какой-то стране к власти приходит правительство правых или, наоборот, побеждают левые, это не означает, что меняются идеология и политика этого государства. Избиратели устают от любой власти и обычно во время выборов хотят перемен. На первый взгляд у социалистов в Европе всё не так плохо. Они у власти в Италии, во Франции и в Швеции. Лидеры социалистов составляют костяк руководства Австрии. В Германии социал-демократы успешно работают в коалиции с Христианско-демократическим союзом Ангелы Меркель. Исторически социализм победил, поскольку правила социалистического общества приняли практически все политические силы. Никто не возражает против социальных гарантий рабочим и безработным. Никто не смеет говорить, что женщины не имеют равных прав с мужчинами. Порой они даже «ровнее». Мы все за открытое образование, за доступное здравоохранение. Фактически лозунги, с которыми социалисты в XVIII веке начинали свою борьбу, уже воплотились в жизнь. Европа стала настолько социал-демократической, что об этом сто лет назад социалисты и мечтать не могли. Но вы правы: сегодня европейская социал-демократия переживает сложный момент. Проблема в том, что изменилась структура населения. Ещё полвека назад можно было с уверенностью сказать, что социалисты являются выразителями интересов рабочих и лучше других партий выражают их интересы. В настоящее время ситуация изменилась. Во-первых, разные политические силы приняли на вооружение лозунги о защите прав трудящихся – во всяком случае, это декларируют. Во-вторых, рабочий класс стал совсем другим. Всё меньше заводов, на которых трудятся 8–10 тысяч рабочих. Помню одну встречу в Люксембурге с премьер-министром Жан-Клодом Юнкером, нынешним председателем Еврокомиссии. Мы побывали на одном металлургическом заводе. 10 лет назад там работало семь тысяч человек, а сейчас – 270. Между тем объёмы производства выросли в несколько раз. Поэтому сейчас возникает вопрос: а кого социалистам защищать? Где черпать резервы? Как расширять электоральную базу? В Европе в последние годы усилились позиции среднего класса. Для его представителей любые социальные потрясения, а тем более революции, нежелательны. Они поддерживают такие партии, которые обещают стабильность, снижение налогов и повышение доходов. Хочу подчеркнуть: не только социалисты, но и вообще все партии испытывают чрезвычайные слож-

ности. Люди изменились. Они общаются не на собраниях и сходках, а по интернету. Самое главное для современного политика: как найти общий язык с новой генерацией людей, которые к политике относятся скептически. Количество членов партии для каждой политической организации – это огромная проблема. В том числе и для социалистов. Если бы я заново создавал социал-демократическую партию, то заложил бы в устав три простые идеи. Первая: помогать людям, которые по каким-то причинам выпали из социума, потеряли работу. Кстати, это проблема не только пожилых людей. В Польше высокий уровень безработицы наблюдается также среди молодёжи. Вторая идея: социалисты должны способствовать модернизации, продвигать инновации. Они должны стараться, чтобы жители малых городов могли получить хорошее образование и сделать достойную карьеру. Не консерватизм, не стагнация, а постоянное движение вперёд – вот что должно быть на знамени современных социалистов. Ну и, наконец, третье. Следует завершить эмансипацию, поскольку в некоторых европейских странах эта проблема остаётся достаточно острой. Сейчас польское правительство возглавила женщина, врач Эва Копач. Мне кажется, она будет хорошим премьер-министром. Мои отец и мать были врачами, и я знаю об этой профессии не только с точки зрения пациента поликлиники. Одна деталь: у премьера-врача есть преимущество перед другими политиками. Он чувствует человеческую боль и хочет помочь.

– **Теперь о миграции...**

– Это самая главная проблема будущих десятилетий для всей Европы. Достаточно взглянуть на демографические показатели, и всё становится ясно: Европа не продвинется вперёд без мигрантов. Почему? Старый Свет становится территорией долгожителей. В Швеции уже сейчас большая часть жителей доживает до 90 лет. Они прекращают трудовую деятельность в 65–67 лет, а остальное время проводят на пенсии. Понятно, что двадцать миллионов человек не могут прокормить 50–70 миллионов. Причём на том уровне, к которому привыкла эта страна. Поэтому демографическая ситуация подталкивает нас к единственно верному решению. Европа должна быть частью мира с открытой дверью. В Польше пока далеко не все разделяют мою точку зрения. Но я уверен: наша страна будет принимать мигрантов, очень много мигрантов. Да, правые силы в Европе (Марин Ле Пен – это наиболее яркий политик) пытаются настраивать избирателей против миграции. Приезжие, мол, не уважают наши традиции, они негативно влияют на рынок труда. Это неправда. На ту работу, которую выполняют мигранты, не согласился бы ни один француз.

Что касается традиций. Да, проблема есть, но её надо решать спокойно, без истерики и вместе с мигрантами. При этом я не исключаю, что антимиграционная риторика может быть популярна в обществе. Но лишь среди 25–30 процентов среди всего населения. В некоторых странах этот показатель больше, в других меньше. В среднем по Европе картина именно такая. Разумеется, надо быть готовым к тому, что мигранты, получив гражданство той или иной страны, рано или поздно начнут заниматься политической деятельностью. Важно, чтобы она была в рамках существующих законов. Радикализм, особенно религиозного толка, недопустим. И мне кажется, что европейская общественность в силах справиться с этим злом. Конечно, многое зависит от самих мигрантов. Надо, чтобы они уважали законы той страны, в которой решили поселиться. Учили язык, знали историю и почитали традиции. Национализм европейцев и радикализм приезжающих – две стороны одной медали. Но я не думаю, что эти два фактора будут определяющими в истории Европы нынешнего столетия.

Надо думать о будущем

– Сегодня войска натовской коалиции принимают участие в военных действиях на Ближнем Востоке. Правда, пока речь идёт только об авиаударах. Европейская общественность с пониманием относится к этой операции. Телевизионные кадры, на которых бо-

евик так называемого «Исламского государства» отсекает голову пленнику, всколыхнули весь мир. А столкнулась ли Польша непосредственно с исламской угрозой?

– Наши солдаты, верные союзническому долгу, принимали участие в боевых действиях в Ираке и в Афганистане. Воевали храбро. Некоторые из них попали в плен к исламистам. Пришлось приложить немало усилий, чтобы их освободить. Таким образом, наши военные знакомы с радикальным исламом не понаслышке. Что касается Польши. До Второй мировой войны это была самая полиэтничная, мультикультурная и многоконфессиональная страна в Европе. Здесь жили не только поляки, но и евреи, немцы, украинцы, белорусы, литовцы и так далее. Гитлер и его приспешники убили более трёх миллионов польских евреев. Затем Черчилль, Рузвельт и Сталин во время двух конференций – в Ялте и в Потсдаме – перекроили карту Европы. Сорок процентов польской территории отошли Украине, Беларуси и Литве. Взамен мы получили земли на западе страны. Немецкое население было переселено в Германию. Всё это создало новую реальность. Население Польши по национальному составу стало практически однородным. И по религиозным предпочтениям тоже – 90 процентов населения нашей страны католики. Поэтому миграционный вал до нас не докатился. Следовательно, не существует угрозы исламского радикализма. Выходцам из Африки, Азии, Ближнего Востока, исповедующим ислам, в мононациональной католической стране трудно адаптироваться. У нас работают украинцы – несколько сотен тысяч человек. Поскольку по менталитету мы близки, никаких проблем не возникает.

– В разных странах президенты, завершившие свой срок на посту № 1, остаются в фокусе внимания общества. В США, к примеру, существует традиция: правительство возводит библиотеку имени очередного главы государства. А чем занят президент Квасневский сегодня? И ещё. Какие итоги своего президентского срока вы считаете наиболее важными для страны?

– Отмечу важную деталь. Сразу после президентства очень важно общение с молодёжью, особенно со студентами. Пять лет я преподавал в Джорджтаунском университете, в Вашингтоне. Поверьте, это было время, проведённое с пользой. Идёшь к студентам и думаешь, что ты всё знаешь. Ведь ты же руководил десять лет не самой маленькой европейской страной. Потом понимаешь, что далеко не всё ты знаешь, а некоторые вопросы тебя ставят в тупик. Поэтому я считаю, что дискуссии с молодыми людьми всегда держат политика в тонусе. Что касается главных итогов моей президентской карьеры. В своё время

я возглавлял Конституционный совет Национальной ассамблеи. Под моим руководством был подготовлен Основной закон страны, который был принят в 1997 году – после бурных дебатов в парламенте и в обществе. Забавно наблюдать за тем, что мои оппоненты теперь стали самыми ярыми защитниками Конституции. Так вот, согласно этому закону, каждый гражданин Польши может быть избран на высший государственный пост дважды. Каждый срок – пять лет. Я единственный президент, который избирался дважды – в 1995 и в 2000 годах. Я завершил свою работу и, откровенно говоря, доволен результатами своего труда. Страна получила Конституцию, по которой благополучно живёт уже 17 лет. Мы вступили в НАТО, получив гарантии безопасности, а также вошли в Европейский союз, в 2004 году. Причём это был непростой путь. Ведь начался он сразу же после распада советского блока.

Когда я закончил два президентских срока, встал вопрос: что делать дальше? Вопрос непростой, как могло бы показаться. В Конституции он не прописан. А ведь со временем бывших президентов будет всё больше. Пока нас двое. У пана Валенсы сейчас свой институт, а я создал Фонд Александра Квасневского, который называется «Друзья Европы». Мы работаем с европейскими странами и с теми государствами, которые хотят развивать отношения с ЕС. Наши эксперты занимаются аналитикой, организуют научные конференции, читают лекции за рубежом. Одна из идей, которую я пытаюсь реализовать в различных странах, – это примирение. Во время моего президентства я сделал немало для урегулирования всех проблем с евреями и украинцами, с Россией и Германией. Ведь история Европы в двадцатом веке – это сплошные войны, контрибуции, передел границ. Понимаю, что трудно, но надо перешагнуть через прошлые обиды. Вот вы упомянули про Волынь. Да, 200 тысяч моих соотечественников погибло в той трагедии. Но и поляки уничтожили немало украинцев – более 100 тысяч. Забывать об этом нельзя. Выстраивание двусторонних отношений только на знании этого факта – недалёковидно. Поэтому вместе с Леонидом Кучмой, в то время президентом Украины, мы организовали поминальную встречу, лейтмотивом которой стало примирение и взаимное прощение. Эта трагедия коснулась многих семей, даже моей. Отец моей супруги был четырнадцатилетним подростком, когда пришли каратели. Семья спаслась, потому что её вовремя предупредили. Они убежали в лес. Так вот, мы спорили с тестем: а стоит ли сегодня поднимать вопрос о примирении? В конце концов я его убедил. Нельзя жить с жаждой мести в сердце. Прошлое не изменить. Надо думать о будущем.

За европейским столом никому не тесно

– Скажите, господин президент, как образовались польские диаспоры в других странах мира? Поддерживает ли Польша связи с эмигрантами?

– Вообще-то эмиграция поляков из родной страны – это предмет особого исследования. Первая мировая война, Вторая мировая, коммунизм, военное положение – все эти драматические события создавали потоки переселенцев. Поляки осели по всему миру – в Америке, в Австралии, в Южной Африке. Надо отметить, что своими денежными переводами они поддерживали и поддерживают польскую экономику. Но есть и новые реалии. После вступления Польши в Европейский союз более двух миллионов поляков нашли работу в странах ЕС. В Великобритании миллион поляков. В Ирландии польская диаспора вторая после ирландцев. Их там триста тысяч. Поляки нравятся ирландцам, потому что и одни и другие – католики. Умеют хорошо работать. А за праздничным столом поляки, как и коренные жители страны, желанные гости, поскольку пьют, танцуют и от выпивки не отказываются. Можно ли считать поляков в Ирландии эмигрантами? Сомневаюсь. Ведь они могут в любой момент вернуться на Родину. Поляки делают неплохие инвестиции в экономику Ирландии. Покупают дома и квартиры. Открывают польские рестораны и магазины. С другой стороны, они поддерживают экономику Польши, когда присылают деньги своим родным и близким. Ежегодно в Польшу поступает около двух миллиардов евро. Я считаю, что это правильно. Двери должны быть открыты в обе стороны. Мы примем своих соотечественников независимо от того, будут ли они с деньгами или без денег, в хорошем или плохом настроении. На Родину надо возвращаться – как к маме.

Многие контакты поляков со своей этнической родиной происходят на уровне человеческих отношений. Люди переписываются по интернету, ездят в гости друг к другу. Наши сограждане не отличаются особой политической активностью. Например, в американском городе Чикаго проживает более миллиона поляков. Во время выборов президента, парламентских выборов там создаются избирательные участки. В выборах традиционно принимают участие 5–10 процентов местных поляков. В Литве, на Украине, в Казахстане несколько другая ситуация. Там сохранились польские диаспоры, которые поддерживает польское правительство. Теперь все знают, как попали поляки в Казахстан. Иосиф Виссарионович послал сюда эшелоны с нашими соотечественниками – не на курорт. Это был не

их выбор. Польша понимает свою моральную ответственность перед их потомками. Прежде всего за счёт государства мы обучаем в вузах детей и внуков репрессированных. Поддерживаем польские школы. Заботимся, чтобы молодые люди не забыли родной язык. Мы направляем польских учителей на работу в казахстанские школы. Если граждане Казахстана польской национальности хотят переехать в Польшу – пожалуйста. Государство идёт навстречу, помогает репатриантам адаптироваться. Когда я приезжаю в Казахстан, обязательно стараюсь встретиться с представителями польской диаспоры. Это мощная эмоциональная и нравственная подпитка. Мне кажется, что нам с президентом Назарбаевым удалось создать нормальные условия для контактов этнических поляков с Польшей.

– Если вы задумаете писать книгу мемуаров, как она будет называться?

– Пока я издал сборник своих речей, с которыми выступал в течение десяти лет, пока был президентом. Мне кажется, он понадобится современным и будущим исследователям, которые станут анализировать этот период польской истории. Девизом моей первой предвыборной кампании был лозунг «Избираем будущее» и «Польша для всех». Тогда мне исполнился 41 год, я был относительно молодым политиком. Мне казалось, что для Польши будет очень плохо, если мы станем всё время оглядываться назад и беречь старые раны. Если будем долго и нудно выяснять, кто и что делал во времена коммунизма, тогда раскола в обществе или других социальных потрясений нам не избежать. На второй срок я шёл с лозунгом «Будущее победило». И это правда. Через пять лет, завершив второй срок, я оставил Леху Качинскому совсем другую страну. Изменилось всё: люди, экономика, политические пристрастия. Что касается мемуаров, пока о них серьёзно не думал, хотя некоторые наброски имеются. Но вот какая проблема намечается. Если напишешь честно, то поссоришься со многими соседями и высокопоставленными политиками в Польше, а писать полуправду не хочется...

**Республика Польша
«Весь мир», № 60 (ноябрь–декабрь 2014 г.)
Фото Рината Дусумова**

Юра был журналистом от Бога

Мы были так давно знакомы, что, казалось, это происходило в какой-то другой жизни.

На дворе – середина 80-х, время перемен. В журналистском лексиконе появились непривычные слова – перестройка, гласность, новое мышление, что для меня, заведующей отделом общественно-политического вещания Гостелерадио Казахской ССР, требовало и новых подходов в создании радиопередач. Нужны были авторы нестандартно мыслящие, которые могли бы по-иному взглянуть на события, как сегодняшнего дня, так и нашей истории.

И вот тогда в узких «радишных» коридорах, где постоянно из двери в дверь сновал народ то с рулонами плёнки в руках, то с напечатанными текстами передач, и состоялось наше знакомство. К тому времени Юра был уже журналистом с именем – печатался не только в ведущих республиканских, но и в союзных изданиях. К нам он приносил, как правило, небольшие по объёму очерки либо о людях с необыкновенными судьбами, либо о забытых или «закрытых» до недавнего времени фактах истории.

До сих пор помню его открытую улыбку и модную по тем временам «оттепельную» фразу: «Привет, мать!», после чего он лез в свой портфель и доставал что-нибудь «убойное».

Между этим временем молодости и днём нынешним пролегла целая жизнь, в ней мы не раз пересекались с ним на журналистских дорогах, но вот поработать вместе в одном издании не довелось, хотя каждый держал друг друга в поле зрения.

Меня всегда поражала в нём необыкновенная работоспособность: он совершенно свободно мог трудиться сразу на нескольких фронтах – например, активно публикуясь в «Аргументах и фактах», умудрялся одновременно выпускать собственную газету «Весь мир», где поднимал острые политические проблемы международного характера. Помню, когда несколько лет назад я работала над книгой воспоминаний первоцелинницы, Героя Социалистического Труда Веры Васильевны Сидоровой, прочла о ней

■ солидный, большой по объёму (на целый разворот) материал Кири-
■ нициянова под весьма красноречивым заголовком «Земля и Вера»,
■ который мне очень понравился.

■ Но, к моему большому сожалению, как говорится, не срослось
■ – Вера Васильевна посчитала такое название не совсем корректным,
■ так как повествование в книге велось от её имени. «Как это я сама о
■ себе напишу: «Земля и Вера», – говорила она мне. Юру это задело
■ – он был человеком амбициозным, но применительно к профессии
■ журналиста, мне кажется, это нормально. Мы все в какой-то степени
■ амбициозны, ведь журналистам высокого уровня (а Кири尼циянов
■ был именно таким) каждой своей публикацией словно приходится
■ доказывать право быть лучшим в непростой конкурентной среде –
■ признание коллег-журналистов дорогого стоит.

■ Юра был журналистом от Бога, трудягой, для которого рас-
■ хожая фраза «Ни дня без строчки» отражала естественное состоя-
■ ние, поэтому он так много успел, оставив нам огромное количество
■ мастерски написанных статей.

Елена Брусиловская
г. Алматы

Опять искрит дуга нестабильности

Продолжается сложный процесс
межсирийского урегулирования.
Женева и Астана – вот две точки на
карте мира, к которым теперь
приковано внимание экспертов.

На фоне трагедии на Ближнем
Востоке как-то ушёл в тень

Афганистан. Между тем и там ситуация остаётся крайне
напряжённой. На вопросы газеты «ВСЬ МИР» отвечает
Султан АКИМБЕКОВ, главный редактор журнала «Центр Азии»,
кандидат исторических наук.

Мы сделали это

– Султан Магрупович, сирийско-сирийские переговоры про-
должаются. И пока конца им не видно. Тем не менее официальный
представитель России заявил, что очередной раунд в Астане прошёл
успешно. А что по этому поводу думает эксперт Акимбеков?

– Разделяю эту точку зрения. Успех переговоров уже в том, что
они продолжают. Сформирована оперативная группа в составе трёх
государств, гарантов этого процесса. Это Иран, Россия и Турция. Сто-
роны договорились о регламенте работы, что внушает осторожный
оптимизм. Мы все понимаем: ситуация в Сирии была критической. Сей-
час установилось хрупкое перемирие. Оно, конечно, нарушается. Но, во
всяком случае, появились рычаги, чтобы утихомирить раскалившиеся
страсти. По большому счёту самое главное достижение астанинского
процесса уже в том, что три разные страны, у которых немало проблем
в отношениях друг с другом, смогли договориться и усадить за стол пе-
реговоров делегацию Асада и представителей вооружённой оппози-

ции. Теперь многое, если не всё, зависит от того, какую позицию займут США. Потому что от этого в том числе зависит и политика стран Персидского залива. Сейчас появились лишь первые сигналы из Вашингтона, ближневосточная политика нового президента ещё до конца не сформулирована. Не совсем ясно, что будут делать американцы. Вот почему сегодня Москва, Тегеран и Анкара, а также противоборствующие силы в самой Сирии смотрят в сторону Америки. Тем не менее всем понятно: переговоры надо продолжать. Весьма показательно, что Астана востребована в качестве площадки для распутывания сложного ближневосточного узла. На каких условиях присоединится к этому процессу Америка и присоединится ли вообще? От этого многое зависит сейчас.

– Когда-то американский политик Збигнев Бжезинский прочертил некую условную линию на глобусе – так называемую «дугу нестабильности». Она берёт начало на севере Африки, тянется через Ближний Восток, Северный Кавказ, Афганистан, китайский Синьцзян, а заканчивается филиппинским островом Минданао. Нетрудно понять, что именно здесь время от времени вспыхивают всполохи экстремизма и терроризма. То затухают, то вновь разгораются самые настоящие войны. Как сейчас в Сирии и Ираке. Так или иначе эта «дуга» подпитывается идеями радикального ислама. Параллельно мы видим, как некоторые арабские страны пытаются играть конструктивную роль в урегулировании спорных вопросов. В частности, в межсирийском диалоге. Во втором раунде в качестве наблюдателя появилась Иордания. Означает ли это, что соседние мусульманские страны решили занять более активную позицию по отношению к сирийскому конфликту? До этого влиятельные арабские государства просто поддерживали оппозицию, и ничего хорошего в итоге не получалось...

– Весьма спорная постановка вопроса. В Сирии идёт внутригражданский конфликт, который накладывается на противостояние шиитов и суннитов. Поэтому нельзя сказать, что там враждуют «плохие» и «хорошие» парни, как это иногда можно прочесть в российских СМИ. Хорошие парни за президента Асада, плохие – против. Или наоборот, что можно увидеть во многих арабских СМИ – плохие за Асада, а хорошие против. Это будет упрощенчеством. Однозначно «плохими» парнями все признали только «Исламское государство» (организация запрещена в Казахстане, в России и во многих других странах. – *Прим. ред.*). Примечательно, что в Астане участие в переговорах принимал один из заметных полевых командиров сирийской оппозиции Мохаммед Аллуш, представитель организации «Джейш аль-Ислам». Россия предлагала Совбезу ООН признать эту органи-

зацию террористической, но не нашла поддержки. «Джейш аль-Ислам» контролирует немалую территорию неподалеку от Дамаска, так называемый оазис Гута. И, по непроверенной информации, пользуется поддержкой Саудовской Аравии. Понятно, что суннитские повстанческие организации в Сирии опираются на помощь суннитских стран, включая и Иорданию. Точно так же как шииты из Ирана, Ирака, Ливана поддерживают Асада. Поэтому, если речь идёт об эффективности переговорного процесса, то усилий только суннитской Турции недостаточно. Нужно подключать и страны Персидского залива.

Надо договариваться

– Но ведь Саудовская Аравия и Катар поддерживают ИГИЛ – деньгами и вооружениями? Во всяком случае, такая точка зрения широко распространена среди российских экспертов...

– Подобные версии относятся к области конспирологии. Тезисически это возможно, но никаких доказательств этому нет. Подобных примеров, в том числе из недавней истории, можно привести много. Фактически же сегодня Саудовская Аравия и другие страны Персидского залива входят в коалицию, которая, напротив, объявила войну ИГ. Кроме того, уже упомянутая организация «Джейш аль-Ислам», которая пользуется поддержкой Саудовской Аравии, публично казнит членов ИГ, выпускает соответствующие обращения с осуждением её действий. Другое дело, что ИГ оперирует в районах Ирака, населённых в основном суннитами, в том числе представителями родственных саудовским арабских племён.

Если посмотреть на ситуацию в контексте суннито-шиитского противостояния, то существование такой одиозной организации, как ИГ, вообще невыгодно Саудовской Аравии. Хотя бы с точки зрения того, что бои идут на территории иракских суннитов и ведёт их состоящая в основном из шиитов правительственная иракская армия. Сунниты и так были слабо представлены в политической жизни Ирака, теперь же после всей эпопеи с ИГ их влияние не может не уменьшиться. Когда идёт война, можно выдвигать или отвергать любые лозунги. Но если вы начинаете процесс примирения, то следует забыть о своих былых противоречиях. Да, разумеется, надо вывести за скобки неприемлемые для всех фигуры и организации вроде ИГ. Но с остальными-то придётся договариваться. Другого выхода просто не существует.

– Вполне понятно, что в этом регионе действуют разновек-

торные силы, из-за чего приходит противоречивая информация. Тем не менее некоторые факты обнадеживают. Не так давно российские бомбардировщики обрушили свой смертоносный груз на базы ИГ – по наводке американской разведки. Значит, можем сотрудничать, если захотим. С другой стороны, Трамп заявляет, что он возобновит санкции против Ирана, поскольку это террористическое государство. Таким образом, один из ключевых игроков будет выведен из переговорного процесса. Да и атака американских «томагавков» на Аль-Шайрат, военную базу сирийских ВВС, оптимизма не добавила. Как относиться к этому парадоксу?

– Остаётся только ждать, когда будет сформирована чёткая американская политика на Ближнем Востоке. С одной стороны, во время выборов Трамп говорил, что может уйти из горячих точек, что это слишком дорого для США. С другой – он обвинял своего предшественника Барака Обаму в нерешительности, в том числе в тех же горячих точках. Да, про Сирию он говорил, что можно найти общий язык с Россией на почве борьбы с ИГ. Но в то же время, он весьма жёстко настроен по отношению к Ирану, который, как известно, вместе с Россией поддерживает Асада. И, наконец, администрация нового президента уже высказалась против снятия санкций с России. Всё это пока очень неопределённо, но некоторые предположения сделать можно. Москва рассчитывала на то, что сможет договориться с Вашингтоном о снятии напряжённости в двусторонних отношениях в обмен на содействие в Сирии. Теперь же такой сценарий маловероятен. Более того, США могут поставить Россию в ситуацию выбора между поддержкой Ирана и отказом от такой поддержки. Так как Иран с Россией вместе поддерживают Асада в Сирии, то для Москвы возникает сложная ситуация. Если не получится договориться о снятии санкций, а значит, и об ослаблении напряжённости в российско-американских отношениях, то положение становится ещё более сложным. Конечно, для всех было бы лучше, чтобы уровень напряжённости на межгосударственном уровне снизился. Но сейчас всё зависит от того, какую политику в конечном итоге выберут в США.

«Азиатская Женева»

– Почитал свои публикации десятилетней давности – о поездке делегации Казахстанской торгово-промышленной палаты в Дамаск. Какие были замечательные планы по взаимовыгодным про-

ектам! Совместные предприятия в туризме, строительстве отелей, в торговле и ремёслах. Всё пошло прахом. Тем не менее спрошу, есть ли у Казахстана экономические интересы в этом регионе?

– Надо понимать, что Сирия – это выход к Средиземному морю, к западной оконечности Великого Шёлкового пути. Он проходил через Центральную Азию, и уже поэтому Ближний Восток нам интересен. И обострение международной обстановки в этом регионе – для Казахстана не очень хорошая новость. Как и новые «искры» в ирано-американских отношениях. Казахстан стремится быть мостом не только между Китаем и Европой, но и между глобальными Севером и Югом. Тем более что мы уже проложили железную дорогу в Туркмению с выходом на Иран. Вот почему в Казахстане рассматривают Иран, Афганистан, Сирию и Ирак, другие страны Ближнего Востока как рынки сбыта для своей продукции. Вот почему мы кровно заинтересованы в том, чтобы война в этом регионе прекратилась. Развитие экономических отношений в этом направлении – один из приоритетов страны. Не говоря уже о том, что любая нестабильность стремится к распространению.

– Война – это эпидемия...

– Вот именно. Война губительна для экономики. А любой экономике нужен мир, она должна зарабатывать деньги.

– С лёгкой руки журналистов Астану уже сейчас называют «азиатской Женевой». С эдаким намёком. В Швейцарии договориться не удалось, а тут появился шанс. Казахстан стал непостоянным членом Совбеза ООН. И вдруг такая дипломатическая удача. Что вы скажете по этому поводу?

– Я думаю, что в определённом смысле параллель «Женева – Астана» вполне оправданна. Столица Казахстана стала тем местом, где последние пару лет проходят интенсивные международные переговоры по самым разным проблемам. Безусловно, мы правильно используем своё геостратегическое положение. В прошлом, примерно с XVI века этот район был периферией мировой политики и экономики. Сегодня центр Евразии – стратегически важное место, где сходятся интересы великих и региональных держав, где развиваются глобальные транспортные коридоры. В старой Европе в XIX – XX веках Швейцария играла похожую роль. Когда страсти накалены, а противоречия между разными странами достигли предела, возникает необходимость в честном и влиятельном посреднике. Важно, чтобы он имел ровные отношения со всеми сторонами, не был непосредственно вовлечён в сам конфликт, обладал достаточным весом и авторитетом для того, чтобы иметь собственную пози-

цию по наиболее острым современным вопросам. Таким посредником стал наш Казахстан, а местом встречи Астана. Выбор площадки для переговоров был не случайным. Это подчёркивает важность для мирового сообщества Казахстана и Центральной Азии в целом.

– **Мусульманская страна протянула руку помощи единоверцам на Ближнем Востоке...**

– Я бы тут сделал важное уточнение. Не только для нынешних переговоров по Сирии, но и вообще для позиционирования Казахстана важно, что у нас страна мультикультурная. Мы ведь находимся на стыке ислама и христианства, на границе Европы и Азии. Для нашего развития важно быть мостом между двумя частями Евразии.

Инвестиции в будущее

– И тут мы с вами плавно переходим к другой горячей точке, Афганистану, где ситуация нам далеко небезразлична. Уже потому, что Афганистан в два раза ближе к нам, чем Сирия. В 2015 году ушёл в отставку Хамид Карзай, которого жёстко критиковали – с разных позиций. Одни говорили, что при Карзае коррупция в стране достигла невиданных размеров. Другие отмечали, что он слишком аффилирован с американцами. Третьи ставили ему в вину, что, наоборот, был слишком несговорчив, испортил отношения и с Россией, и с западным сообществом. И поэтому инвестиции поступали еле-еле. Впрочем, об ушедшем – либо хорошо, либо никак. А как ведёт себя новая администрация – по отношению к Центральной Азии и к Казахстану?

– Казахстан имеет достаточно эффективную и ответственную позицию по отношению к Афганистану. У нас есть программы помощи этой стране. Например, мы учим студентов, строим дороги, больницы и школы. Хочу напомнить: из всех государств Центральной Азии только Казахстан ведёт подобную работу. Насколько я знаю, в России такой программы нет. Это показатель нашей ответственности перед мировым сообществом. Конечно, наша поддержка не такая внушительная – как американская, но тем не менее это реальная помощь. Любая деятельность подобного рода всегда способствует созданию положительного имиджа государства. Поскольку это вполне конкретные дороги и объекты социального назначения. Это конкретные студенты, которые получают знания и будут работать на благо своей страны. Кроме того, мы поставляем в Афганистан разные товары, в частности продовольствие. Для нас он важный рынок сбыта.

Очевидно, что экономическое развитие Афганистана – наиболее надёжный путь к стабилизации, а наш интерес в том, чтобы на границе Центральной Азии не было зоны нестабильности. Если суммировать: у Казахстана и Афганистана отношения вполне нормальные, рабочие, они не поменялись со сменой президента.

– **А что можно сказать о внутривнутриполитической ситуации?**

– Ситуация в настоящий момент довольно стабильная, хотя межобщинные противоречия внутри страны никуда не делись. Они составляют основу афганской внутривнутриполитической ситуации. Можно вспомнить, что прежний президент Хамид Карзай принадлежал к клану попользай племени дуррани, а ныне действующий глава государства Ашраф Гани – представитель племени гильзаев. В афганской истории они часто конкурировали друг с другом. Характерно, что в 2015 году Карзай поддерживал кандидатуру представителя дуррани Залмая Расула, который не вышел во второй тур. Однако во втором туре Расул призвал голосовать не за пуштуна Гани, а за его соперника Абдуллу Абдуллу, который представлял интересы главным образом таджиков. В ситуации, когда межобщинные противоречия весьма велики, а государственные институты слабы, чрезвычайно важна роль посредника. В Афганистане в этой роли сегодня выступают США. Они же обеспечивают афганское государство, в том числе финансируя государственный аппарат и армию. Если бы США вдруг ушли из Афганистана и прекратили предоставлять финансовую помощь, ситуация в этой стране наверняка бы ухудшилась. И здесь многое зависит от позиции Трампа. Хотя ещё при Обаме американцы согласились выделять средства до 2020 года. Но что действительно интересно, так это активное участие Китая в афганском урегулировании. В частности, в 2016 году Китай активно взаимодействовал с США по Афганистану, а если учесть, что Пекин ведёт много проектов вокруг этой страны, то его заинтересованность в стабильности в ней весьма высока.

Плюс к процессу подключается Шанхайская организация сотрудничества, которая в ближайшем будущем примет в свои ряды Индию и Пакистан.

– **Давайте о ШОС скажем более подробно. В последнее время организацию активно критикуют. Дескать, мало занимается экономическими проектами, превратилась в своеобразный «клуб по интересам». Зато просматривается интерес самого крупного государства ШОС – Китая. И вполне определённый: полезные ископаемые, возможности транзита нефти...**

– Я более оптимистично смотрю на возможности, которые

открывает участие в ШОС. В недалёком будущем в организацию примут Индию и Пакистан, так что практически весь Афганистан будет граничить с государствами, входящими в ШОС. Останется только граница с Ираном. Но поговаривают, что и Иран вскоре станет членом организации. КНР уже сейчас вкладывает немалые деньги в государства Центральной и Южной Азии. Только в Пакистан инвестировано около 47 миллиардов долларов. Многомиллиардные «инъекции» сделаны в Узбекистан, Таджикистан, Кыргызстан. И, конечно, в Афганистан, что, безусловно, правильно. Чем выше экономическая составляющая, тем ниже уровень конфронтации. Поэтому усиление роли Китая, его стремление играть большую роль в афганском урегулировании имеет значение. Никто, кроме США и Китая, не сможет финансировать решение афганской проблемы.

Травят нас за наши деньги?

– Один мой знакомый, московский эксперт, высказался вполне откровенно по поводу финансовой помощи Афганистану. Не попадают ли эти деньги напрямую на развитие маковых плантаций, в карманы наркобаронов. Поток наркотиков не ослабевает. «Нас травят за наши же деньги» – резюмировал мой знакомый. Может, не совсем дипломатично. Неполиткорректно. Но, согласитесь, повод для размышлений имеется...

– Такая ситуация складывается во многом потому, что центральное правительство не контролирует полностью всю территорию страны. В Афганистане слишком много самостоятельных сил на местах, от общин и племён до влиятельных полевых командиров. Во многом это результат компромиссов, которые были достигнуты в начале 2000-х годов между Ираном, Китаем, Пакистаном, Россией, США и некоторыми другими, которые имеют свои интересы в Афганистане. Эти договоренности, в свою очередь, обеспечили компромиссы внутри страны. Но как следствие возникла излишняя самостоятельность авторитетов на местах. Государство не может обеспечить действенный контроль над всеми ними, отсюда во многом и рост производства наркотиков.

– Из Москвы поступают противоречивые сигналы. Мне в своё время довелось брать интервью у Замира Кобулова, спецпредставителя президента России. И с тех пор я внимательно слежу за его перемещениями и заявлениями. Он недвусмысленно высказался в пользу диалога с талибами, а некоторые источники на Западе уве-

рены: такие переговоры уже идут. Но скрытно. Вместе с тем МИД России данную информацию опроверг...

– Тут особых загадок нет. МИД отвечает за официальную государственную политику. Спецпредставитель президента может высказывать идеи, которые до момента, пока о них не заявят официальные органы, являются только предложениями и отражают определённую точку зрения. Возможно, переговоры идут, возможно, нет. Но если допустить, что Россия не только выступает за переговоры с талибами, но и ведёт их, тогда возникает вопрос о предмете вероятных договорённостей и о том, участвует ли в них официальный Кабул. А если вдруг Кабул не участвует, тогда можно задать следующий вопрос, от чьего имени в Афганистане могут вестись такие переговоры? Проблема Афганистана по-прежнему связана с тем, что у внешних держав есть свои интересы относительно этой страны и свои группы поддержки внутри неё. А так как межгосударственные противоречия вокруг Афганистана сохраняются и могут продолжаться ещё долго, то остаётся открытым вопрос о том, кто и с кем должен договариваться об урегулировании в этой многострадальной стране. Но всё-таки в первую очередь это должны быть официальные власти в Кабуле.

Талибы – это не ИГИЛ

– «Талибан» контролирует некоторую часть Афганистана, подобно ИГ на Ближнем Востоке? Как к нему не относиться, у «Исламского государства» есть своя территория, органы власти, армия и даже, говорят, собственная валюта. Или в Афганистане всё как во время вторжения Советского Союза? Днём он благопристойный торговец фундуком и курагой. А ночью моджахед с «калашниковым» в руках, который ведёт бой с ненавистными ему «шурави».

– Из Афганистана поступает противоречивая информация, и не всегда её можно проверить. Часто говорят, что талибы контролируют те или иные территории и что ИГ также усиливает своё присутствие. Но здесь ещё раз стоит подчеркнуть, что реальное влияние на местах находится в руках тех или иных общин и полевых командиров, многие из них представлены в центральных органах власти в Кабуле. Среди политической элиты Афганистана сегодня и бывшие моджахеды, и лидеры племён, и религиозные авторитеты, и бывшие эмигранты. У многих есть своя вооружённая милиция. Поэтому, когда мы говорим о том, какую часть территории контролируют талибы или

ИГ, мы должны в каждом случае учитывать местные особенности. В некотором смысле «Талибан», как и ИГ, это зонтичный бренд, о лояльности которому могут заявить самые разные силы. Но при этом очевидно, что талибы больше распространены среди пуштунов, чем среди национальных меньшинств. А если говорить об ИГ, то идеология этой организации связана с Ближним Востоком. Это радикальный вариант салафизма. В то время как в Афганистане салафитские идеи мало распространены. Поэтому зачастую признание принадлежности к той или иной организации, в основном к «Талибану», является в первую очередь отражением противоречий на местном уровне. Сегодня мы не можем говорить, что талибы контролируют такую-то часть Афганистана, как Хамас в секторе Газа или ИГ в Ираке и Сирии.

– Поговаривают, что русский язык по частоте и сфере употребления в ИГИЛ на третьем месте. После арабского и английского. Не секрет, что вместе с жителями российских «мусульманских» республик вроде Чечни, Дагестана и Татарстана воюют граждане и центральноазиатских государств. В том числе и Казахстана. Раньше пресса утверждала, что и Афганистан располагает базами боевиков, в которых готовятся кадры для последующей отправки на свою этническую родину? А что сейчас?

– Афганистан неоднороден, как я уже отметил, разделён на зоны влияния отдельных полевых командиров, племён, вооружённых общин. Если мы говорим о севере страны, на границе с Центральной Азией, то здесь кроме армии и других государственных институтов влияние имеют бывшие командиры Северного альянса. Например, таджик Атта Мохаммад в провинции Балх, сторонники вице-президента узбека Абдул Рашид Дустума и многие другие. Для них Центральная Азия – и партнёр, и одновременно стратегический тыл. Кроме того, надо понимать различия между местным пониманием ислама и его версией на Ближнем Востоке. Сторонники салафитской версии в Афганистане, безусловно, присутствуют, но не пользуются слишком большим влиянием. К примеру, в 1992 году после падения режима Наджибуллы в одной из провинций Афганистана – Кунаре – был создан небольшой эмират ваххабитско-салафитского толка. Он просуществовал всего несколько месяцев и исчез под давлением местных племён и полевых командиров традиционного толка. Поэтому, конечно, можно допустить, что в стране, где нет сильной вертикали власти, возможно всякое, но всё же это маловероятно.

Когда мы были «стариками»

Помню июньский вечер 1966 года, с которого началась наша дружба. Встретились мы случайно у входа в главный корпус Казахского госуниверситета. Юра приехал в Алма-Ату из Караганды на поезде, я прилетел из России, из Самары с одной пламенной целью, мечтой всей нашей предыдущей мальчишеской жизни – поступить на факультет журналистики. Он после школы, а я, год проработав в заводской многотиражке. Решили, что вдвоём веселее и надёжнее искать ночлег. Уже не помню, где мы его нашли, но вот с того дня продружили до самой Юриной смерти. Каким он был?

Помню...

В брежневские времена центральные газеты во время уборочной страды посылали в передовые хозяйства выездные отряды своих корреспондентов. Их задача была оперативно готовить материалы для специальных полос о ходе уборки урожая. Встречали журналистов радушно, а провожали такие «летучие» отряды всегда грандиозными вкусными застольями. Таким был неписанный ритуал тех лет. Не была исключением и республиканская молодёжная газета «Ленинская смена», в которой в то время Юра трудился собкором по Кустанайской области.

Так вот, приехали столичные коллеги в областной центр, человек пять. Требуют, чтобы в хозяйство с ними ехал и Юра. Не сразу я понял, откуда и зачем такая настойчивость. Мой друг не возражал, но поставил условие, что журналистская бригада возьмёт и меня, тогда я работал на областном радио.

Приехали, как сейчас помню, в колхоз имени Козлова. Дальнее хозяйство, километров двести от областного центра. Встречает нас сам председатель. Спрашивает:

– С чего работу начнём? С какого объекта?

– С обеда! – не моргнув глазом, ответил кто-то. Все засмеялись. Контакт был налажен, и до позднего вечера мы колесили по полям, расспрашивали комбайнёров о трудовых буднях. Было что посмотреть, о чём и о ком рассказать. Работа, как всегда, шла спо-

ро. Но горький юмор ситуации, щепотка соли, так сказать, состояли в том, что накрывались столы и начинался пир в то самое время, когда надо было готовить материалы для полосы и передавать их в редакцию в Алма-Ату. Причём не позже трёх часов ночи!

– Юра, выручишь? – как мне показалось, даже виновато спросил главный нашей «летучей» команды. – Притомились ребята.

И Юра выручал. Почти до утра правил материалы, сокращал, дописывал – готовил полосу за всех, под героические тосты и песни коллег в соседней комнате. Он не любил долгих застолий да, пожалуй, и коротких, а вот в тягость газетная работа ему никогда не была. Любая! Самая незначительная! Зная такую особенность, коллеги всегда с удовольствием и настойчиво приглашали Юру в совместные поездки. Эта феноменальная трудоспособность плюс, конечно, талант, увлечённость любимой профессией позволили ему вскоре стать собственным корреспондентом «Комсомолки», следом главной газеты Советского Союза «Правды», потрудиться ещё в нескольких больших авторитетных изданиях, в том числе собкором правительственной «Российской газеты». К слову, последние 16 лет он практически без команды выпускал свою, большеформатную, газету «Весь мир».

А почему тогда, в ту давнюю поездку он пригласил меня с собой?

– Старик (в те годы все мы были «стариками»), когда ещё ты поешь настоящий бешбармак, да и материал мимоходом для себя привезёшь из дальнего совхоза.

Помню...

Работал я редактором студенческой газеты в Алма-Ате. Как-то раз Юра говорит:

– Засиделся ты, старик, в комсомоле, а тебе уже за тридцать. Есть у меня добрый приятель, редактор гурьевской областной газеты. Пойдешь к нему первым замом?

– Получается, по блату...

– А без блата кто о тебе узнает? – улыбнулся, потом серьёзно... В газетной работе долго не просидишь за чужой спиной, а я тебя знаю со всех сторон. Соглашайся. Дал я согласие на новую работу. Друга не подвёл, потом, уже и без его рекомендаций, у меня были новые немаленькие должности... Но тогда так он вовремя помог! Знаю и других, кому Юрий, как и мне, дал путёвку в большую журналистику. Много, если не всё, в судьбе каждого из нас зависит от того, с кем ты рядом. Сейчас некоторые его «протеже»

на пенсии и даже умудряются уверять, что сами пробились в этой жизни, без поддержки, без дружеской заботы и человеческой доброты. Пусть думают так, Бог им судья, а я-то знаю, как хлопотал Юра за друзей...

Помню, всё помню!

Борис Запорожец
г. Киев

Родос. Октябрь. Форум

Специальный корреспондент газеты «ВЕСЬ МИР»
Юрий КИРИНИЦИАНОВ
побывал на греческом острове Родос, где состоялась юбилейная
X сессия международного форума «Диалог цивилизаций»

Этот живописный клочок суши, омываемый Эгейским и Средиземным морями, был постоянным «яблоком раздора» с того момента, как на него ступила нога человека. Христианство сюда принёс ещё апостол Павел, и с 395 года остров вошёл в состав Византийской империи. Затем его покорили мусульмане. В начале века пришли итальянцы. В 1948 году в этой эстафете, к большой радости местного населения, была поставлена точка. И Родос отошёл Греции. Вполне логично, что именно здесь, где когда-то разные цивилизации схватывались в смертельных сражениях, встречаются люди для мирного диалога. Более 600 политиков, учёных, журналистов из разных стран мира приняли участие в форуме, который на острове проходит ежегодно.

Миссия выполнима

Когда делегаты, расслабленные приветствиями коллег и свежим средиземноморским бризом, рассаживались по своим местам, буквально рядом, на Ближнем Востоке, догорали остатки сирийского города Алеппо. Казалось бы, прямой упрёк разнеженному Родосу и аргумент в пользу того, что единственный «язык», который понятен оппоненту, – это автоматная очередь и выстрел из гранатомёта. «Доброе слово и кольт убеждают сильнее, чем просто доброе слово» – эта глумливая фраза, которую приписывают изобретателю револьвера, популярного в гангстерских кругах, Сэмюэлю Кольту, казалось, ещё не скоро будет предана забвению. Однако, вероятно, для того, чтобы мир окончательно не сошёл с ума, люди разных национальностей и убеждений, политических взглядов, принадлежащие различным конфессиям, пытаются разговаривать и договариваться. «Площадок, подобных Родосскому форуму, осталось не так уж много, – рассуждал профессор Гёттингенского университета имени Георга-Августа Петер Шульце, с которым мы познакомились во время перерыва. – Между тем потребность высказаться и быть услышанным сегодня как никогда велика. В моей родной стране мы стремимся наладить свой собственный «диалог цивилизаций». Между западными и восточными немцами, поскольку многие из них, особенно пожилые люди, так и не вписались в рыночную экономику. Между коренными жителями страны и турецкой общиной, которая подчас не горит желанием воспринимать и принимать ценности западной цивилизации. Это всё непростые проблемы. Мы их пытаемся решить. И если видим тупик, то возвращаемся назад и начинаем всё заново». Его коллега, ректор Египетского российского университета Шериф Хелми, как и Петер, занимается диалогом цивилизаций в практическом смысле. Его стараниями всё больше людей в родной стране осваивают русский язык. Господин Хелми мечтает об открытии подобных учебных заведений в других постсоветских странах. В том числе и в Казахстане. Получается ли диалог между разными слоями общества в Египте, где к власти пришли исламисты? «Наша страна, хоть и медленно, но выздоравливает», – тщательно подбирает слова мой собеседник. Как говорят в таких случаях на востоке, иншалла.

Практически тем же самым, но не под сенью пирамид, а в Юго-Восточной Азии, в древнем городе Ханое занята хрупкая тоненькая девушка Фам Хуанг Ань. Или, как она просила себя на-

зывать по-русски, Аня. Она секретарь Российского центра науки и культуры. В недавнем прошлом – студентка Казанского государственного университета. «После распада Советского Союза интерес к русскому языку угас, – рассказывала мне Аня. Но сейчас мы переживаем всплеск энтузиазма по отношению к России и всему, что с ней связано. Тысячи вьетнамцев хотят выучить русский язык, работать в совместных компаниях». Сама Аня по образованию экономист, мечтает в будущем открыть собственную фирму. Но, так или иначе, уже сегодня она выполняет важную миссию, соединяя два государства, два народа, две непохожие культуры.

...«Во время работы 10-й юбилейной сессии Родосского форума в храме, расположенном на территории отеля «Алдемар парадиз маре», будут совершаться православные богослужения. В четверг и в пятницу молебен. В воскресенье – божественная литургия». Это объявление на информационном стенде форума, написанное по-русски, не затерялось в море больших и малых листков на греческом и английском языках, вывешенных здесь же. И вовсе не потому, что в основном зале «Олимпис», где проходили пленарные заседания, в залах поменьше, где собирались «круглые столы», было немало православных священнослужителей из Греции и России, других стран. Неважно, кто и в кого верит. Во Христа, Аллаха или в Будду. Или не верит совсем. Но торжественная и в то же время подчёркнуто деловая атмосфера богослужений плавно перетекала из храма под своды отеля, напоминая о простых и вечных истинах. Да, в мире накопилось немало агрессии, зависти и злобы. Но именно интеллектуальная элита мира должна подсказать выход из того лабиринта, куда зашла сегодня мировая политика и экономика. Кто взял на себя смелость организовать эту «площадку»? Естественно, правительство Греции (его представлял на форуме министр иностранных дел Димитрос Аврамопулос) и Владимир Якунин, глава открытого акционерного общества «Российские железные дороги».

Феномен Якунина

Как бы объясняя смысл происходящего в мире и в зале «Олимпис», Владимир Якунин попытался предупредить всевозможные тупики. Он сформулировал общий постулат, оттолкнувшись от которого – как христианин от Библии и как мусульманин от Корана, – можно выходить на серьёзные и важные обобщения.

«Цивилизации – это совокупность исторических планов развития, которые возникли на особой территории и национальной почве. Я имею в виду греческую, римскую, китайскую, русскую и другие цивилизации. Процесс международного взаимодействия не означает слияния и смешивания. При этом всякие попытки подчинить другой народ своим собственным политическим амбициям, пытаться навязать своё видение мира – даже под правильными лозунгами о либеральной экономике и демократии – может привести к тяжёлым последствиям. И завести цивилизацию в тупик». И всё бы прекрасно, если бы не знать: «президент-основатель мирового общественного форума «Диалог цивилизаций» (так полностью звучит его общественная должность) лишь во вторую очередь политик и общественный деятель. А в первую – руководитель сугубо хозяйственной структуры...

Наш мир достаточно прагматичен и меркантилен. Думаю, что на протяжении всего десятилетия возникал вопрос, который витал в кулуарах этого представительного совещания: неужели у главного железнодорожника России настолько в избытке денег и времени, чтобы заниматься «не своим делом»? Или электрички в Рязани и в Калуге достигли мировых стандартов? Или не опаздывают поезда дальнего следования и все грузы приходят строго по графику? Честно, говоря, у меня нет на эти вопросы однозначного ответа. Но, видимо, есть люди, которым тесно в рамках одной должности. Можно утверждать одно: государственные деньги на эту встречу не тратятся. Иначе контролёры из ведомства Сергея Степашина давно бы поправили Владимира Ивановича. Так что даже при большом желании нельзя связать проблемы российских железных дорог с проведением форума. В конце концов, в мире не так уж мало частных фондов, готовых раскошелиться на благое дело. Да и

бизнес у нас теперь не бедствует. (Правда, злые языки утверждают, что среди жертвователей в основном присутствуют партнёры РЖД). Но, в конце концов, это дело каждого предпринимателя: купить двадцать пятое авто или тридцатое манто любимой девушке или перечислить средства на пользу общества. При этом надо иметь в виду, что сам Якунин как

«президент-основатель мирового форума «Диалог цивилизаций» (это полное название его общественной должности) – фигура в российском истеблишменте далеко не последняя. Его имя никогда не всплывало в связи с коррупционными скандалами. Он доктор политических наук. Долгое время работал в структурах ООН. Прекрасно владеет английским языком. (Кстати, и основной свой доклад Владимир Иванович сделал на английском.) О «феномене Якунина» мы размышляли с преподавателем Горно-Алтайского государственного университета Александром Гурьевым, который не первый раз приезжает на форум. «Видимо, человек достиг потолка в своей жизненной карьере. Но у него есть нереализованный потенциал». Я же, чтобы закрыть эту тему, выскажу собственную точку зрения. Только весьма наивный человек (а в большой политике таковых не бывает) может предположить, что подобный проект осуществляется без ведома и без поддержки Кремля. Сильная, проводящая собственный курс Россия далеко не всем по нраву. Демонстративное неучастие спикера Госдумы Сергея Нарышкина в сессии Парламентской ассамблеи Европы – ход, конечно, эффективный, но недостаточный. Жёсткая реакция Русской православной церкви и властей РФ на концерт трёх безмозглых девиц вызвала явно не пророссийские настроения на Западе. Даже на пресс-завтраке Владимиру Якунину пришлось высказываться по этому поводу. (Как сказал один из делегатов форума в кулуарах, «если бы им дали по пятнадцать суток, на шестнадцатые про них бы уже все забыли»). Прибавьте к этому разногласия с Западом по поводу Сирии и ПРО. В этой, далеко не простой обстановке для России важно ещё одно «окно в Европу», чтобы знать и изучать общественное мнение западных стран. Так сказать, в ближайшем рассмотрении. И для того, чтобы донести свою точку зрения – что не менее важно. Десять лет назад Владимир Иванович гениально выбрал именно Грецию и именно Родос. Почему остров – понятно, я уже говорил об этом. Символ непримиримой вражды превращён в символ мира и диалога. А Греция потому, что, с одной стороны, православная страна. А с другой – член Европейского союза и НАТО. Что же, примем это в качестве рабочей версии. Тем более что ни подтвердить, ни опровергнуть её я не сумел. Пресс-секретарь форума, некто Александр всегда пробегал мимо с видом крайней озабоченности и с возгласом «Потом, потом!». Организаторы встречи умудрились не провести ни одного брифинга, ни одной пресс-конференции. А так называемый «пресс-завтрак», о котором я упоминал, был слишком краток для серьёзных тем.

В Греции есть всё. Кризис. Демонстранты. Велосипеды...

Сегодня Греция переживает кризис, хотя оптимизма многие жители этой солнечной страны не теряют. Вот что пишет в журнале «Наша Греция» его издатель Фёдор Игнатиadis: «По приезде в страну вы не перестанете удивляться положительным переменам, которые произошли в стране с прошлого вашего приезда. Воздух крупных городов стал намного чище. Из-за роста цен на бензин (1.75 евро за литр – самый дорогой из-за налогов бензин в Европе) греки сократили свои поездки на автомобилях до минимума. А кто-то временно сдал государству номера, чтобы избежать налогов на средство передвижения. На улицах Афин, да и других городов, появились велосипедисты». Появились – замечу уже от себя – не только велосипедисты, но и демонстранты. Даже на курортном Родосе довелось увидеть толпу, размахивающую красными флагами. Впрочем, демонстранты вели себя достаточно мирно. И полицейские откровенно скучали. К слову, рецепты для спасения страны предлагаются самые разные. В том числе и экзотические – тут я снова возвращаюсь к форуму. Дескать, а не присоединиться ли нам, братья-греки, к Таможенному союзу и Единому экономическому пространству? Надо отметить, что идея интеграции обсуждалась весьма активно. Этой теме было посвящено не только заседание «круглого стола», где велось обсуждение в «узком кругу», но пленарное заседание, где присутствовали все участники. С большим интересом присутствующие выслушали Сергея Сидорского, министра промышленности и агропромышленного комплекса Евразийской экономической комиссии, премьер-министра Республики Беларусь в 2003–2010 годах; Сергея Глазьева, одного из реальных теоретиков интеграции на постсоветском пространстве, советника президента Российской Федерации. Казахстан был представлен Аскарсом Кишембаевым, руководителем секретариата члена коллегии (министра) по экономике и финансовой политике Евразийской экономической политике. Был заявлен Кайрат Келимбетов, вице-премьер Казахстана. Но, видимо, хлопоты после недавней отставки и переназначения не позволили господину Келимбетову выкроить несколько дней из своего рабочего графика, чтобы встретиться с коллегами и изложить своё видение политической и экономической ситуации, в которой пребывает международное сообщество. Зато блеснул своей эруди-

цией и честным анализом проблем другой гражданин Казахстана Санат Кушкумбаев, профессор, главный научный сотрудник Казахского института стратегических исследований при Президенте РК. Он рассказал о том, как непросто и порой драматично складывается региональное взаимодействие постсоветских стран в Центральной Азии. Многих европейских экспертов не столько напугало (чем можно напугать после Ливии и Сирии?), сколько озадачило заявление президента Узбекистана Ислама Каримова во время его последнего визита в Казахстан. Дескать, проблема водных ресурсов в регионе, «вокруг которой будут обостряться отношения... может усугубиться настолько, что это может вызвать не просто противостояние, а даже войны». Поэтому доклад учёного из Алматы вызвал интерес и вопросы. После окончания заседания по теме «Глобальный мир и справедливость» к нему выстроилась очередь из участников – для уточнения отдельных его высказываний. А заодно для того, чтобы поспорить с докладчиком.

О чём же говорили в эти октябрьские дни на острове Родос? Темы были многообразны как сама жизнь. И безбрежны, как всякая цивилизация. Обсудили образ планеты будущего, её экологические вызовы. Выяснили, что представляет собой семья в меняющемся мире и каковы демографические перспективы человечества. Поговорили о цивилизованном пространстве межкультурного диалога. Заседание «круглого стола» вёл Михаил Пиотровский, директор Государственного музея «Эрмитаж», с которым мы столкнулись в холле отеля. Каюсь, не сразу узнал в джентльмене, который неспешно направлялся в бар, чтобы выпить кофе, человека-легенду. Одно перечисление званий, должностей и регалий займёт немало места: член президиума Российского комитета ЮНЕСКО, президент Всемирного клуба петербуржцев, доктор исторических наук, член-корреспондент Российской академии наук. Кстати, именно этим и хороши подобные мероприятия, что на них можно встретиться и поговорить с человеком, к которому, как правило, попасть просто невозможно – из-за плотного рабочего графика. Михаил Борисович к моей оплошности отнесся с юмором. Рассказал о том, как сближает культуры и цивилизации его родной Эрмитаж. Там, к слову, постоянно организуются выставки, представляющие те или иные периоды исламской культуры. Он выразил надежду на то, что прочные связи с казахстанскими художниками в целом и с республиканским Государственным музеем имени А. Кастеева в частности, после форума станут ещё прочнее и плодотворнее.

Миграция: конец толерантности?

А ещё на форуме обсуждали глобальный мир в сочетании с таким понятием, как справедливость. Углубились в бездну веков, чтобы понять значение византийского наследия для европейской цивилизации. Позволили себе изящный самопиар, рассказав об опыте двух школ ОАО «Российские железные дороги». Цель благая: эти учебные заведения занимаются «поликультурным образованием». А оно, как сообщалось в официальных документах форума, «способно стать одним из самых важных инструментов перехода от абстрактных, а нередко и просто демагогических заявлений к практической реализации». Как от демагогии можно перейти к «реализации», не слишком понятно. Впрочем, отдельные шероховатости возмещались эмоциональностью и убеждённостью выступавших. Нередко участники встречи пытались откровенно эпатировать публику, как, например, руководитель Школы экономических исследований из Великобритании Мэйсон Ян, который назвал своё выступление «А вы готовы продать собственную мать?» В конце его путаного спича выяснилось, что на подобную «выгодную» сделку присутствующие не готовы. Вот уж поистине – «ради красного словца не пожалеет мать-отца». Но я хотел бы выделить одну из тем, которая действительно вызывает сегодня массу самых противоречивых мнений. Я говорю о миграции. Заседание «круглого стола» на тему «Современная миграция: конец толерантности?» вели двое делегатов из России – Валерий Тишков, профессор Института этнологии и антропологии имени Миклухо-Маклая, академик Российской академии наук. И Лидия Графова, председатель исполкома международного движения «Форум переселенческих организаций». Мы с ней познакомились в позапрошлом году во Владивостоке, где проходил всероссийский форум «Интеграция соотечественников». Там она храбро полемизировала с вице-губернатором, указывая руководящей даме на бюрократизм, волокиту её подчинённых. Вообще, надо сказать, что Лидия Ивановна человек известный. Выйдя из добротной журналистской «шинели» («Комсомолка» и «Литературка»), она учредила журнал «Миграция XXI век», который стал, по сути дела, «агитатором и пропагандистом» этого далеко не однозначного явления. Позиция Лидии Ивановны – в мире 200 миллионов человек так или иначе вовлечены в этот процесс. Регулировать его весьма затруднительно – «это вам не гаишника на улице поставить». Это её любимый образ. Так бывает, когда главная тема совпадает с делом всей жизни, всё другое становится неинтересным. В том числе и мнения оппонентов...

Лидия Ивановна гордится тем, что её называют «мамой всех мигрантов бывшего СССР». Она их всячески защищает и поддерживает. И хотя тема подразумевала присутствие разных точек зрения, получилось, что практически все выступающие были солидарны в главном: миграция – это великое благо, несмотря на незначительные издержки. Однако точка зрения эта и весьма и весьма спорная. Безусловно, выступления Жанны Зайончковской, заведующей лабораторией Института народного прогнозирования Российской академии наук, Андрея Владимировича Коробкова, профессора университета штата Теннесси из США, профессора Вебстерского университета Ван Крикена Петера из Нидерландов и других отличались компетентностью и знанием дела. Но, как мне показалось, грешили однобокостью. В основном, делался упор на преимущества, которые даёт приток иностранной рабочей силы, и явно недостаточно об угрозах, которые таят в себе ничем не сдержанное и практически необузданное перемещение огромных человеческих масс. Хотя при желании можно сделать так, чтобы страна принимала лишь тех мигрантов, которые будут обеспечены достойным жильём и нормальной работой. Государство может и должно проявить здесь политическую волю. Мы почему-то и здесь пытаемся делать вид, что «умом Россию не понять», хотя опыт Южной Кореи, Японии, некоторых других стран демонстрирует противоположное. К сожалению, Россия, да и Казахстан сегодня не имеют программ, которые были бы направлены на замещение иностранцев своими собственными рабочими.

Как ни странно, негативными последствиями этого явления озабочены только журналисты. А профессиональные эксперты – поголовно сторонники «миграции без берегов». И они говорят об этом крайне неохотно. К примеру, Патрик Таран, один из спикеров, президент глобальной ассоциации экспертов по миграционной политике из Швейцарии, настойчиво советовал мне проводить идею либерализации казахстанских законов по миграции, иначе, дескать, не видать нам светлого будущего. Он упорно подчёркивал, что несколько раз бывал в Казахстане. Интересно, кто ему внушил такую странную мысль? Казахстанцы и без мигрантов смогут обустроить свою страну. Случайность это или нет, но моя коллега из «Новой газеты», собкор в Украине Ольга Мусафирова заметила: при обсуждении темы евразийской интеграции складывалось такое впечатление, что её страна состоит целиком из сторонников Единого экономического пространства, и завтра постучится в Таможенный союз. Что, мягко говоря, далеко от истины...

Остров Родос

Родос – самый большой по величине остров архипелага под названием Додеканесс, состоящего из 200 островов и расположенного в юго-восточной части Эгейского моря. Общая площадь – 1400 квадратных километров. Протяжённость острова 78 километров, ширина 38 километров. Рельеф в основном горный. На острове мягкий климат. В среднем 300 дней в году солнечная погода. Население острова 120 тысяч человек, города Родос – 57 тысяч человек.

Какой же вывод можно сделать? Если Родос – это личный проект г-на Якунина, тогда он и его подчинённые вольны приглашать тех, кого пожелают. Если он осуществляется с ведома и одобрения Кремля, другое дело. Тогда есть смысл говорить о том, что у этого «локомотива» кпд мог быть значительно выше. Любопытная деталь. На прощальном ужине Владимир Иванович отсутствовал. Ведущий вечера генеральный секретарь форума, лётчик-космонавт Олег Атьков объявил, что президент улетел на празднование дня рождения Владимира Путина. Как говорится, информация к размышлению. Так или иначе, в целом, как мне думается, подобные встречи полезны и продуктивны. Они помогают нам определить координаты своего местоположения в мире и взглянуть на себя со стороны.

Греческая Республика
«Весь мир» № 40 (октябрь–ноябрь 2012 г.)

Разрывая шаблоны

Командировка от «Ленсмены» на комсомольскую конференцию в Актюбинск случилась неожиданно – заболел сотрудник партотдела. Главный позвонил приятелю, тогдашнему собкору «Правды» Юрию Кириницанову: так, мол, и так, встретить, помочь с гостиницей.

- Зачем тебе гостиница? – при встрече в аэропорту огорошил Юра. – Поедем ко мне на дачу. О провизии не беспокойся, всё будет по высшему разряду.

- ?

- Там ребята из «Студенческой стройки» (молодёжное приложение к «Ленмене») на пару дней поселились, как раз вместе и вернётесь.

Очуметь! Кириницанов, который, казалось бы, совсем недавно в «Ленмене» слыл карьеристом и скупердяем – и такой разгул щедрости.

И ведь не только слыл, но, как бы, и был. Грех лёгкой неприязни не обошёл и меня. В те далёкие времена, когда царствовал щенячий восторг от написанного не тобой очерка (о наличии данного жанра нынче многие молодые журналисты и понятия не имеют), когда по поводу и без сбрасывались по рублю и шли в парк Горького на шашлык, Юра никогда ни-ни. Это настораживало, отдаляло, а потом и вовсе не замечалось.

Какие-то «перевёртыши» с обывательской «кочки» случались с ним и позже, и совсем недавно. Некоторые недоумевали: зачем ему своя газета, если выходит несколько раз в год?

Или, став редактором одной известной газеты, сделал из неё вотчину, заполонив страницы собственными материалами. Люди по факту лишались гонораров и правомерно вставал вопрос: «где деньги, Зин?»

Однако... Вот это «однако» нам чаще и не нравится. Потому что требует хоть каких-то умозрительных усилий, отхода от шаблонов, которые зачастую отодвигают от нас реальность.

Кто, например, вникал в то, что хозяева газеты месяцами не платили зарплату, в том числе, и главному редактору (легко про-

веряется в бухгалтерии). Часть журналистов опустила руки, другая подрабатывала на стороне. А газету, будь добр, заполняй! Вот он и заполнял. Даже, когда для жизни оставалось несколько месяцев...

По своей работоспособности, «строчкогонству» Юру с лёгкостью можно было бы занести в реестр графоманов. Но, к несчастью недоброжелателей, его статьи, интервью отличались и отменным вкусом, и высоким профессионализмом.

Не давал он поблажек ни себе, ни другим. Вспоминается разговор с Серёжей Борисовым, веселым человеком и талантливым журналистом:

- Я благодарен Юрке за то, что опубликовал мои запоздалые воспоминания - дань памяти родителям, прожившим трудную, яркую жизнь. Объёмный материал с фотографиями. Куда ни тыркался, ни одна газета не брала. Спасибо ему. Причем, как бы невзначай указал он мне на пару неточностей. Да не может быть, чтобы я в цифрах, касающихся войны, когда-нибудь ошибался. Перепроверил, он оказался прав.

Прав Юра был и в том, что, будучи хозяином своей газеты, разделял с коллегой и человеческие чувства, и профессиональные амбиции. И не забывая отдавать дань журналистскому труду звонкой копеечкой, часто себе в ущерб...

Был ли он сам амбициозен? Несомненно. В каком-то смысле ему удавалось объять необъятное: в своих материалах через людей - политиков, учёных, экономистов, художников утончённо и изящно соединял города, страны, континенты, как будто возлагая на себя миссию примирителя.

Это качество прослеживалось и в названии газеты «Весь мир», и в работе пресс-секретаря Н. К. Исингарина, первого заместителя премьер-министра РК, председателя Интеграционного комитета Договора между Беларусью, Казахстаном, Киргизией и Россией. Служа в московском издании, основное время в те месяцы проводил в кабинете руководителя нового межгосударственного образования.

Сказать, что работать с Н. К. Исингариным непросто, значит, ничего не сказать. Это я ощутила на себе. Из десятков интервью, опубликованных в «Казахстанской правде» под рубрикой «Гостиная», подготовка материала с Нигматжаном Кабатаевичем далась тяжелее всего. Педант, он скрупулёзно вчитывался в каждое слово, приговаривая: «Интеграция - дело тонкое. Без права на ошибку».

«Бывает тяжело, но ведь какой умница. У него я прохожу настоящую школу современной политэкономии, о чём ещё ни одного учебника не написано» – Юра оценивал это как бонус за собственное усердие и усталость.

Когда уж совсем настигал перенапряг, уезжал в захолустье, где обязательно отыщутся два-три человека, которых он непременно называл приличными.

– Не представляешь, какие потрясающие мужики попались. Один умелец из кучи металлолома вытащил, собрал и поставил на поле списанный отечественный комбайн. Заморские, говорит, соломой раскидывают, и в животноводстве из-за этого проблемы начинаются. Обязательно напишу, пусть ему хотя бы премию дадут.

Света – сокурсница, жена, единственный маяк и в радости и в горе, не всегда с готовностью выслушивала эти откровения: завтра выход «Жумы», приложения к «Казправде». Сама идея создания женской газеты для Казахстана витала в воздухе ещё и потому, что как-то само собой с ветром перемен отделились «Работница» с «Крестьянкой». Заполнить вакуум поручили Светлане Синицкой, с чем она справлялась с неизменным успехом.

Успешно выходили и приложения «Отечество», «Vivat», «Меценат». В последнем, к примеру, поднимались не только вечные темы, но и прививался читателю вкус к чистому, незамутнённому рыночной интервенцией русскому слову. По нынешним временам такое разветвлённое журналистское сообщество во главе с «Казправдой» вполне можно было бы назвать творческой корпорацией, у истоков которой стоял бесценный организатор Григорий Дильдяев. С ним Юра тесно сотрудничал и приятельствовал.

По каким признакам того или иного человека Юра выделял для себя? Возможно, ошибаюсь, но, кажется, он по-детски завидовал тем качествам, которыми сам не обладал. Это обнаруживалось легко, например, в искреннем удивлении: «Видела дильдяевские поделки из дерева?», «Тараков очередную книгу крепкой публицистики выдал, не читала?», «Удивляюсь, как Валерке Михайлову удаётся одинаково талантливо писать и прозу и стихи?». Находил отдохновение и на бардовских посиделках, где виртуозно обходился со своей семиструнной Игорь Кабак.

Гитара была его слабостью, особенно в руках Вити Колодочко, без которого алматинскую журналистику 1970–1980-х годов трудно было представить. Как не покажется парадоксальным, Юра

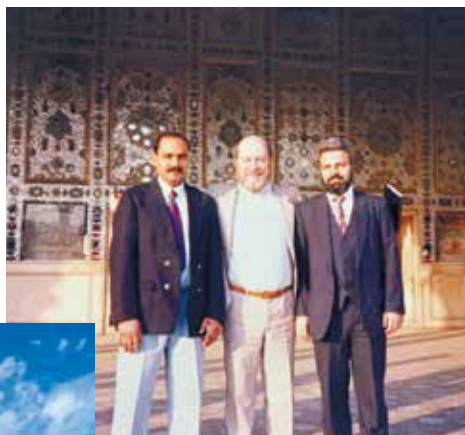
именно его считал одним из самых близких друзей и пронзительно писал о нём, как об отчаянном повесе, талантливом журналисте, надёжном друге и большом любителе «принять на грудь». И опять удивлялся: «Как всё это в нём совмещается, одному Богу известно».

Да и в нём самом многое совмещалось. И чувствительность к музыке, и привязанность к театру.

А всё начиналось в студенческой студии на сцене ТЮЗа, где известный актер Лев Тёмкин, решив попробовать себя в качестве режиссёра, поставил пьесу Э. Радзинского «Снимается кино». Второкурснику журфака КазГУ Кириница Янову досталась эпизодическая роль с единственным слоганом: «Пусть в каждом доме стар и мал прочтёт газету и журнал». Потом он и начитается, и напишется вдоволь, и журналистика останется единственным его прибежищем, страстью и смыслом всей жизни. Может быть, даже избыточными, что не добавит здоровья...

А что же с моей командировкой? Все завершилось замечательно, в чём и сегодня неловко признаваться: Юра написал и отправил по факсу заметку в «Ленсмену» за моей подписью. Наверное, знал или чувствовал, что когда люди собираются и узнают друг друга у костра, через песни Окуджавы, не надо им мешать.

Эльмира Пашина
г. Алматы

Мы – долгое эхо друг друга

Однажды я спросил, что означают два долгих «о» в его имени.

«Родители хотели, чтоб я прожил сотню лет» – вполне серьезно ответил мой товарищ и коллега. Когда я возвращаюсь домой, еду в любимое Варзобское ущелье. Бывало, вечером крикнешь своё имя, так эхо гуляет до утра».

Таким я и запомнил его. Высокий, чуть сутуловатый. Печальные чёрные глаза и загадочная полуулыбка, которая терялась в роскошных усах. Никогда не знаешь, говорит он серьезно или шутит. Отахон Латифи. Бывший собственный корреспондент «Комсомольской правды» и «Правды». Один из лидеров Объединённой таджикской оппозиции, погибший от руки наёмного убийцы.

В «Комсомолке» мы с ним разминулись – по возрасту. Но зато я застал очевидцев, которые говорили о таджикском корреспонденте с придыханием, не характерным для матёрых акул пера. Как шагал он по тропам Горного Бадахшана, когда захлёбывался в разрежённом воздухе мотор старенького «газика». Как боялись его местные начальники, потому что он не брал взяток и чести журналистской не уронил.

Отахон любил и знал своих героев, мог часами рассказывать про них. Как, впрочем, и про своих противников и оппонентов. Когда мы с ним уже были достаточно знакомы, я попросил рассказать историю какой-то его старой публикации. И поразился его памяти: он вспомнил мельчайшие детали. Что говорил герой очерка, во что был одет, какая была погода. Бережное отношение к деталям и уважение к человеческой личности, по Отахону, – явления одного порядка.

Девушка, угнанная в семейное рабство за калым. Ветеринар, который пошёл против местных обычаев, не побоявшись воровитого директора совхоза. Секретарь райкома комсомола, собравший гарем для «старших товарищей». Почти каждая его публикация становилась сенсацией. А сколько ещё сняли с газетной полосы бдительные товарищи из цензуры, которая называлась в те годы безобидным именем «лито»... Я хорошо помню, как ревниво рылся в старых подшивках. Сравнивал. Наверное, завидовал. Ну и учился, конечно.

Взрослея, мы все стремились покинуть «молодёжную» журналистику. Из «Комсомолки» расходились три пути. Можно было перейти в аппарат родной редакции или стать снова собкором, но уже от «Правды» или «Известий». Не избежал этого соблазна и Латифи. В Москву его звали, но он без родных мест свою жизнь не представлял. «Э, – презрительно шурился, – разве у них в Москве умеют готовить плов?» – всерьёз жалея обездоленных москвичей.

Чтоб как-то отдалить миг расставания и сохранить способного журналиста в своей «конторе», главный редактор (это был Борис Панкин, будущий министр иностранных дел СССР) убедил товарищей из ЦК ВЛКСМ создать специально для Отахона Латифи уникальную должность: «специальный корреспондент при редакторе по республикам Средней Азии». Эксперимент провалился, узбекские, киргизские и прочие товарищи наглухо закрывались, едва узнав, кто к ним пожаловал. Так Отахон оказался в «Правде», где мы с ним и познакомились. И подружились – на черноморском берегу. У издательства с одноимённым названием в Пицунде был свой санаторий. Мы часами валялись на приморской гальке, пили крепчайший кофе и кое-что ещё, травили байки и анекдоты. Здесь был добродушный увалень Виталий Черкасов, чья внешность обманывала многих начальников. Пройдёт несколько лет, и за фельетон о директоре рынка его посадят – Щербицкий решил проучить зарвавшегося писаку. Черкасов не признал обвинений, не на того напали. Отпустили через неделю, дело о взятке рассыпалось. Но из «Правды» пришлось уйти. Таковы были жестокие правила игры.

Здесь был и Витя Хатунцев, умница и остролов, талантливый журналист, сделавший стремительную карьеру от собкора «Комсомолки» в Киргизии до спецкора «Правды». Но внезапная болезнь и смерть оборвали его полёт.

Но даже среди этой небесталанной и яркой публики Отахон выделялся. Каким-то внутренним аристократизмом. Однажды во время очередного застолья он вдруг начал читать стихи, чуть покачиваясь, почти напевая, да так, что мы забыли про запотевшие стаканы с терпким абхазским вином. Низами, Рудаки и Хайям заглянули к нам на огонёк, надо было просто подвинуться за общим столом.

Вскоре нас собрали в Душанбе, на совещание собственных корреспондентов «Правды». Эти стихи всё ещё звучали во мне. Случилось поразительное совпадение – моих собственных фантазий, смутных предчувствий и реальной жизни. Нас поселили в какой-то закрытой гостинице, обставленной с восточной роскошью в соединении

с цековской безвкусицей. За окнами противными голосами кричали павлины, распуская немыслимые хвосты. Природа буйствовала. В довоенном Душанбе было чудо как хорошо. Девушки в цветастых платьях улыбались скромно и таинственно, шумели фонтаны, и клубника величиной с детский кулачок продавалась буквально ни по чём...

Помню квартиру нашего друга, жену Манзуру – восточную красавицу с тонкими чертами лица, наше счастливое и бестолковое веселье. Собственный корреспондент – журналист-одиночка. И, конечно, когда мы собирались вместе, так хотелось выговориться. Тем более что от гостеприимного хозяина, от прекрасной хозяйки, от всего их дома – книг, рукописей, сувениров, привезённых из разных командировок, – исходило какое-то невидимое, но осязаемое душевное тепло. Быть может, это были те редкие минуты, когда ты понимаешь: журналистское братство – не пустой звук.

Отахон сопровождал Главного повсюду, таков был неписанный соборовский политес. Не скажу, что это нас здорово огорчило. Подальше от главного редактора – целее будешь. И мы втроём с коллегами, оторвавшись от настойчивых сопровождающих, рванули в Варзобское ущелье, попробовать знаменитый плов. Уселись за столиком, но не успели даже сделать заказ. Рядом гуляла свадьба. Нас не спросили, кто мы и откуда. Важно, что гости. А значит, наше место за свадебным столом. Никакие отговорки не помогли...

Я часто вспоминал эту свадьбу. Тогда, в тёплом и разнеженном Душанбе, казалось, ничто не могло помешать дружбе народов. Эту идиллию нарушил лишь протокольный визит к первому секретарю республиканского ЦК. Многословный, беспрестанно улыбающийся «нашим дорогим московским гостям». «Человек с двойным дном», – шепнул мне Отахон. – Только как его возьмёшь? У него связи чуть ли не в самом близком окружении Горбачёва.

Я посмотрел на него недоверчиво. Бодаться журналисту, даже собору «Правды» с первым лицом республики... Это означало подписать тяжкий приговор самому себе. Если бы знать, как развернутся события...

Кровавые события в Таджикистане подхлестнул «исламский фактор». В мечетях людям внушали мысль, что все беды от коммунистов, которые пошли против воли Аллаха. Открыто раздавали Коран, тайно – автоматы Калашникова. Какое-то время удавалось держать ситуацию под контролем – благодаря армейскому начальству и руководителям КГБ, среди которых преобладали русские офицеры. В первом посткоммунистическом правительстве нашлось место и для

интеллектуалов вроде Отахона Латифи. Он был назначен вице-премьером. Но уже набирала мощь тёмная сила. Малограмотным и забытым дехканам вовремя подсказали, что на все вопросы существуют простые ответы. Они будут жить счастливо и богато. Надо только всё отнять у проклятых партократов и выгнать русских колонизаторов. Ну и, конечно, всё поделить...

На главной площади города у бывшего ЦК компартии стали собираться толпы народа. Сначала слушали молитвы и сами молились, а потом взялись за автоматы. В Азии это процесс зачастую перманентный.

Я следил за своим другом по газетам и лентам информационных агентств. Отахон в Иране, встречается с президентом, Отахон в Нью-Йорке, Отахон в Совете Европы, добивается санкций против России, которая поддерживает «безбожный» режим Рахмонова.

В середине девяностых, кажется в 1995-м, судьба занесла его в Алма-Ату, тогда ещё столицу. В старом здании ЦК, превращённом в парламент, проходила встреча по примирению двух таджикских сторон. Рахмоновцы выглядели вполне по-европейски, противоположная сторона щеголяла смоляными бородами и расписными халатами. Правда, было у двух делегаций общее. Жёсткая дисциплина. Когда наш разговор стал чересчур сердечным, к нам приблизился Турадзон-зада, глава делегации от оппозиции. Произнёс отрывисто несколько слов по-таджикски, и Отахон прервал разговор.

Переговоры затянулись до двух часов ночи. Итоговой пресс-конференции так и не получилось. Ни о чём конкретном стороны не договорились. Злые и невыспавшиеся переговорщики уезжали из Казахстана.

И всё-таки мы с Отахоном выбрали время, сумели вспомнить друзей-товарищей за рюмкой русского национального напитка. Внезапный исламизм моего давнего друга не сказался на его привычках, полученных на шестом этаже в старом здании, где размещалась «Комсомолка», и в новом корпусе, на четвёртом этаже, где базировалась корсеть «Правды».

«Отахон, почему ты с ними? – спросил я напрямик. «Понимаешь, это логика борьбы. Сначала ты борешься с проклятыми партократами, тебе ли не знать, как я их ненавижу. Потом вдруг оказалось, что рядом уже какие-то другие люди, о существовании которых ты и не помышлял. Ты пытаешься разглядеть их лица и услышать их голос. Но тебе отвечает только горное эхо». «Как в Варзобском ущелье?» – спросил я. «Примерно так» – ответил он без своей обычной полуу-

лыбки. Мне бы помолчать. Но я не смог. «А как же быть с Россией? Твои новые товарищи, мягко говоря, её недолюбливают. А ты? У тебя сын учится в Питере. Две родные газеты, всех нас не вычеркнешь из жизни. Да и новые друзья тебе этого не простят».

Он потянулся за сигаретой, хотя вообще-то курил мало. Я увидел, как по его чистому и красивому лицу пробежала еле заметная тень: «Россия многое не понимает, она не на того поставила».

«Ты уверен, что можно было поставить на этого отца-командира в чалме? Немногим он отличается от партийного бонзы. Разве что халатом да чётками в руках». Отахон вдруг пристально посмотрел мне в глаза и произнёс как-то виновато и беспомощно. «Знаешь, как я скучаю по газете. Там было всё ясно: здесь свои, а тут чужие. А теперь мне кажется, что мир сошёл с ума, и всё в нём перемешалось». И тем не менее мы попрощались как всегда – с шутками и подначками. «Приезжай, когда наступит мир. Твои талибы там, наверное, всех павлинов съели», – отшутился я. «Мы обязательно встретимся», – твердо пообещал Отахон. Он ошибся. Мы больше не встретились никогда. Из Душанбе пришла чёрная весть. Когда долгожданный мир был, наконец-то, достигнут, и две половинки разорванного народа надо было склеивать как разбитую вазу. Эту нелёгкую работу взял на себя Отахон, возглавивший комиссию по примирению. Безусловно, это была самая подходящая кандидатура. У Отахона болела душа за весь народ, за всё своё несчастное Отечество. Наверное, то же самое переживал Максимилиан Волошин в растерзанном Крыму: «Молюсь за тех и за других»...

Но Отахону ничего не простили, ничего не забыли.

Это произошло 22 сентября 1998 года. Человек с полиэтиленовым пакетом в руках не вызвал подозрений. Убийца к тому же оказался трусом. Два выстрела в спину – две страшные точки в спорах и сомнениях, в дружбе и предательстве, в ненависти и любви. В том, что называется жизнью...

Я часто вспоминал наш разговор. И примерял ситуацию в Таджикистане к родной стране, в которой родился и живу. К Казахстану. Делаю это и сейчас.

А самое главное – существует страшный опыт Таджикистана. В гражданской войне нет и не может быть победителей. То, что в Казахстане не произошло развития событий по таджикскому образцу, несомненная заслуга нашего Президента.

...И все-таки он оказался прав, мой друг и учитель. Я действительно встретился с человеком по фамилии Латифи, когда через не-

сколько лет оказался в Ташкенте. В одной из бесчисленных закусовых вместе с моим коллегой, корреспондентом «Российской газеты» в Узбекистане Володей Березовским, мы решили отведать настоящий узбекский лагман. И неожиданно оказались за одним столиком с молодым человеком с изысканными интеллигентными чертами лица. Он протянул руку: «Латифи». Я вздрогнул: как похож на отца. Оказывается, здесь в служебной командировке. Я назвал себя. Юноша улыбнулся в ответ знакомой отцовской полуулыбкой, и это значило гораздо больше каких-то дежурных слов. Что произошло, то произошло. Надо жить дальше.

Но почему-то поселилась во мне мечта: приехать в Варзобское ущелье и выкрикнуть заветное слово с двумя буквами «о». А вдруг, это правда? Эхо разлетится в горах – и Отахон будет жить нескончаемо долго, до тех пор, пока не умрёт последний человек, с которым он был знаком. Ведь все мы – долгое эхо друг друга...

«Новости недели», 05.04.2002 г.

Мы звали его Кира

Юру Киринициянова из-за сложности произношения его фамилии мы часто звали просто Кира. Он не обижался. К тому же, у многих из нас в юности были свои прозвища.

В начале нашего знакомства я даже не знал точной фамилии Юрки. Мы, два первокурсника – Валера Володченко и я, жили рядом с тройкой солидных третьекурсников – Геннадием Шепитько, Борисом За-

порожцем и Юрием Кириницияновым. Последний по возрасту был самым молодым. И на первых порах это обстоятельство оправдывало совершенно непредсказуемые поступки Киры.

Однажды по факультету пронёсся слух, что Юрку исключают из университета. Мотивировка столь угрожающего решения звучала непонятно – за нарушение трудовой дисциплины. Оказывается, «ужасное» происшествие случилось с ним на сельхозработах в совхозе, где выращивали знаменитый апорт. Почётное право собрать уникальные яблоки было предоставлено студентам КазГУ. Все сборщики прошли подробный инструктаж, предписывающий каждое яблочко снимать с дерева с любовью и бережно укладывать его в ящик.

Но Юрка с детства не любил и не понимал инструкции. Они сдерживали его инициативу и фантазию. Чтобы сразу выбиться в лидеры социалистического соревнования, Кира вспомнил старый метод сбора яблок, который мы, пацаны, применяли, когда делали набеги на соседские сады. Суть его проста. Чтобы плоды в течение нескольких минут оказались под деревом, его ствол следовало хорошо потрясти. Что и сделал Кира. Завистливые соперники по соревнованию тут же доложили о запрещённом методе бригадиру, а тот по цепочке вышестоящему начальству.

«Яблочное» дело студента Киринициянова долго и яростно обсуждалось на заседании комитета комсомола. Юрку едва уда-

лось «отбить» с небольшим перевесом в его пользу. Правда, выговор по комсомольской линии ему всё-таки вклеили. С тех пор Кира долго не ел яблоки.

Но дамоклов меч исключения нашего друга из вуза продолжал угрожающе висеть. Как-то в очередном выпуске факультетской стенной газеты появился большой очерк Киринациянова об его однокурснике с интригующим заголовком «Кто вы, Эдуард Кривобоков?». Уверен, что ответ на этот вопрос не знал и сам герой материала. Но Юрка увидел в серьёзном и начитанном студенте человека новой формации.

Это обстоятельство встревожило руководство университета и сотрудников КГБ. На их взгляд, вести людей к светлomu завтра могли только коммунисты, а не сегодняшний студент. Не знаю, что сказал Кире его герой, но при определённых обстоятельствах он тоже мог вылететь из универа вместе с автором. К счастью, оба продолжили учёбу. Талантливым людям порой тоже везёт.

И в эту «исключительность» романтик Киринациянов серьёзно уверовал. Мы знали, что Кира любил женщин. Главной богиней для него была, безусловно, журналистика. Он служил ей беззаветно, трепетно, до конца жизни. А вот на второй ступени стояла первая красавица факультета Светлана Синицкая. У Светы было немало почитателей. Говорят, что они предлагали ей руку и сердце. Соперничать с местными мачо Кире было трудно. Но нужно знать Юрку. Он любил в девушках не просто красоту, а в первую очередь ум и талант. Ради такой музыки Кира готов был взобраться на Эверест. Вероятно, он чем-то подобным поразил избранницу. Словом, под венец повёл Свету наш друг Юрка. Мы были несказанно удивлены и обрадованы.

Так случилось, что по журналистским дорогам я шёл следом за Юрой – «Ленсмена на студстройке», Большая «Ленсмена», «Комсомолка», «Правда». Во всех газетах перо Киринациянова было заметно, его материалы отмечали и коллеги и читатели. Он верой и правдой служил профессии. Мотался по командировкам, рисковал своим здоровьем, защищал людей и боролся с обнаглевшей челядью власти. Он не жалел себя, старался быть душой и сердцем со Светланой и бесконечно обожаемым сыном Димой. Юрка всегда спешил, ему не хватало времени, он, кажется, творил 24 часа в сутки.

Юра – карагандинец. В горячём городе он успешно окончил школу, опубликовал первые заметки в областной газете.

Правда, в последние годы он редко сюда приезжал. И как будто предчувствуя скорую кончину, неожиданно появился в городе, как оказалось, на встречу с одноклассниками, по случаю полувековой даты окончания школы. Мы с моей женой Наташей несказанно обрадовались гостю, долго чаёвничали в нашем доме, вспоминали студенческие годы. А утром по просьбе Юры поехали на старое кладбище, где была похоронена его бабушка. Долго искали её могилу, прошли не раз и не два поросший травой погост. Безуспешно! Юра сел на камень и, закрыв лицо руками, пытался вспомнить то место, где похоронили родного человека. Время спутало имена, стерло их на кладбищенских табличках...

Вернулись в город мы поздно вечером. В машине Юра молчал, было видно, что он очень расстроен. Он не стал ужинать, а попросил нас с Наташей вместе с ним прогуляться по городу. Говорили обо всём. Больше вспоминал Юра. Родителей, школу, любимых учителей, одноклассников. Он словно открыл шлюзы своей памяти и его несло по её волнам. Юрку я редко видел таким серьёзным и печальным. Мне показалось, что он прощался с городом своего детства. К сожалению, наши предположения нередко сбываются...

Владимир Рыжков
г. Караганда

Вдоль по Евразийскому проспекту. 12 лет спустя

В начале девяностых годов он был депутатом Верховного Совета Республики Казахстан, председателем комитета по охране окружающей среды Межпарламентской ассамблеи Содружества независимых государств. Уже тогда зарекомендовал себя горячим сторонником теории евразийства. Сегодня Виктор КИЯНСКИЙ, депутат парламента, член Комитета по вопросам экологии и природопользованию нижней палаты – мажилиса, академик Международной академии экологической безопасности и жизнедеятельности, Международной академии экологии, доктор технических наук, профессор. Он считает: народ ы надо соединять скрепами взаимоуважения и товарищества.

Мой друг – казахский язык

– Виктор Владимирович! За точку отсчёта возьмём ваше интервью газете «ВСЬ МИР». Оно было опубликовано на первой странице в сентябре 2003 года. Называлось «Вдоль по Евразийскому проспекту». Напомним читателям: за девять лет до вашей публикации, в 1994 году лидер Казахстана выступил перед студентами и преподавателями МГУ, предложив стройную систему «правил игры» на постсоветском пространстве. Полузабытая теория евразийства, предмет научных дискуссий, получила новое дыхание и общественное признание. 12 лет назад вы поделились своими соображениями по этой теме. Вы и сейчас остаётесь стойким приверженцем евразийской идеи. И мне ваши взгляды близки. Но если честно, порой я переживаю приступы пессимизма. В этом году вступил в действие Дого-

вор о Евразийском экономическом союзе. Его постоянно испытывают на разрыв. В некоторых изданиях настоящая истерика: «Нужно укрепить границы. Восстановить таможи». Нам не нужна интеграция? А, может быть, общество просто не готово?

– Ну что же, порой полезно возвращаться к старым публикациям. Так контрастнее видно, что успел сделать и чего не добился. Но сначала отмечу: некоторым журналистам, в том числе и вам, свойственно скептическое отношение к окружающей действительности, желание обострить диалог. Я вам напомню нашу встречу в 1995-м, в Уральске. Вы тогда вернулись с казахстанско-российской таможи – в подавленном настроении. Там выстраивались очереди машин, людей подвергали унижительным многочасовым проверкам. И, тем не менее, даже тогда я верил: придёт время, и мы снова сможем общаться с нашими российскими друзьями и родственниками свободно, без этих нелепых ограничений. Потому что у нас испокон веков понятия дос (друг) и достык (дружба) – это основа достатка, достоинства. И в этом смысле мы многого достигли.

– **Вы не только политик-теоретик, но практик-писатель. Я держу в руках вашу книгу с длинным названием: «Родник Алтая: от Аз и Буки до Аз и Я. Моя Евразия». Насколько я понимаю, вы берёте русские слова и ищите аналогии и созвучия в казахском языке. Казалось бы, вы, Виктор Киянский – самый настоящий технарь. А работаете за филологов и лингвистов. Вам не приходило в голову, что занимаетесь не своим делом? Или эта работа лежит в русле ваших представлений о евразийстве?**

– Вот именно! Вы знаете, эта книга – мой самоучитель. Своеобразный словарь. Я написал его для себя и для тех, кто хочет выучить государственный язык. А непосредственным толчком послужили практики профессора Стэнфордского университета Ричарда Аткинсона из США. Он не раз делился методом изучения английского языка с русскими студентами. Допустим, брал английское слово look. Можно перевести как существительные «взгляд», «вид», глагол «смотреть». По-русски читается – «лук». И рядом приводил русское слово «лук». Имеется в виду – овощ. Когда я режу лук, у меня наворачиваются слёзы на глаза и обостряется взгляд. Или – не могу смотреть, как режут лук. Таким образом, два разных слова – русское и английское – тесно связываются. Сюжет надо составлять так, чтобы примерное звучание слова и его перевод оказались как бы в одной связке. И появился некий образ. В этом случае новое слово легче запоминается. Ещё один пример. Английское слово mesh

– петля, сеть. Петля мешает выбраться. При такой методике, считает профессор Аткинсон можно гораздо быстрее пополнить словарный запас и выучить иностранный язык.

– Сколько русских и казахских слово «связали» вы?

– Несколько тысяч. Я точно не считал. Над этой книгой работал десять лет, а в свет она вышла только что. Занимался урывками, по выходным, во время отпуска. Часто прихватывал ночь. Так что законотворчеству это не мешало. Коллеги по-разному отнеслись к моему увлечению. Некоторые недоумевали: зачем это нужно? Я же на признание в мире языкознания не претендую, докторскую диссертацию по филологии защищать не собираюсь. А мне просто интересно. Сначала у меня были отрывочные публикации в прессе. Читатели стали присылать отклики. Делились своими «парами». Радовались: этот метод работает. Потом я всё систематизировал. И, наконец, появилась книга.

– Ну что же, давайте проверим. Возьмём самое простое – человеческое лицо...

– Отлично. Нос – мурын. Мур он делает. Нос – мурчит, мурло эдакое. Лицо – бет. Лицо – это зеркало всех ваших бед. Они на лице написаны. Голова – бас. Какова голова, такой у неё и бас, то есть низкий мужской голос. У маленькой бас не бывает баса. Разве что баритон или тенор. Урт – щека. Она находится у рта. Шеке – висок. Ну, это понятно. Рядом со щекой. Мандай – лоб. Ман дай ему. Замани его в свои манки. Тіс – зубы. Стиснул зубы как тиски. Тіл – язык. Язык там, где тыл. Держи язык в тылу за зубами. Комей – глотка. Ком ей первый бывает. Ком в горле стоит. Ауыз – рот. А изо рта льётся речь. Вот так, в течение десяти-двадцати минут вы можете выучить десяток казахских слов. Сам же я с гордостью могу сказать, что научился говорить по-казахски уже в зрелом возрасте. И даже рискую на нём выступать в парламенте и объясняться со своими коллегами.

Нам нужен баланс

– Мы с вами отвлеклись на краткую лекцию по сравнительной лингвистике. А теперь вернёмся к политике. Непосредственно к евразийству...

– В жизни порой невозможно отделить одно от другого. Так уж устроен нормальный человек: он неоднороден, любопытен. На мой взгляд, многое из того, что окружает нас, имеет отношение к полити-

ке. И к евразийству в том числе. От идеи до её реального воплощения в жизнь прошёл 21 год. Для человека – огромный кусок жизни. Для истории – миг. Можно сказать: как же долго! А можно порадоваться: Евразийский экономический союз состоялся. Таможни исчезли как кошмарный сон. Поймите, любая конструктивная идея находится в динамике. К тому же, такого масштаба. Могут уточняться какие-то детали, формулировки отдельных соглашений, технические регламенты. Может случиться некий откат. Но это не отказ от принципиальных положений. Интеграция двух государств, добрососедские отношения двух народов – это наше всё. Вы вспомните Европейский союз. Ведь там тоже дело доходило до торговых войн. Отдельные статьи договора об интеграции приостанавливались на какое-то время. Но остывали страсти. И благоразумие брало верх. К примеру, совсем недавно, когда возникла угроза терроризма, Франция приостановила действие Шенгенских виз на своей территории, если они были получены не во французских консульских учреждениях. Так же и у нас. Хоть терроризма, слава богу, нет, но падение рубля и экономические катаклизмы на всей территории ЕАЭС были восприняты, мягко говоря, без энтузиазма. Это болезни роста. Что отнюдь не означает: они пройдут сами собой. Тут нам надо пахать и пахать. Западные санкции против России – это специфический вид торговых войн. Но Казахстан не может сделать вид, что это его вовсе не касается. Поэтому наши представители в Евразийской экономической комиссии говорят российским коллегам: «Ребята, давайте регулировать этот процесс, чтобы он не протекал так остро».

– Как только упал рубль, ваши земляки в Уральске наменяли себе российской валюты и поехали в Россию. Опустошили там все прилавки. Так же поступили жители и в других приграничных городах. Можно порадоваться за жителей Казахстана. Выяснилось, что не так уж плохо мы живём. Но тут возбудились местные бизнесмены. Кинулись искать защиту в правительстве: «Караул, наши товары не покупают!» И все сразу вспомнили о таможнях.

– Я думаю, что таможни в чистом виде исключены. Другое дело, что переговоры по отдельным видам товаров, которые пересекают границы, вполне возможны. И вполне понятно, что наши переговорщики будут отстаивать национальные интересы страны. Помните, заявление Нурсултана Назарбаева, которое в своё время наделало много шума. Дескать, если Казахстан увидит, что ЕАЭС ему невыгоден, он выйдет из этого интеграционного объединения. Да, реакция была острой. А что, собственно говоря, произошло? Что необычного

в словах нашего президента? Все пять страны должны принимать решения согласованно, учитывать интересы друг друга. Да, договор о создании союза предполагает свободное перемещение товаров. Это общее положение. Но есть и конкретная ситуация. Граждане Казахстана в массовом порядке стали приобретать автомобили в России. А собственный автопром работает на склад. Вы можете сказать, что более эффективная экономика получает высокую прибыль. И будете правы. Но сейчас-то речь о другом. Экономика России и Казахстана имеет примерно одинаковую степень эффективности. Возник форс-мажор – под влиянием внешних факторов. Наши автомобилестроители не могут перестроиться так быстро. Есть отрасли, которые пока не обойдутся без государственного регулирования.

– Но не кажется ли вам, что законопослушные граждане почувствовали себя обманутыми? Только поверили, что любой товар в пределах ЕАЭС можно купить и привезти домой без ограничений. И – на тебе! А вы говорите, нет повода для пессимизма...

– Надо учитывать, что почти четверть века после распада СССР развели наши экономики. В России одна ценовая политика, у нас другая. Разные цены, разные налоги. Люди приобретают там, где дешевле. И это логично. Но, по мнению отечественного товаропроизводителя, такая политика губительна. Да и с точки зрения властных структур появляются вопросы. Вы купили товар за рубежом, значит, оно, родное государство, не досчиталось налогов.

«Весь мир» (август–сентябрь 2015 г.)

«Азиаты мы, азиаты...»

С Юрой я познакомился в середине второй половины 90-х годов уже прошлого века (время бежит!) в редакции «Российской газеты». Тогда мы оба работали собкорами этого авторитетного издания, соответственно он – в Казахстане, я – и на Ближнем Востоке. Как-то сразу сошлись накоротке и, ни минуты «не выкая» друг другу, перешли на ты. Для нас, почти ровесников, родившихся, получивших образование и проживших

большую часть жизни в едином государстве, совпадали и взгляды на неожиданно возникший «новый мир».

Мы быстро сдружились и, как оказалось, на долгие годы. В редакции думали, что нас связывает старая дружба. Буквально в день знакомства оказались мы в кабинете заместителя главного редактора, которым тогда был замечательный Владислав Александрович Фронин. (Ныне – главный редактор газеты). Он даже поинтересовался, не родственники ли мы. «Конечно, родственники, – в шутку ответил я и, имея в виду континент нашего проживания и места работы, добавил: мы ведь оба азиаты».

Юра, уроженец Семипалатинска, большую часть жизни проживший в Алматы, и я, родившийся и более четырёх десятков лет проживший в российской столице, оказались не только единомышленниками. У нас и художественные вкусы совпадали. Причём почти идентичным был не только перечень любимых русских писателей, но и зарубежных. Юра прекрасно знал литературу, разбирался в искусстве. Скажу так: у него был отличный художественный вкус. Не чужда Юре была и история науки. В принципе такая широкая палитра интересов и эрудиция вполне объяснимы, если учесть, что школу он окончил с серебряной медалью, а факультет журналистики Казахского университета с красным дипломом. Да и по житейским вопросам, прямо скажу, было у нас родство взглядов. И когда Юра, рискнувший создать собственную газету «Весь мир» («ВМ»), предложил мне стать собкором его издания в Израиле и на всём Ближнем Востоке, я согласился, не раздумывая.

Да иначе и быть не могло. С Юрой работать было не просто интересно, а, как говорится, в охотку, в радость. И темы, предло-

женные мной, он никогда не отвергал, и от себя всегда предлагал интересные. Он предпочитал материалы документальные, жизненные. Большинство статей, которые я ему высылал, разумеется, так или иначе были связаны со странами бывшего СССР. Только однажды он попросил меня проехать вдоль израильско-сирийской границы, так называемой «пурпурной линии», и описать увиденное. К счастью, во время моей «инспекции» всё там было более-менее спокойно.

Одна из моих последних статей в «ВМ» была о жизни в Израиле репатриантов из бывшего СССР. Юра радовался успехам, как он говорил, «наших людей» в Стране Обетованной.

Множество материалов, опубликованных на страницах «ВМ», представляют не только публицистическую, но и научную ценность. Как, например, интервью «Ближний Восток не так уж далёк», в котором поставлены актуальные вопросы и даны конкретные ответы на них главного редактора журнала «Центр Азии», кандидата исторических наук Султана Акимбекова.

Долгое время Юра страдал проблемой с бронхами. Он собирался приехать в Израиль, чтобы проконсультироваться у ведущих мировых светил в области пульмонологии. Но неожиданно его свалила более страшная болезнь...

У него были большие планы. Он мог бы сделать ещё очень много. Но и то, что успел – немалый вклад в отечественную журналистику. В моей памяти он навсегда останется верным другом и талантливым коллегой.

*Захар Гельман
Иерусалим – Реховот*

Протяну я Любви ладони пустые...

В 90-е годы он сотрудничал с нашим коллективом, когда мы издавали «Комсомольскую правду» – Казахстан», – писал большие (маленькие он не умел и говорил: «Я профессионал – пишу блоками, которые легко сокращаются») аналитические материалы.

Одну из лучших своих статей – проникновенный, щемящий ностальгический очерк о неповторимом свободолюбивом духе и особой творческой ауре алма-атинской журналистики 70-х, 80-х годов прошлого века на фоне портрета легендарного и лихого казахстанского журналиста Виктора Колодочко – он опубликовал, к сожалению, не у нас, а в «Вечернем Алматы». Сегодня мы решили восполнить этот пробел. Это лучшая память о Юре и его ушедших товарищах.

Алма-Ату в семидесятых-восьмидесятых годах прошлого века невозможно было представить без Виктора Колодочко. Отчаянного повесы и талантливого журналиста, надёжного друга и большого любителя «принять на грудь» в особо крупных размерах. Как все это в нём совмещалось, одному Богу известно...

Я думаю, что и там, на небесах Виктор Васильевич не растерялся. И не потерялся. Быть может, он и сейчас поёт архангелам свои душевные песни или ведёт с Господом разговоры «за жизнь».

Ах, что он делал с гитарой, когда нежно и задумчиво брал её в руки. Ещё гудел, как морской прибор, нестройный гомон всей честной кампании: «Витя, спой, ну, пожалуйста!», а он уже уходил в пугающую глубину этих изгибов и прямых линий, в мир плотно сбитых строк и туго натянутых струн. Его душа воспаряла над стаканами с дешёвым портвейном и плавленными сырками, его хриплый голос мешался с резкими, точными аккордами. Выпевал-выговаривал слова. Рождалась тема Судьбы.

– Опустите, пожалуйста, синие шторы.

Медсестра, всяких снадобий мне не готовь.

Вот стоят у постели моей кредиторы –

Молчаливые Вера, Надежда, Любовь...

Потом он откладывал гитару, делал большой глоток и говорил своё неизменное «всяко-такое». И снова принимался за колдовство. А девушки слушали, остро понимая, что против этой волны нежности и страсти им не устоять. Что опять самая красивая и длинноногая уйдёт с ним в дождь, в ночь, в жизнь. Если он только захочет. Глупые, они тогда ещё не знали, что корсарам жёны не нужны.

Впрочем, порой этого вселенского обожания ему не хватало. И он на спор набирал телефонный номер, который мы собирали из разных цифр, наугад. Если в трубке звучал молодой женский голос, то в течение считанных минут он умудрялся назначить свидание, объяснив невидимой незнакомке: «Я буду в голубой рубашке и с голубыми глазами».

Глаза у него были тёмно-карие с жёлтыми крапинками. Мощный череп венчала ранняя лысина, которая странным образом придавала ему особый шарм. Мощные кулаки были готовы к схватке за справедливость, за обиженного друга, за честь прекрасной дамы. И просто так, потому что их обладатель – как Портос – любил драку и без всякой причины...

Но единственной его Верой, Надеждой и Любовью оставалась газета. И не какая-то конкретно, а просто Газета, с её вечным бедламом, ночными дежурствами, маслянистым запахом линотипов и ротационных машин. И ежедневным чудом – собственной фамилией под очередным творением. Тогда газеты не вели информационных войн, журналисты не делились по принципу преданности олигархам. Конечно, жизнь главных редакторов и их замов напрямую зависела от партийного и комсомольского ЦК. Но над флибустьерами пера вроде Виктора Васильевича они, к счастью, были не властны. И он без особых сложностей перетекал из «Ленинской смены» в «Казахстанскую правду», из «Простора» в «Вечернюю Алма-Ату». В «Вечёрке» он не занимал никаких официальных должностей, был нештатником. Зарабатывал на гонораре, который аккуратно, раз в месяц выплачивали на пятом этаже знаменитого редакционного корпуса возле Зелёного базара.

«У Зелёного базара суета и маята, у Зелёного базара колотит сволота» – напишет потом его подруга, поэтесса от Бога и единомышленница по пристрастию к шумным застольям Инна Потахина. Но странным образом, вся эта «маята» переплавлялась в искренние и прозрачные строчки, от которых в горле комок. Я помню, как впервые прочитал его новеллу «Яблоки» – про слепую девочку. Она живёт в доме с огромным садом. Больше всего любит терпкие

запахи уходящей осени. Любит собирать мокрые листья и грызть пахучие яблоки...

У Виктора Васильевича Колодочко был абсолютный слух не только в музыке, но и к печатному слову. Рукой настоящего мастера он мог превратить серое и скучное произведение в маленький шедевр. Я помню, как в его руки попало сердитое письмо о плохих кроватях, которые выпускает одна алма-атинская фабрика. Колодочко набрал пару номеров на телефонном диске, попросил рассказать об успехах в социалистическом соревновании. Наутро ошеломлённые производители паршивых кроватей прочитали примерно такой текст. «Ударно трудятся на октябрьской вахте конструктора и рабочие фабрики N. Застрельщиками соревнования выступают рабочие такой-то и такой-то. Они взяли повышенные социалистические обязательства и достойно их несут. Они наставники молодёжи и прекрасные специалисты. Они экономят материалы, а всё свободное от работы время отдают общественным нагрузкам. Вчера они выпустили 100 кроватей, а завтра выпустят 120. А послезавтра 150. И все они потом пойдут в металлолом, потому что качество их отвратительное, о чём сообщил наш читатель Иван Пупкин...»

Тогда газеты читали не только рядовые граждане, но и на самом «верху». Главный, отдышавшись после серии возмущённых звонков, был вызван для объяснений. Заметку, он, конечно, перед выпуском не читал. А то бы снял от греха подальше. Перед тем как садиться в редакционную «Волгу», вызвал в кабинет Колодочку (его фамилию в отличие от владельца начальство склоняло с удовольствием). И сказал мрачно: «Заготовил два приказа. Один на строгий выговор с последним предупреждением. Другой – на благодарность и повышенный гонорар». Самое примечательное, что оба приказа были исполнены.

Колодочко был Великим Ответственным Секретарём. То есть мог в течение нескольких минут выделить на газетной полосе все нужные материалы, снабдив их привлекательными подзаголовками и аппетитными рубриками. Его цветные карандаши порхали по макету, как бабочки. А коллеги, в общем-то, тоже искушённые смотрели, как он священнодействует, замерев и затаив дыхание. Потом он минуту-другую рассматривал своё произведение, ожесточённо комкал его и выбрасывал в корзину. Несмотря на негодующие протесты товарищей. Через несколько минут всё повторялось. Зато последний вариант оказывался самым лучшим. Он прищурился, произносил своё загадочное, почти магическое «всяко-такое», а рука тянулась к стакану, в котором уже булькала заветная жидкость.

Он был, конечно, живой легендой. Ну, кто, кроме Колодочки, мог убедить партийное начальство одной целинной области в том, что его «сородичи-цыгане» твердо решили встать на путь колхозного строительства и трудового перевоспитания. Что им необходим суший пустык: трактора и плуги, комбайны и семена. И тогда цыгане-земледельцы распашут необъятные целинные просторы и завалят закрома Родины ну буквально бесценным и отборным зерном. Весной областная комиссия, продравшись по распутице к цыганскому «колхозу», с глубоким прискорбием констатировала: техника продана в соседние хозяйства за бесценок, семена перегнаны на самогон или просто пропиты. А вместо первопроходцев целинного гектара в наличии пьяненький сторож, всё имущество которого составлял ветхий сарай, драный тулуп, ржавая берданка и печать колхоза «Вперёд, к новой жизни!». И вызван был Колодочко в уже знакомый кабинет, и предстал пред чиновной физиономией. Вклинившись в монолог, где самым дружеским было «Сгною суку!», Виктор Васильевич отряхнул невидимую пылинку с безупречно пошитого костюма в стиле «тройка» и веско произнес: «Я и в тюрьме не пропаду. Но сначала про вас появится фельетон в «Крокодиле», над вами вся страна будет смеяться». Конечно, он блефовал. Цензуру никто не отменял, и можно было приостановить самый острый материал. Ну а вдруг – нет? Если наверху сочтут, что такая публикация не только возможна, но и необходима? Тогда невнятные две строчки «освобождён в связи с переходом на другую работу». Или ещё хуже – на пенсию. Прощай, «вертушка», персональная машина, обкомовский паёк и государственная дача. Чиновная персона всё это в момент просчитала и отпустила жураналюгу с миром...

Конечно, он был неугомонный фантазёр и враль. Особенно, когда видел, что от его жутких историй никому не будет вреда. Я помню глаза моего маленького сына, расширенные от ужаса и восторга. Дядя Витя рассказал ему под большим секретом, как в составе спецгруппы КГБ майор Колодочко участвовал в рейде в Саудовскую Аравию, в Мекку, к священному храму Кааба, имеющему форму куба. Братья-арабы попросили руководство нашей страны защитить их от происков врагов, пытавшихся осквернить святыню. А без Виктора Васильевича это дерзкое предприятие было бы невозможным. Ещё дядя Витя обещал, что обязательно научит прыгать моего Димку с вертолёта на отвесный склон горы, так, чтобы не сломать себе шею...

Я даже не пытался расстраивать малыша. Зачем? Вырастет, всё сам поймёт. Не старался и Колодочку отговорить от его фантазий. Во-первых, он сам верил в них. А во-вторых (и это главное), я был ему обязан по гроб жизни...

Нештатник» «Вечерней Алма-Аты» Виктор Колодочко помог разрешить «нештатную» ситуацию, в которую попала наша семья.

...Конечно, я очень хотел увидеть за границу. Это была первая поездка. И я готовился к ней загодя, как это было принято тогда. Пробился через комиссию райкома, через ветеранов с их пристрастными вопросами по поводу президента Иосифа Броз Тито и его капитулянтской политики. Я позвонил из Москвы домой. Жены не застал, а теща сказала, что сына выписывают из больницы. Со спокойным сердцем отправился к средиземноморским берегам. А вернувшись, узнал вот что. Врачи выписали моего сына, потому что не хотели портить себе статистику. Мальчишка слабел на глазах. Колодочко, заглянув на огонёк, увидел рыдающую жену, бестолково суеющуюся тещу и бедного мальчишку, брошенного негодяем-отцом. Он тут же разыскал своего друга Мишу Хурина, служившего тогда заведующим отделом в «Вечёрке». Вместе они поехали домой к Льву Цойдековичу Иоффе, лучшему пульмонологу всех времён и народов. И спасли ребёнка...

Нет в живых ни врача, ни двух его друзей-журналистов. А часто болеющий в детстве, слабый мальчик превратился в крепкого мужчину, отца очаровательной Шуры. Теперь она и надежда, и вера и любовь всей нашей небольшой семьи.

В присутствии легендарного Вольфа Мессинга даже Колодочко почтительно прикрыл глаза

...Однажды я спросил его: «Как ты думаешь, почему поэт сказал: «Протяну я к Любви ладони пустые»? Думал, он ответит шуткой, на которые был великий мастер. Но он неожиданно отнёсся к моим словам серьёзно. «Любовь должна быть бескорыстной. Её нельзя ничем задобрить. Только тогда это любовь...»

И подмигнув мне – благо гитара была под рукой – рванул струны. И вывел свою «коронку»:

– Эх, лилась бы ещё водочка.

Может, в этом наша жизнь?

Пока будет жив Колодочко,

Не построим коммунизм.

Давно ушёл из жизни журналист Виктор Колодочко. И коммунизм мы теперь уж точно не построим. А где те три пьяных подонка, отобравших шальную Витькину жизнь, я не знаю. Прости их, Господи...

Он никогда не называл себя «журналистом». Только «журналёр». Может, потому, что в этом слове чувствовалось какое-то созвучие двум другим – «актёр» и «гастролёр».

Конечно же, он был актёром. А его жизнь напоминала яркие гастроли, в брызгах вина и в грохоте аплодисментов, в мелькании прожекторов и смене декораций. В том, что иногда артист падает из-под купола, никто не виноват. Кроме него самого.

Шоу должно продолжаться. Газета обязана выходить, несмотря на то, что мы теряем самых лучших и талантливых.

Но он был в моей судьбе, и навсегда в ней остался. Как и в жизни многих дорогих мне людей. А это не так уж мало.

От редакции

Вот и Юра Кириницианов тоже был в нашей судьбе и тоже теперь уже в ней навсегда остался. Уверены – там, на небесах он встретится с Колодочкой. Значит, разговоры с Господом «за жизнь», брызги вина и яркие гастроли под грохот аплодисментов обеспечены – шоу должно продолжаться.

**«Новая газета. Казахстан»
№ 8 (631) 21.02 – 28.02.2019 г.**

КИРИНИЦИАНИСТЫЙ КАЛИЙ

ЮБИЛЕЙНАЯ ТВОРЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА
НА СОБРАТА ПО ПЕРУ ЮРИЯ К.

Для молодых - глыбоподобен.
Для критиков - неуязвим.
Он в меру лыс, и в меру сдобен.
Скажите: кто сравнится с ним -
Полос газетных чемпионом?
Да если б все, что создал он,
Скатать одним тугим рулоном,
Неслабый вышел бы рулон!

Пусть кто-то вякнет: мол, не даром...
Завистники! Падите ниц!
Да, краткость - теща гонорара -
Ему как серп промеж яиц.
Но полон творческой отваги:
Ведь от утра и до утра
Рука - к перу, перо - к бумаге,
Бумага - к жо... et cetera.

Нет, он писать не перестанет.
По жизни он, неутомим,
Идет, «Весь мир» неся в кармане.
И Бог, как говорится, с ним!

В. Лубич

Токио – без гейш и самураев

В Токио лучше всего прилетать ночью. Я понял это сразу, как только подошёл к окну своего номера на двадцать четвёртом этаже. Скоростные виадуки в три яруса опоясывали мегаполис. По ним ползли машинки, как светлячки. Все трассы, насколько хватало глаз, были освещены яркими фонарями. На небоскрёбах тоже горели прожектора. Чтобы, не дай Бог, лайнер, заходящий на посадку, не задел крылом верхние этажи. А снизу добавляла света вездесущая реклама. Всё это искрило, сверкало и переливалось. И казалось, что пятнадцатимиллионный город вместе со всеми своими обитателями раскачивается на гигантских качелях. Я увидел этот город. И влюбился в него. Окончательно и бесповоротно.

Днём Токио выглядит куда скромнее. Как миллиардер, который может себе позволить ходить в мятых и недорогих костюмах. Здесь не принято выставлять своё богатство на показ, как это заведено в Нью-Йорке, Москве или в Алматы. Богатые бизнесмены и уж тем более правительственные чиновники остерегаются гулять с купеческим размахом. Богатый Токио умеет хранить свои секреты. Впрочем, даже обыкновенная прогулка может стать головоломкой, которую без провожатого не осилишь. Токио расположен на невысоких холмах. Улицы текут, как реки, разветвляясь и вновь сливаясь. Потеряться очень легко. И потому свою гостиничную визитку я храню как зеницу ока.

Тщетно искать какую-то общую градостроительную идею в токийских кварталах и улицах. (К слову, наименований улиц в европейском понимании нет. Как и номеров – по американской традиции.

Просто кварталы.) А внутри кварталов чужеземца подстерегают самые удивительные открытия. Роскошный суперсовременный билдинг может соседствовать со стареньким особняком, который, вполне возможно, помнит ещё последних сёгунов. И «включив» фантазию, можно легко представить, как по скрипучим ступеням старинного особняка поднимались лихие воины с кривыми самурайскими мечами в ножнах.

Три династии феодалов – Минамото, Асикага и Токугава – правили страной 675 лет, пока реформы 1867 года не ограничили их влияние. Вот тогда и начался бурный и беспорядочный рост японской столицы. Вернее, с 1869 года, когда император перенёс свою резиденцию из Киото в Эдо – так тогда назывался этот город. А само название «Токио» означает «восточная столица». С тех пор земля в Токио уже не дешевет. И стоимость её постоянно растёт. Поэтому каждый хозяин распоряжается на ней по собственному разумению. Конечно, после войны сначала американская администрация, а затем и городские власти пытались навести хоть какой-то порядок. Но не очень в этом преуспели. Таким и остался этот город – живущий по своему японскому разумению.

Возможно, Токио не располагает к пылким признаниям в любви. Как, скажем, Санкт-Петербург, Лондон или Венеция. Зато Токио надёжен, как добрый и верный друг. Выражаясь современным языком, он функционален. Человеку в нём легко и даже комфортно, несмотря на чудовищную перенаселённость. Ну, во-первых, токийцы благодаря своим двух- и трёхэтажным дорогам куда меньше зависят от автомобильных пробок. Этого проклятия больших городов, чумы двадцать первого века. Во-вторых, большинство автомобилей оснащены компьютерами, на экране которых вы видите всё, что происходит вблизи вашей машины. И в километре от неё – тоже. Если где-то всё-таки начнут скапливаться авто, умный «комп» подскажет, как избежать неприятной остановки. Ну и, в-третьих, дело, конечно, в самих японцах. Поднялся ты на «второй этаж». Ну и гони себе с ветерком. Ан нет! Скорее солнце взойдёт на западе, чем японец нарушит правила дорожного движения.

Я пробыл в Токио всего четыре дня. Но вместе с моей переводчицей Ацуко Кикицуги мы по несколько раз в день пересекали центр города с севера на юг и с запада на восток. И ни разу я не видел ни одной аварии и водителей, выясняющих отношения друг с другом. Впрочем, и полицейского увидел только раз, когда он разруливал автомобильный поток. Видимо, что-то произошло со свето-

фором. Техника есть техника. И она может отказать, даже в Японии. Полицейский появился как из-под земли. А вместе с ним бригада ремонтников. На устранение неисправности ушли считанные минуты. Светофор ожил. И полицейский снова исчез.

В Токио нет элитарной значительности Вашингтона, который выставляет напоказ свои музеи и многочисленные, но однообразные памятники в стиле «герой и его верный конь». Отсутствует здесь и московская сусальность, истовая религиозность, странным образом сочетающаяся с выходками скинхедов. Токийская жизнь лишена парижского шарма, который не поколебали даже рейды горячих африканских парней из пригородов. Пожалуй, есть в Токио нечто от берлинского рационализма, который, впрочем, изрядно скорректирован буддистской отрешённостью и синтоистским аскетизмом. Наиболее поразительный пример – здание министерства финансов. Очень скромное, лишённое малейших архитектурных изысков. Как будто не из этого ведомства тянутся незримые нити, позволяющие держать руку на пульсе второй по финансовому могуществу державы мира. Токийцы шутят: это исключительно для того, чтобы иметь моральное право отказывать любителям бюджетных денег. Дескать, ребята, о чём вы говорите? Вы посмотрите, как мы живём. Буквально перебиваемся с воды на рис.

Кстати, о еде. Обед для японца – продолжение работы. Как правило, на это время назначаются деловые встречи, которые по какой-либо причине неудобно проводить в офисе. Причём, даже весьма крупные чиновники не избегают сравнительно недорогих заведений. В них кухня, что называется, на глазах. Дюжие парни режут треску и тунца, колдуют над соусами и приправами. А шустрые официантки с ритуальными выкриками (что-то вроде нашего «Поберегись, любезный!») мечут всё это на столы. Случается и по-другому. Под обеденным столиком загорается газовая горелка, на столике в стеклянной колбе мгновенно закипает вода. Туда бросают тонкие ломти мяса. И вы видите, как оно готовится буквально у вас на глазах. За час, а то и сорок пять минут с обедом можно вполне управиться.

Ужин, как и во всех столицах мира, предполагает расслабленность и негу. Деловые ужины, особенно с иностранцами, токийцы назначают в стильных ресторанах типа «Куросава». Кстати, владеет им сын великого режиссёра. Здесь в дополнение к меню вам подарят специальную брошюру. На первой странице – портрет Мастера за работой. Он выбирает тот самый, единственный кадр. На развороте его любимые блюда. Лапша и, естественно, сырая рыба. Для усиле-

ния впечатления – фотокопии сценариев с собственноручной правкой. И две репродукции его картин, изображающие курительную комнату и самурая с двумя гейшами.

Говорят, что Акира Куросава одобрял выбор своего сына, известного художника, который в своём ресторане сумел довести кулинарное мастерство до высот настоящего искусства. А любое искусство – тоже загадка. Поэтому в «Куросаве» вас проводят в небольшую отдельную комнату, увитую плющом и виноградом. Вас не посветят в тонкости приготовления японских блюд. Зато вы будете вознаграждены за собственное терпение, когда юное создание присядет на свои колени (подчёркиваю, свои, а не ваши, поскольку нравы здесь весьма строгие). И разольёт зелёный чай в крохотные чашечки. А потом можно будет перекачивать в ладонях рюмку саке или бокал красного вина и представлять, как витает над нашей неторопливой беседой дух Художника. Акира Чиба, заместитель руководителя пресс-службы МИДа, с которым мы ужинали в «Куросаве» твёрдо убеждён: трудно понять его любимый город, не побывав в этом ресторане, который уже давно считается непрременным местом встречи для японской элиты. И я думаю, он прав.

Куросава выпустил свой первый фильм «Расёмон» в пятидесятом. И сразу прославил Японию и Токио. Учитывая специфику кино, можно предположить, что запустил он его практически сразу после войны. И после атомных бомбардировок. Фильм триумфально прокатился по всей планете. Это не была завуалированная мечта о реванше. Но и не истерика интеллигента, потерявшего жизненные ориентиры. Это была вера в свой народ, который всё выдержит, всё преодолет. В том числе и самурайские догмы, согласно которым следовало легко расставаться с собственной жизнью.

А уж с чужими – тем более...

Пройдя испытание Достоевским (Куросава снял свою собственную версию «Идиота»), великий японец вернулся к теме войны и мира, чести и беславия, воинской доблести и бесконечного одиночества воина. Фильм «Семь самураев», выпущенный в 1954 году, стал киноклассикой. Хотя находились люди, которые проклинали режиссёра. И другие, восторгавшиеся им. Но много позже, когда утихли страсти по Куросаве, хвастливый Голливуд приспособил японский сюжет для своего вестерна. И Юл Бриннер, в прошлом простой одесский мальчик

Юлик, стал кумиром для нас, советских мальчишек в конце шестидесятых. Как и семеро отважных самураев.

Теперь их можно увидеть только в кино. Или в театре «Кабуки», который так же неотделим от Токио, как Большой от Москвы или театр имени Абая – от Алматы.

Каждый день здесь идут спектакли в ритме «нон стоп». Примерно пять-шесть каждый день. Заканчивается очередной просмотр, загорается табло с цифрой «20». Это означает, что у зрителей двадцать минут для того, чтобы передохнуть от средневековых страстей. Выпить зелёного чая или колы. Самые экономные японцы, чтобы не тратить время зря, тут же достают ужин в пластиковых контейнерах, которые купили заблаговременно в фойе. Обсуждают игру актёров под мелькание собственных палочек.

Окончания спектакля дожидаться необязательно. Можно купить билет, и театральный контролёр проводит вас с фонариком прямо до ваших мест. Никто при этом не выразит неудовольствия. И места ваши окажутся незанятыми. Такие здесь порядки.

Мы с моей переводчицей Ацуко Кикуцуги так и поступили. И поэтому первый спектакль получился усечённым. Впрочем, Ацуко, завзятая театралка, знала содержание пьесы. И вот что я выяснил из её вольного перевода. Придётся пересказать, хотя бы коротко, два сюжета. Иначе многое нашему читателю будет непонятно.

...В двенадцатом веке в стране царили жестокие нравы. В смертельной битве за власть сошлись два клана: генджи и кейке.

Храбрые воины кейке потерпели сокрушительное поражение в морском сражении. Остался маленький внук императора. Чтобы мальчик не достался врагам, его бабушка уходит вместе с ним в море. Объясняет малышу, что там его ждёт подводное царство. Но остаётся ещё верная служанка. Она заманивает брата и сестру, приближённых к правителю из ненавистного клана. И отравляет их. За всем этим безобразием хмуро наблюдает одинокий монах. В древнегреческих трагедиях подобная роль отводилась целому хору.

Монах, разумеется, не одобряет двойного убийства, и тогда несчастная женщина понимает: выход один. Уйти вслед за госпожой и молодым императором.

Надо сказать, что само по себе зрелище впечатляющее. Сцена – сплошное синее полотно, которое волнуется как настоящее море. Из голубого и синего оно становится свинцовым с белыми «барашками». Женщина исчезает в нём весьма натурально, при этом видно, что она, ещё не погрузившись в «пучину», вымокла до нитки.

Следующая пьеса. На сцене новые декорации. Сосны, которые здесь считают символом долголетия и мудрости. Раньше спектакли играли вот в таких «декорациях», на открытом воздухе. Прямо в лесу. Это спектакль в стиле «но», который возник ещё раньше, чем «кабуки».

Итак, прошло семь веков. Противостояние продолжалось. Кейке обосновались в Западной Японии, а генджи на севере. И теперь уже начались раздоры внутри клана генджи.

В сражениях отличился младший сводный брат сёгуна Ёсицуне. Он завоевал популярность в народе благодаря своему военному мастерству. И неукротимой смелости. Однако его ненавидел старший брат Ёритомо. Между ними установились, прямо скажем, неважные отношения. Ёритомо с одобрения правителя отдал приказ арестовать народного героя. Но тот оказался непрост. И со своими сторонниками бежал. Среди его солдат выделялся умный и хитрый воин Бенке. Оставалось миновать одну заставу, которая подчинялась коварному родственнику. Сначала хотели прорываться с боем. Но Бенке предложил притвориться бродячими монахами. Начальник заставы эту хитрость раскрыл. Но вязать противников не стал. Решил, что так будет лучше. А вдруг они ещё пригодятся? Монаршее расположение – штука весьма непрочная. А, может, начальник заставы просто устал от крови. Всё-таки, девятнадцатый век на дворе. Сколько ж можно воевать, братья-японцы?

В спектакле страсти рвались в клочья. Актёр, игравший Бенке, мужчина огромного роста, разгуливал по помосту, ведущему к сцене. Стучал посохом, вопрошал товарищей громовым голосом и бешено вращал глазами. Начальник заставы от него не отставал, хотя в итоге оказался вполне приличным человеком.

Зал был полон. Не только люди среднего и пожилого возраста, но и молодёжь. Казалось бы, ну что жителям современного города до тех переживаний? Конечно, интерес к своей собственной истории у японцев в крови, как объяснила Ацуко. «Мы любим европейский театр, но от собственного культурного наследия отказываться не собираемся» – подытожила она, когда мы выходили на улицу. Но, думаю, дело не только в этом...

На каждую, наиболее удачную реплику героя, зал бурно реагировал то смехом, то аплодисментами. Опровергая устойчивое впечатление о японцах, как о людях, экономящих свои эмоции. А может, в этом и кроется разгадка популярности древнего театра и старых сюжетов? Сегодняшняя жизнь, увы, оставляет немного места для настоящих чувств. У нас теперь – и не только в Японии – в моде полутона, хладнокровие, душевное равновесие. А здесь всё иначе. Верность и мужество, отчаяние и надежда. Всё без примесей, всё на полную катушку. Вот и идёт в театр вполне благополучный, законопослушный народ, чтобы прикоснуться к той бурной и яркой жизни. Видимо, в реальной жизни осталось немного настоящих самураев. Поход в театр – это своеобразное утоление жажды.

... Странное чувство грусти испытывал я, скрестив ноги за низким, словно игрушечным столиком в ресторане «Курсава». И в театре «Кабуки», где Ацуко пыталась меня посвятить в тонкости национального искусства. Как будто пришёл в гости к давно знакомому другу и не застал его дома. Я так долго ждал встречи с этим городом, что немного растерялся. Правду же говорят: нет ничего печальней сбывшейся мечты. И дело не только во мне, но и в самом городе, таком непохожем на все столицы мира. А, может, дело не в том, что я увидел, а в том, чего увидеть не сумел.

Признаюсь, к гейшам я не попал. Когда обсуждал план командировки со своими японскими друзьями, совершенно забыл о...

Нет, я знал, что это не заурядные работницы коммерческого секса, а своего рода добрые феи, способные скрасить одиночество мужчины. Они развлекают гостей чайных домиков и ресторанов танцами и пением. А многие из них, поступая на работу, подписывают контракт с категоричной фразой «Интим исключён». Но этим общеизвестным фактом мои познания и ограничивались. И, разумеется, когда я попал в Токио, мне захотелось свои познания расширить. Но оказалось, что о встрече с гейшей надо было договариваться загодя. В графике поездки она не значилась. А заранее утверждённый план – для принимающей стороны дело святое. К тому же, даже невинная

беседа с дамой обойдётся в немалую сумму. Пересчитав свои командировочные, я только горестно вздохнул. И теперь на все распросы друзей честно отвечаю: «Не был. Не состоял. Не участвовал». За чем и следует вздох вполне понятного мужского разочарования...

А может, это и к лучшему. Будет повод ещё раз съездить. Ладно, не осталось в Токио самураев. Но не может жить этот город без гейш!

«Весь мир», № 11 (январь-февраль 2006 г.)

Прыжок в будущее

В американской столице в семье японского журналиста растёт казахский мальчик. Его зовут Шо, что в переводе с японского означает «прыжок». У истории, которая началась печально, счастливое продолжение...

Когда умер отец, Йоичи находился в одной из своих бесчисленных командировок. На этот раз – в Англии. Из Лондона в Токио – путь неблизкий – даже для скоростного «Боинга». Йоичи всю дорогу не сомкнул глаз. Думал свою невесёлую думу. Наверное, говорил он себе, я плохой сын. Я слишком мало уделял внимания своему отцу. Всё спешил в дорогу – за новыми очерками и репортажами. Но ведь отец сам учил меня: прежде всего дело, которому ты посвятил свою жизнь. Вечное и неразрешимое противоречие между чувством и долгом. Тогда, в «Боинге», рассекавшем чёрную мглу, он окончательно принял решение, к которому готовился давно.

...Йоичи и Йоко женаты давно, но у них нет своих детей. Увы, в японских семьях это не редкость. Эта страна первой и воочию столкнулась с реалиями атомного века. Её народ не устаёт удивлять весь мир научно-техническими достижениями – про японцев говорят, что они уже давно живут в 21-м веке. Но даже суперсовременные технологии порой оказываются бессильны. И не гарантируют простого человеческого счастья. А ведь они пытались переломить свою судьбу! Несколько лет назад Йоичи попросил своего шефа направить его в «горячую точку» – бывшую Югославию. Начальство пошло навстречу. Йоичи не ограничивался официальными приёмами и пресс-конференциями. Хотя и такую возможность грех не использовать: японскому журналисту доверяли сопровождать Клинтона в его поездках по Европе. Но главное достоинство газетных заметок и книги, которую он привёз позже из Косово, – встречи на дорогах разорённой страны, честная и объективная авторская позиция. Эту книгу они писали вдвоём. Йоко, тоже журналист по профессии, работала в миссии ООН. И, конечно, помогала мужу. Так вот, в Боснии семья увидела симпатич-

ного малыша, которого осиротила балканская война. Но местные власти подозрительно отнеслись к намерению японского журналиста его усыновить. Если не сказать, враждебно. Ничего не получилось... И вот теперь Йоичи корил себя, что в круговерти дел оставил поиски того единственного, кому бы он смог передать своё дело и профессиональные навыки. И свою фамилию, весьма уважаемую в Японии. Отец так переживал, что не успел помянуть внука. Но в Японии очень долгая очередь на усыновление детей.

Йоичи возобновил поиски с новой силой после похорон отца. В Америке, куда он был отправлен на работу корреспондентом одной из крупных японских газет, эту проблему удалось решить. Совершенно случайно Йоичи разговорился со своим коллегой, семья которого усыновила ребёнка из Казахстана. Так Йоичи оказался в Вашингтонском агентстве, занимающемся иностранным усыновлением и осуществляющим крупные международные проекты в области помощи детям в разных странах мира.

Казахстан стремится соответствовать имиджу развивающейся демократической страны. Поэтому год назад депутаты казахстанского парламента приняли закон, который разрешает международное усыновление. Закон несовершенно, но это шаг в правильном направлении.

...Маленького Шынгыза непутёвая мать не захотела взять из роддома. Мальчик родился с набором болезней, обычным для нежеланного ребёнка: анемия, рахит. В доме ребёнка его, конечно, пытались лечить, но с семейным уходом это не сравнить. Судья, выслушавший доводы Йоичи, который, к слову, неплохо владеет русским языком, согласился, что ребёнку будет лучше в приёмной семье. Не по мановению волшебной палочки, а в строгом соответствии с законом Республики Казахстан полугодовой Шынгыз получил своё новое имя – Шо. И отправился за океан.

«Теперь я по-настоящему семейный человек, а значит, должен много работать» – счастливо улыбаясь, говорил мне Йоичи. Впрочем, мало работать японцы просто не умеют. ...Русский Йоичи выучил в Москве, куда его направила газета. Это была его первая длительная командировка. А ещё раньше он объехал более 30 стран мира, специализируясь на политических и экономических комментариях. Йоичи привык оперировать не только собственными умозаключениями, но и точными цифрами, что вполне соответствует традициям японской журналистики. Среди них есть и ещё одна, весьма привлекательная: внимательно следить за героями, с которыми тебя сталкивает журна-

листское мастерство. У Йоичи, кстати, целая папка вырезок и специальный компьютерный диск по Жириновскому, с которым его свела судьба на прошлых парламентских выборах. В 1995-м Йоичи в своём репортаже написал, что либерал-демократы искусно играют на чувствах обиженных людей. К примеру, учёных Обнинска, несколько месяцев не получавших заработную плату. И вот прошло пять лет. Что изменилось? Практически ничего. То ли японский журналист оказался провидцем, то ли на страну ему «повезло»: уж больно медленно, со скрипом поворачиваются здесь жернова истории. Впрочем, кое-что в России всё же меняется. Вот и военные порой демонстрируют чудеса гласности. И всё же появление японского журналиста на секретном ракетном полигоне было для многих его обитателей психологическим шоком. Павда, тут случай особый. Гарнизон сворачивался, устаревшие ракеты уничтожались – чтобы продемонстрировать это всему миру и понадобилась иностранная пресса. Йоичи больше интересовали люди. Эти генералы и офицеры готовили себя к военной профессии. Если понадобится, то и к войне. После распада СССР многие из них оказались ненужными, а их мастерство – невостребованным. Хозяева полигона пригласили гостей в баню, хлестали их берёзовыми вениками, пили водку и ругали Горбачёва. Вокруг на многие сотни километров молчала казахская степь. Так впервые, при неожиданных обстоятельствах, японский журналист познакомился с родиной своего будущего приёмного сына.

Я спросил у Йоичи, где работается легче – в России или в Америке? Он помедлил секунду-другую, потом ответил: «Просто иначе». В Америке нет нужды тратить время на долгие согласования встреч и рассмотрение просьб на интервью. Страна компьютеризирована и интернетизирована до предела, любую информацию можно получить практически мгновенно. С другой стороны, в США довольно многочисленная японская диаспора, две страны связаны десятками экономических и политических соглашений. И журналист должен с предельной ответственностью относиться ко всему, что выходит из-под клавиш его компьютера. Для японского читателя заокеанский партнёр вызывает повышенный интерес, уже хотя бы потому, что две страны, расположенные по обе стороны Тихого океана, наиболее «продвинуты» в будущее. Требовательность, искущённость читателя и даже, если хотите, привередливость заставляет всегда быть начеку. В 2000 году американская командировка Йоичи заканчивается. Возможно, он вернётся в Токио. Так или иначе все его мысли связаны с маленьким Шо. Ежедневно он передаёт свои комментарии в газету, а после

ужина снова садится за компьютер. Вместе с Йоко они пишут книгу, у которой пока нет названия. По сути дела, это обращение к сыну, который очень быстро станет взрослым. Это будет очень-очень длинная книга, как сама жизнь, которая вместит разные страны и города – и заснеженную Москву, и уютный, почти провинциальный Вашингтон, и ракетную базу под Семипалатинском, и руины Косово, и маленький казахстанский городок районного значения, откуда их семья усыновила Шынгыза-Шо. Причём эта книга-послание, книга-исповедь – не просто прихоть любящих японских папы и мамы. Там ведь будет вся история их сыночка – как он растёт, чем интересуется, кто его друзья.

Пока самая последняя глава – встреча крохи Шо со своими земляками. В Америке не так давно побывала группа казахстанских юристов и педагогов, которые приехали познакомиться с условиями жизни усыновлённых детей, в том числе и в семье Йоичи и Йоко.

Сначала Шо просто спал, несмотря на присутствие шумной делегации. А потом проснулся и протянул руки сразу ко всем – навстречу миру, который стал для него ласковым и добрым. Вечером семья в полном сборе пришла в ресторан. Йоко была в казахском камзоле, который подарили ей в Казахстане, Шо – в казахской тубетейке. «Мы постараемся, чтобы Шо не забыл свою настоящую родину», – сказала Йоко. И добавила тихо: «Мы молимся за вашу страну...»

Поможет ли нам эта молитва? Уже после отъезда японцев в Доме ребёнка, откуда усыновили Шо, вспыхнула эпидемия, и четверых детишек спасти не удалось. Честно говоря, не поворачивается язык сказать худое слово в адрес врачей и нянечек. Они делают всё возможное, но безденежье, нехватка полноценных продуктов и лекарств... и, главное, отсутствие любящих родительских рук.

Конечно, на всех брошенных ребятишек не хватит американских, японских и прочих иностранных мам и пап. Поэтому порадуемся за тех, кому сегодня повезло. За их нелёгкое рождение и счастливое будущее.

Будем надеяться, что в новом веке казахстанским сиротам повезёт больше, чем в прошлом. А что нам остаётся кроме надежды?

Послесловие

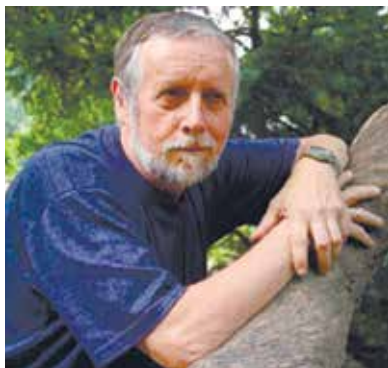
Этот материал был напечатан в одном из казахстанских изданий в далёком теперь 99-м. С тех пор прошло больше двадцати лет. Усыновление казахстанских сирот иностранными гражданами практически себя исчерпало по целому ряду причин: детей сейчас оставляют гораздо реже, жить-то мы стали лучше и обеспеченнее. «Отказников» же берут в семьи наши соотечественники, как гово-

рится, с пылу с жару, немалые очереди зарегистрированы в каждом отделе опеки и попечительства. Один за другим закрываются в Казахстане детские дома и дома ребёнка. Так что надежда журналиста Юрия Кириничьянова, высказанная в заключительных строчках статьи, стала реальностью.

А как же сложилась дальнейшая судьба семьи Йоичи и Йоко? Через пару лет после Шынгыза они удочерили в Казахстане малышку Асем, ставшую Куруми. Йоичи продолжает трудиться на журналистском поприще, занимает важную позицию в своей газете. Теперь они постоянно живут в Токио. Узнав, что ушёл из жизни их давний друг и коллега Юрий, откликнулись сочувственным письмом, где в нескольких строках сообщили и о детях. «Шо и Куруми сейчас, соответственно, 20 и 19, они оба студенты колледжа. Шо изучает экономику и только что провёл четыре месяца в Канаде по программе углублённого обучения. Куруми всё лето была в Лос-Анджелесе, усилненно занималась английским. Оба хорошо провели время».

...Нам не дано предугадать, как наше слово отзовётся... Хорошо, когда слово отзывается добром. Когда предчувствие счастья в чужой судьбе осуществляется. И не так уже важно, на каком отрезке земного шара это происходит.

В моей судьбе период Юрский -
Один из самых расписных,
Я был студент смешного курса,
И он был тоже из смешных,
На года три меня моложе...
Объединял нас коридор.
Мы и тогда с ним были схожи,
Как схожи с ним и до сих пор:
И шевелюрой густогривой-
Нас и сейчас не отличить, -
А уж к девчущечкам смазливим...
Да, в общем, что тут говорить!..
Мы с ним одни читали книги,
Одни читаем и теперь.
И до сих пор не держим фиги
В карманах, а чуть что - на дверь
Дерьму укажем и пройдохе.
Как видно, мы одних кровей,
И не трындим, дела, мол, плохи...
А надо, вмажем меж бровей:
Он - словом, я - рукой привычной,
А после, подмигнув слегка,
Друг другу скажем - всё отлично!
Давай, до скорого! Пока...
И так бежали наши годы,
Перепелетаясь, расходясь,
Мы сами делаем погоды
И оба не приемлем грязь.
А что мир красен дураками -
Оно ведь так во все века,
Пока мы не за облаками -
Точи перо на дурака! ...
И вот пишу я эти строки,
Руками ручку теребя,
Тебя я знаю, как немногих,
Ну, в общем, знаю, как себя.
И потому в стихах мы рядом,
Хоть и не мой здесь юбилей,
Тебя поддерживаю взглядом:
Прошёл я это, не робей,
И будь здоров, дружище милый!
А больше, чтоб воды не лить,
Закончу так: нет в мире силы,
Что нас могла бы разделить!

Александр Головинский
г. Алматы

Когда толпа становится народом

Рубен АНДРИАСЯН, художественный руководитель Государственного академического театра имени Михаила Юрьевича Лермонтова, народный артист Республики Казахстан, лауреат Государственной премии – о классике и современности, о свободе творчества и евразийстве.

Зачем прилетает «Чайка»?

- Рубен Суренович, без экскурсии в историю мы не обойдёмся. Сначала в местной прессе писали о том, что 80 лет театру исполнилось в 2013 году. А отпраздновали юбилей в марте 2014-го. Как это понимать? Объяснитесь с читателями...

- Будем считать, что это небольшая театральная интрига. Дело в том, что первый русский драматический театр в Казахстане, от которого мы ведём свою родословную, появился в Семипалатинске, нынешнем Семее. Первый спектакль назывался «Любовь Яровая». Автор Константин Тренёв. Это было 31 октября 1933 года. Ровно за пять лет до моего рождения. В чём я, безусловно, усматриваю знак счастливой Судьбы. Затем театр практически в полном составе перебрался в Алма-Ату, которая – напомним – за пять лет до этого события стала столицей республики. 25 января коллектив театра представил зрителю пьесу «Страх». Её написал Александр Афиногенов.

- Боюсь, что сегодняшнему читателю ничего не скажут ни фамилии авторов, ни эти произведения. Может быть, их можно осовременить – с учётом новых реалий?

- Боюсь, что нет. Это советская классика. И она канула в Лету вместе с социализмом. Александр Афиногенов написал свою пье-

су в 1930 году. Как тогда писали о «становлении социалистической нравственности». Константин Тренёв изваял свой шедевр чуть раньше – в 1926 году. Опять же буду использовать стилистику советских театральных энциклопедий – это «героическая драма о гражданской войне, социально-историческое обобщение рождённых нравственных конфликтов». Как вы понимаете, сегодня мы знаем чуть больше и о революции, и о гражданской войне. И уж тем более о «нравственных конфликтах». Если бы и нашёлся чудак, который захотел бы «осовременить» эти спектакли, они бы продержались на сцене максимум пару месяцев. К слову, в роковом сорок первом Тренёв получил за «Любовь Яровую» Сталинскую премию. Но покорять эти вершины социалистического реализма мы не станем. Показательно другое. История гораздо на грустные парадоксы. «Страх» – это ведь было состояние страны. Горькая символика, если хотите. А в 1937 году в театре давали пьесу пролетарского писателя Максима Горького. И называлась она «Последние». Афиша напечатана на бумаге в «клеточку». Человек с мало-мальским воображением разглядит в ней тюремную решётку. Кстати, афиша сохранилась. Я держу её у себя в кабинете. Людям нашей профессии нелишне помнить русский фольклор и пословицы народа...

- Вы про тюрьму и суму?

- Про них самых. Не думаю, что эти времена вернуться. Просто сегодня, в эпоху первоначального накопления капитала «господам актёрам» живётся ой как непросто. Ничего, что у нас начало интервью не слишком лучезарное?

– Нет, нормально. Не зря же человек, который заварил всю эту кашу с социализмом, тонко заметил, что юбилеи – прекрасный способ поговорить о недостатках и проблемах. За точность цитаты не ручаюсь. Но смысл именно такой. Лично для меня в сочетании «Государственный академический театр имени М. Лермонтова» больше всего интересует слово «русский», что понятно. Я русский журналист. Издаю газету на русском языке. Поэтому поговорим о русской классике. Вы как-то обмолвились: город наш разноликий, многоязычный и поликонфессиональный. Поэтому русская классика успешно не пользуется. И тем удивительнее, что вы её продвигаете...

– Как говорится, с упрямством, достойным лучшего применения. Ну а если говорить серьёзно... Что нас заставляет обращаться к ней вновь и вновь? Прежде всего, качество русской классики. Долго не сходил со сцены Александр Сухово-Кобылин, его «Свадьба Кречинского». А ведь автор умер 101 год назад. Четыре сезона выдержал «Расточитель» Николая Лескова. Долго шла у нас комедия «Нахлебник» Ивана Тургенева, в котором играл наш легендарный Юрий Померанцев – дай бог ему долгих лет жизни. (Напомню, что это произведение в своё время реакционная критика расценила как пасквиль на русских дворян. Царская цензура запретила его.) На Юрие Борисовиче, нашем неподражаемом ветеране, во многом держался «Иванов» Антона Чехова. Этот спектакль, увы, сошёл со сцены. А вот «Вишнёвый сад» идёт. И весьма успешно. Зрители тепло воспринимают его. Одним словом, не может быть русского театра без русской классики. Поэтому в этом году я собираюсь поставить «Чайку», которая принадлежит перу великого Антон Палыча. А мой коллега Алексей Кизиллов поставит «Ревизора».

– Можно поставить «Чайку» как обычно. Кринолины. Томные взгляды. Долгие разговоры о смысле жизни под самовар. А можно осовременить. Пусть Нина ненавязчиво делает стриптиз или, на худой случай, пляшет канкан вместе с Аркадиной. А Треплев вместе с Тригориным курят марихуану...

– Спасибо за совет. Но «Чайку» я поставлю абсолютно новаторски. То есть без ненужного выпендрёжа. Знаете, ведь один и тот же текст можно произнести по-разному. К примеру, классическое стихотворение Владимира Маяковского «Я знаю: город будет. Я знаю: саду цвезть». Торжественно, как с трибуны. А можно так, что всем станет ясно: и сады завянут. И «такие люди» до прекрасного далёка не доживут. Да и страны советской не будет. При этом изменяется точка зрения. А она у каждого из нас своя. Что главное в классике? Должны возникать ассоциации с современностью.

- Но позвольте, что можно сказать нового в «Чайке», которая была поставлена в октябре 1896 года в Александринском театре Санкт-Петербурга? С тех пор её играли бессчётное количество раз в русских и зарубежных театрах – от Америки до Австралии. Что вас привлекает в теме «Чайки»? Страдания актрисы – скажем так – определённого возраста?

- Совпадения с современностью потрясающие. Герои Чехова живут на стыке веков, на сломе эпох. И мы тоже. Они не знают, как приспособиться к новым временам. И многие из нас тоже. В пьесе должно быть нечто, что заставляет нас сопереживать, смеяться и плакать.

- У Чехова вырубают вишнёвые сады. У нас яблоневые...

- Примерно так. Когда это нечто найдено, классика становится сегодняшней историей. Но в «Чайке» главное не терзания актрисы. Дело не в Аркадиной. А в том, что два молодых человека, творческих человека, Нина и Треплев, задыхаются от окружающей их действительности.

- Будете критиковать самодержавие?

- Да чихать я хотел на самодержавие! Почему сегодня актуальна тема искусства? Посмотрите: в Алма-Ате довольно унылая театральная жизнь. Мне как руководителю ведущего театрального коллектива должны наступать на пятки. А у меня пятки целые.

- А разве «Артишок» не наступает?

- Нет. Там свой зритель, особенный. Да и что может один «Артишок»? Он погоды не делает. Посмотрите, сколько театров в Москве. Как грибов после дождя. А у нас преимущественно государственные театры. Они тоже нужны. Но если мы будем конкурировать, сражаться за зрителя с театрами частными, возникнет совершенно другая картина. Помните, был в Алматы такой театр – «Бенефис» Володи Назарова? Очень хорошо начинали ребята. Но у спонсора кончился кураж. А затем и деньги. Володя перебрался в Россию, в небольшой город Елец в Липецкой области. И всё бы хорошо. Но сейчас это просто городской театр, каких в России тысячи. Но никак не «Бенефис». Для нашего города, для его культурной жизни это была потеря, о чём я до сих пор искренне сожалею.

- Вы хотите сказать, что молодые люди «задохнулись» от окружающей среды? Параллель с «Чайкой»?

- Мой молодой коллега пытался в своих интервью придать делу политический окрас, с чем я не согласен. Такие истории случаются не только в Казахстане, и не только в театре. «Дорога молодых»,

о которых пелось в советской песне, не усыпана розами. За неё надо бороться, сражаться. И далеко не у всех на это есть силы.

На зеркало неча пенять...

- А «Ревизор»? В России и в Казахстане народ не слишком любит чиновников. И они – во все времена – давали для этого чувства немало поводов. Говорят, что на премьере комедии от души смеялся сам государь. Николай Первый с удовольствием увидел «свинные рыла» своих подчинённых. Благодаря этому обстоятельству пьесу и разрешили к постановке. Но что можно сказать об этом сегодня? Повторить тему в десятый раз – ладно. В сотый куда ни шло. Но в миллионный...

- Так ведь тема себя не исчерпала! Если бы ко мне пришёл автор и сказал: «Я написал на эту тему пьесу». Так ведь знаю: не придёт. И не предложит. Однажды меня – в присутствии главы государства – упрекнули: «Почему вы ставите классику? Где спектакли на современную тему? Скажем, о борьбе с коррупцией?» На что я возразил: «У государства есть механизмы по борьбе с коррупцией. Хотя оно не слишком-то преуспело. А у меня задача другая. Я хочу

заглянуть этим шустрым ребятам в глаза и ненавязчиво поинтересоваться: «У вас совесть есть?» Я должен взывать к совести, к добру, к любви к ближнему. То есть «чувства добрые» пробуждать театральной лирой.

- Как вы относитесь к попыткам осовременить классику? Такие попытки делаются давно. Помните, как Илья Ильф и Евгений Петров «раскатали» постановщиков гоголевской «Женитьбы»? Барышня в трико с грязными пятками балансировала по канату с зонтом, на котором значилось «Я хочу Подколёсина!»

- Это была пародия на известного режиссёра Всеволода

Мейерхольда, от которой он не перестал быть Мастером. Но лично мне это неинтересно. Я с интересом наблюдаю за работами коллег. В нашей стране и за рубежом. Тот, кто во главу угла ставит форму, быстро «сдувается». Потому что неисчерпаем только человек. И я надеюсь, что когда Алексей станет работать над «Ревизором», главным будет не конфуз градоначальника. А то, как власть корёжит человека. Власть кресла, власть денег, власть славы. Особенно этому подвержены некоторые коллеги в театральном и киношном мире. Роль доверили маленькую, сыграл так себе. Но уже звезда. Павел Мочалов и Вера Комиссаржевская, Иннокентий Смоктуновский и Евгений Евстигнеев «звёздами» не именовались. А какой след в истории русского театра оставили? Вечный. Вот и мы должны заниматься че-ло-ве-ком! Это самое трудное. Томас Манн сказал однажды: «Театр – это место, где толпа становится народом». Мне близка эта мысль.

- Вам не кажется, что в 1964 году, когда отмечали 150-летие со дня рождения Михаила Лермонтова, власти обмишурились, дав его имя главному театру республики? Мир знает великого поэта Михаила Юрьевича Лермонтова, но никак не драматурга, который оставил практически одну драму в стихах – «Маскарад». Все остальные пьесы, мягко говоря, у зрителя успеха не имели...

- Думаю, что власть семь раз отмерила, прежде чем отрезать. Лермонтов написал стихотворение «На смерть поэта», в котором бросил вызов всей тогдашней элите. Был сослан по высочайшему повелению на Кавказ. И в этом смысле для советской власти оказался вполне приемлемой фигурой. Ну не драматург, конечно. Зато гениальный русский поэт. Разве этого не достаточно?

- В этом году исполнится 200 лет со дня его рождения. Как-то отметите и отметитесь?

- В театре нет романтического героя на роль Арбенина. Вот в чём беда. Вернее, есть, но с натяжкой. А «с натяжкой» это произведение трогать нельзя. С художником Эрнстом Гейдебрехтом (бывший наш соотечественник, сейчас живёт в Германии) мы так и эдак «крутили» лермонтовских «Испанцев». Вылезает еврейская тема. Ничего не имею против евреев, но она для Казахстана не актуальна. При этом получается жуткая мелодрама, которую сегодня никто смотреть не станет. Да что там говорить: мальчику было 16 лет, когда он написал свою первую пьесу. Он ещё многого не понимал в силу своего нежного возраста.

- Это честнее, чем формально отметиться «датским» спекта-

клем. Помните, как раньше говорили о вещицах, которые ставили к очередному судьбоносному съезду или к «октябрьским»...

- Не забыл. Конечно. Но возможно, мы для Лермонтова просто не созрели. Зато у нас к каждому спектаклю вместо звонка знакомая с детства мелодия. «Белеет парус одинокий». Нет, «датских» спектаклей мы ставить не собираемся. Идёт рабочий процесс. И слава богу.

Почему их два?

- Скажите, какие-то отношения с российским театральным сообществом у вас завязались после гастролей в Москве?

- Они не прерывались. К нам приезжала заведующая кабинетом театральной критики Союза театральных деятелей России, заслуженный деятель искусств Российской Федерации Элеонора Макарова. Ей интересен наш коллектив. Она обычно смотрит практически весь репертуар. Игру актёров, режиссёрские работы она разбирает профессионально. А не на эмоциях – «Это понравилось. А это не очень». Как выстроен спектакль. Что получилось, что не получилось. В Москве у нас на это не было времени.

- Поговорим о московских гастролях. Несмотря на то, что прошло уже полгода, ваши актёры и верные поклонники о них часто вспоминают. Кстати, здание в Камергерском переулке, где вы играли, москвичи называют его «тот самый МХАТ», подчёркивая свою приверженность старине. Давайте напомним читателям, почему в конце восьмидесятых в Москве появилось «два МХАТА».

- «Тот самый МХАТ» был основан в 1898 году двумя людьми, имена которых знает каждый цивилизованный человек. Их звали Константин Станиславский и Владимир Немирович-Данченко. Открытие состоялось 14 октября по старому стилю (по новому – 26 числа) в здании театра «Эрмитаж» в Каретном ряду. Спустя четыре года МХАТ переехал в Камергерский переулок, где и находится до сих пор. Здесь блистали Ольга Книппер-Чехова, Иван Москвин, Всеволод Мейерхольд. Какие актёры, какие имена... В 1987 году во МХАТе имени Горького произошёл знаменитый и трагичный раскол. Татьяна Дорониная «увела» часть труппы в новый МХАТ, прихватив имя «буревестника революции». А театр по адресу «Камергерский переулок, дом 3» остался с именем Антона Чехова. Руководил им тогда Олег Ефремов. В этом была какая-то логика, если в расколах и разводах она существует. На этой сцене поставлены все пьесы Чехова, кроме

«Чайки», которую впервые показали зрителю в знаменитой Александрике, в Санкт-Петербурге.

- Справедливости ради надо сказать, что в России уже существовал Второй Московский художественный театр. Или МХАТ-2. И к его открытию приложил руку ученик и помощник Станиславского Леопольд Сулержицкий. Играли здесь молодые актёры, недовольные «стариками». Театр начал работать в 1924 году, а в 1936-м власти его благополучно прикрыли...

- Любопытно, что последователи Ефремова отказались от слова «академический». Теперь это просто – Московский художественный театр имени Чехова. Вот в этом легендарном здании, которое повидало немало драм и трагедий, и состоялись наши гастроли.

- Вы повезли в столицу России почти всю труппу...

- Да, восемьдесят человек. Среди них ветераны, люди среднего возраста и молодёжь.

- Было чувство трепета?

- А как же! И я боялся, что с перепугу они будут стучать зубами громче, чем говорить. Но всё обошлось. Чувство ответственности оказалось сильнее. Перед репетицией я сказал какие-то слова, но актёры и сами понимали, где они играют. Ведь это был намоленный зал. И намоленная сцена. Тени великих мастеров не мешали, не давили своим величием. Они помогали. Подсказывали. Они нас берегли. При этом, надо отметить, что актёру здесь помогает даже архитектура здания. Зал не бросается в глаза. Главная здесь всё-таки сцена, где и вершится – колдовство и волшебство. Вообще, в наших гастролях было немало мистики.

- Вот как?

- Судите сами. Нам должны были освободить сцену ровно в полночь. Надо было смонтировать декорации. Освоиться и привыкнуть к сцене.

Пожар под землёй чуть не стал для нас катастрофой, потому что погас свет. Надо отдать должное МЧС и московскому правительству. Они сработали оперативно. Подогнали к театру мощные генераторы. И вот в таких условиях мы начали гастроли.

- Просто булгаковщина какая-то...

- Это ещё не всё. Генераторы время от времени отключались. И в работу вступали запасные. Но мы-то к такому повороту событий были не готовы! Наши специалисты набрали программу. Успокоились и ушли в гостиницу. Но вот погас свет. Ненадолго. Может, на секунду. Что делает компьютер? Правильно, стирает всю программу. Пришлось всё начинать заново. Я хочу сказать: для того, чтобы «обжить» сцену с актёрами, у меня катастрофически не оставалось времени. Первая репетиция началась в четыре часа дня. И в этот же день спектакль «Вишнёвый сад». Впервые эту чеховскую пьесу поставили именно на этой сцене. В этом зале. Кстати, отключения света повторялись и потом. Но мы уже были к ним готовы.

- Чья была инициатива – вывезти «Лермонтовку» в Москву?

- Перед этим в российской столице мы были в 2005 году. Но в нынешних условиях нехватки средств и существования в разных государствах всё равно могу сказать: мы бываем в Москве регулярно. Ну а если говорить серьёзно... Мы уже давно просили руководство нашей культурой организовать эти гастроли. А тут такое счастливое совпадение: фестиваль искусства «Россия и Казахстан в XXI веке». И мы весьма удачно вписались в эти рамки. Кроме пьесы «Вишнёвый сад» москвичи и гости столицы увидели «Визит дамы» Фридриха Дюрренматта, «Отель двух миров» Эрика-Эммануэля Шмидта, «Дом» Евгения Гришковца и Анны Матисон. Итого: четыре спектакля на лучшей сцене России. По-моему, это вполне достойно. Подчеркну: правительство Москвы сделало всё, чтобы мы чувствовали себя комфортно. Господ актёров разместили в престижном отеле «Холлидей ин», технических сотрудников в гостинице попроще, зато поближе к театру. После спектаклей нам аплодировали стоя. Долго. И в этих аплодисментах был ответ на вопрос, который нам часто задавали в Москве «Как живёт русский театр в Казахстане?» Хорошо живёт. Если мы сумели сохранить русский язык и русскую культуру на весьма приличном уровне.

Считаю себя евразийцем

- Словом, зритель вас принимал...

- Превосходно! Долго не отпускали со сцены. Последний спектакль просто утопал в цветах. В зале много было знакомых лиц. В Москве проживает немало бывших алматинцев. Да что там говорить, наш режиссёр Володя Ерёмин (это он поставил «Визит дамы») уже давно живёт в Москве. Можно прямо сказать: на гастролях мы были обласканы вниманием зрителя. Прекрасно встретил нас коллектив театра. Жаль, не удалось переговорить с художественным руководителем театра. Олег Павлович Табаков в последнее время прихварывает. Искренне желаю ему здоровья. Перед гастролями у нас была пресс-конференция в ИТАР-ТАСС. Вопросы задавали вполне благожелательно. Нас сопровождал первый заместитель Табакова, президент школы-студии Московского художественного театра Анатолий Миронович Смелянский. На пресс-конференции я сказал журналистам: «Мы рискнули сыграть «Вишнёвый сад» на той же сцене, где впервые была поставлена пьеса. А уж вам, зрителям решать, что это было. Провинциальная наглость или творческая смелость?»

- Мы как-то говорили о профессиональной болезни некоторых ваших актёров, особенно молодых. Они спешат произнести свой текст. И от этого «каша» во рту...

- Не в моих правилах отгораживаться от критики. Тем более, когда она справедлива. Но факт остаётся фактом: во время последнего ремонта в театре испортили акустику. Есть в зале места просто «провальные». Актёров плохо слышно. И теперь мы работаем с микрофонами. Ситуацию удалось поправить. Но и над дикцией ребята работают постоянно. Нам даже пришлось приглашать педагогов из Казахской национальной академии искусств академии имени Темирбека Жургенова (знаменитая «Жургеновка»). Кстати, одна из наших ведущих актрис Людмила Тимошенко окончила театральное училище «того самого» МХАТа. Она всегда готова помочь своим молодым коллегам. Хотя вообще-то за молодёжь я несу персональную ответственность. Поскольку веду курс в «Жургеновке». И каждые четыре года отбираю из своих выпускников самых-самых...

- Вы как-то сказали о себе «Я – турецкий армянин, русскоязычный гражданин Казахстана». За этими словами история и судьба. Вы далеки от политики. И в то же время не можете не знать, что в нашем обществе и государстве весьма популярна теория евразийства – благодаря стараниям главы государства.

- Я приехал в Казахстан 51 год назад. 31 год работаю главным режиссёром в театре имени Лермонтова. Разумеется, каждая дата – это веха в моём сознании евразийца. Начну с того, что любовь к русской классике мне привила моя учительница русского языка Эмма Рафаэловна Оганесян. Это было уже в Ереване, где я учился в русской школе. Мои первые книги? Традиционные для того времени – сказки Пушкина, лермонтовское «Бородино». Позже Чехов, Толстой, Достоевский, Ну а родился я в Нальчике, где в то время русских было немало. В семье говорили по-русски с очаровательным вкраплением армянского, когда свою мысль надо было подкрепить эмоциями и жестами. Примерно так же объяснялись все мои родственники – а их в тех краях было немало. Семья моего дедушки Казароса Кендаряна бежала в 1915 году из Карса, чудом избежав турецких ятаганов. Впрочем, никакого чуда не было. Их предупредил хозяин лавки, турок, к которому наша семья по-соседски обращалась за всякой надобностью. До Краснодара большое семейство Кендарянов добирались несколько месяцев – на волах. Потом перебрались в Нальчик, где отцу предложили хорошую работу. Его назначили главным врачом республиканской больницы. Однажды привезли больного пастуха. Отец его осмотрел, назначил лечение. Распорядился вымыть ему ноги. Через пару дней – обход. Ноги у захворавшего горца своей боевой раскрас не изменили.. «Почему не выполнили моего указания?», – удивился главный врач. «Мыли. Не помогает», – хмуро ответствовали санитары. «Уж не хотите ли вы сказать, что эта грязь врождённая?», – ехидно прокомментировал отец оплошность своих подчинённых. Казалось бы, обычный разговор. Но нашлись бдительные товарищи. «Стукнули» куда надо. Отца вызвали в органы и ласково поинтересовались, почему ему не нравится политика партии по национальному вопросу. Пастух был кабардинцем. Представителем небольшой, но гордой титульной нации. Папа не стал дожидаться, пока смутные догадки следователя обретут форму папки с надписью «Дело №...». Стало понятно, что злоключения беглой армянской семьи не закончились. Собрали они свои нехитрые пожитки. И поехали на свою историческую родину. В город Ереван. Там я учился сначала на филфаке. А потом перешёл на режиссёрское отделение. После окончания вуза судьба забросила меня в Казахстан, за что я ей чрезвычайно благодарен.

- В вашей биографии есть такая замечательная строка, как **должность главного режиссёра в казахском театре, в Кзыл-Орде....**

– Актёры практически не говорили по-русски. Я знал по-казахски несколько слов. Среди них «жаксы» и «жаман». То есть «хорошо» и «плохо». С их помощью я старался донести до моих новых знакомых нюансы системы Станиславского. Удивительным образом мы понимали друг друга. Вот она, волшебная сила искусства. Несомненно помогло и то, что в армянском языке много тюркизмов.

– Что для вас евразийство? Вы не поставите пьесу о Гумилёве? Как когда-то в театрах ставили пьесу о целинниках – после выхода судьбоносной для страны книги бровастого генсека...

– Те времена канули в Лету. Никто не принуждает артистов и режиссёров откликаться на злобу дня. Театральные подмостки – не газета, не интернет. Поэтому если и появится пьеса на эту тему, то политическая составляющая будет для меня интересна в последнюю очередь. Что касается евразийства. Для меня просто существуют нехитрые правила, которых я придерживаюсь. В моём присутствии не рекомендуется говорить плохо о Казахстане, Армении и России. А во время застолий, которые теперь случаются не так часто, как хотелось бы, я поднимаю бокал и произношу тост в честь турка, имя которого, увы, семейное предание не сохранило. Ведь он спас наш род. А значит, и меня. И в этот момент считаю себя евразийцем.

– Знаю, что вы следите за событиями в России. На страницах одной из московских газет разразилась полемика между двумя корифеями театра – Марком Захаровым и Александром Калягиным. Марк Анатольевич считает, что в России возрождается цензура – в виде «обеспокоенной православной общественности», каких-то казаков–фундаменталистов. Калягин ему мягко возражает: дескать, не упоминайте имя дьявола всуе. А как вы относитесь к дьяволу по имени цензура? Вы в течение двадцати двух лет работаете в условиях абсолютной свободы. Без строгих дядей и тётей из Министерства культуры. И теперь уж не свалишь свой неуспех на «душителей свободы». Что должно сдерживать художника – режиссёра, актёра – в этих обстоятельствах?

– Прежде всего скажу, что к самоцензуре я отношусь вполне прилично. Художник во все времена должен думать, как отзовется его слово. С другой стороны, мне часто задают вопрос: что сделал театр для искоренения недостатков, для бичевания пороков общества? Я часто предлагаю подумать над простым вопросом. В Париже, в Лувре вот уже много лет висит Мона Лиза. Что не мешает отмороженным подросткам поджигать машины, грабить достопочтенных буржуа. Так и театр. Он не может впрямую воздействовать на нравы

общества. Особенно в такой жестокий век как наш. И тем не менее я люблю зайти в зрительный зал. Сесть в одно из кресел в последнем ряду. И услышать, как «шуршат» извилины наших зрителей. Что они видят? О чём думают? Какие выводы сделают? Это тоже часть моей работы как главного режиссёра.

«Весь мир», № 53 (апрель 2014 г.)

Тогда всё только начиналось

Польский мудрец Станислав Ежи Лец утверждал, что карьера человека во времени столь удивительна, что трудно удержаться от мысли о наличии у хомо сапиенса могущественной протекции. Он зрил в корень всего человечества. Я же ограничусь частностями. Одна из причин в том, что взаимное дружелюбие мое с Юрой, хотя и удержалось

на плаву более полувека, но было прерывистым, как заброшенная узкоколейка, поросшая кустарником, а кое-где и деревьями. Проехать с ветерком по ней не удастся, надо будет то и дело выходить из вагона и вырубать препятствия. А пока очистишь рельсы, иной раз напрочь позабудешь, куда едешь и зачем... Как-никак мы расстались после университета в 1971 году, а виделись после дипломного рубежа в основном мимолетно.

Юра предпочёл «заякориться» в Алма-Ате, а я поддался улыбке Музы дальних странствий и с тех пор камчатская ягода княженика или вологодская морошка стали куда привычнее алматинского яблочка с милитаристским названием «лимонка». Сейчас, у московского и последнего причала можно всласть размышлять, все ли сложилось так, как следовало?!

Злоязыкая, но чертовски проницательная поэтесса Зинаида Гиппиус призывала друзей записывать мелочи. «Крупное запишут без нас», – уверяла она и была совершенно права...

Кто-то может упрекнуть меня, что я не всегда вспоминаю про Юру, а больше про то, что творилось рядом. Но как без этого. Он неотъемлем от факультета, бывлой Алма-Аты и всех, кто учился, куролесил и по-разному проявлял себя в святые годы студенчества.

Если потусторонний мир существует, и Юра сможет из рая, ада или чистилища прочесть эти строки, то вряд ли они будут ему неприятны.

...Последние числа августа 1966 года. Мы только что поступили и присматриваемся друг к другу. Весь наш курс шатается у входа в университет в ожидании всех интересующей информации. Занятия начнутся в октябре, а пока обязательная в те годы трудо-

вая повинность. Никто ещё не знает, куда кого занесёт: а ведь, как позднее выяснится, оказались среди нас и уборщица в Израиле, и социальный работник в штате Теннесси, и продавец мёда на алма-тинском рынке, и даже начальник гауптвахты в какой-то воинской части. Провидение выбрало потом среди нас и расставило по шахматной доске жизни и киноактера, и инструктора ЦК КПСС, а потом дипломата, и народного депутата СССР... Но ничего этого мы ещё не знаем и только много позднее научимся себя ценить.

А что касается сельхозработ, то нам достался коллективный выигрышный билет. Вместо пшеницы, хлопка или табака нам выпало убирать яблоки в колхозе «Горный гигант», после чего я года на два разлюбил алма-атинский апорт! Впрочем, перенасытились им мы уже на третий день. На четвёртый, пятый и все последующие мы уже на первые попавшиеся яблоки не бросались. Снималкой, как назывался немудрёный инструмент для обирания плодов с недоступных без лестницы веток, цепляли яблоко с макушки дерева, где вызревали самые весомые апортины, потом перочинным ножиком деликатно и скрупулёзно яблоко очищали в минуты перекуров, а затем поедали, калякая Бог весть о чём.

В одну из этих посиделок я впервые оценил размах фантазий будущего Юрия Ивановича, а тогда ещё просто Юры.

...Неумело смоля сигареты с ментолом – были такие в синих пачках по 17 копеек – и рассказывая при этом всякие небылицы о родных городах, мы неожиданно столкнулись с самой настоящей иностранкой. Эту гэдээровскую немку привела к нашему «шалашу» какая-то девица с другого факультета. Ей самой понадобилось отлучиться в город на пару часов, а среди её сокурсников никого даже с зачаточным знанием немецкого не оказалось, вот она и сбегрила нам подругу по переписке, приехавшую к ней на неделю. Немочка была миниатюрной, почти дюймовочкой, поначалу вела себя напряжённо, словно в приёмной стоматолога. Выяснилось все же, что она уже без ума от Заилийского Алатау, от арыков, от яблочных садов и от тогдашнего алма-атинского «фастфуда» – шашлыков по 25 копеек, поджаренных на саксауле, с уксусом, луком и красным перцем и продававшихся на каждом углу мант по 10 копеек. Ничуть не меньше она была изумлена нашими познаниями о восточногерманской жизни, почерпнутыми в основном из журнала «ГДР».

В конце концов наша собеседница совсем осмелела, проявила кое-какое знакомство с русским языком и справилась о том, что нас ждёт после окончания университета и где именно мы соби-

раемся трудиться на журналистской ниве. И тогда-то друг мой Юра поразил и гостью, и меня, невесть почему ответил, что намерен поехать в Монголию, потому что там пустыня Гоби. Визитёрша из братской тогда страны шибко удивилась. А будущему Юрию Ивановичу этого мало было, и он почему-то добавил: «Или во Вьетнам!»

Честно говоря, по сию пору не знаю, добрался ли он до знаменитой пустыни, о которой, видимо, прочёл у палеонтолога и фантаста Ивана Ефремова, нашедшего в ней кладбища динозавров. А вот во Вьетнаме Юра точно побывал уже в пору собкорства в «Комсомольской правде».

... Учился с нами один очень серьёзный товарищ, значительно старше нас, щеглов. Он происходил из провинции, обитал в общежитии. В шахматы играл вслепую и в отличие от всех остальных без всякого принуждения ещё до поступления в университет прочёл и даже законспектировал все три тома «Капитала». Близкое знакомство с азами марксизма, и особенно с той частью, что впитала в себя идеи Фурье, Сен-Симона и прочих социальных утопистов, побудило его применить свои познания на практике и создать в восьмиместной комнатке общежития номер 3 по улице Виноградова что-то вроде фаланстера, или коммуны. О пламенном коллективизме нашего Эдуарда Кривобокова написали в университетской многотиражке, а в комитете комсомола даже подумывали внедрить «передовой опыт» студенческого общинного существования. Ещё Эдуард слыл противником рифмованной поэзии и обнародовал свои взгляды в стенной газете, что повергло в ужас сразу двух профессоров филологии – Александра Лазаревича Жовтиса и Ефима Иосифовича Ландау, и они обрушились на Эдуарда в своих статьях, причём первый из них вынес утверждение «Стихи нужны» в название своей книжки, появившейся года через два.

Юра в общежитии Виноградова не жил, философией особенно не интересовался, но мимо столь неординарной личности пройти не смог и сотворил эссе под названием «Кто вы, Эдуард Кривобоков?», которое поместил в рукописном, а точнее машинописном журнале «Камертон». На творение сие вначале никто внимания не обратил, но один из четырёх экземпляров этой антологии факультетского творчества случайно оказался на столе в университетском парткоме. Ужас и возмущение парткомовских читателей остались в комментариях на полях переплетенного в зелёный ледерин томика. Дело в том, что Эдуард в стенгазете безоговорочно осудил Сталина, и Юра его всячески одобрил и поддержал в этом вопросе.

У «критиков в штатском» имелись другие взгляды, сквозь призму которых они автора и героя «камертоновского» опуса оценивали. Но всё-таки времена стояли на дворе вполне вегетарианские, катастрофических последствий парткомовский переполох не имел и рассосался сам собой.

Как ни странно, с профессиональным печатным словом у Юры неприятностей было меньше, чем со словом стенгазетным и рукописным. На пятом курсе он доверил стенной печати горделивые размышления о газете «Ленинская смена» на студенческой стройке» и своей роли в её существовании. При этом неосторожно назвал одну университетскую девушку, имевшую слабость к сочинению стихов, «поэтессой местного масштаба». Её почитатели подняли шум, требовали всяческой сатисфакции... Впрочем, и эта ситуация не имела продолжения. Я думаю, это было правильное начало журналистской судьбы. Ибо главный рабочий инструмент труженика пера – слово, а оно не всегда обязано быть сладкозвучным. Может быть, именно поэтому ему стопроцентно повезло в профессии.

*Олег Дзюба
г. Москва*

Увидеть Фантхьет. И жить долго

На этот раз отправлюсь во Вьетнам. Страну, которая активно вкладывает деньги в туризм, в расчёте на новые инвестиции. А пока – журналистские заметки с привкусом ностальгии и субъективизма.

«Бомба» под туризм?

Командировка началась с лёгкого стресса. Приглушённые огни аэропорта, пустая площадь. И многозначительные физиономии самых разных служивых, которые в такие минуты особенно раздражают. Дескать, извините, граждане улетающие. Проводятся учения. По линии министерства чрезвычайных ситуаций. На что один персонаж, польщённый всеобщим вниманием, реагировал с кривой ухмылкой. «Ага, учения. Баба тут какая-то позвонила. Говорит: бомбу заложила. Вот стоим, ждём. В полвосьмого должно рвануть». Бомбу, конечно, не нашли. И уставшая, озлобленная толпа спустя некоторое время с огромными баулами и с весёлыми матерками рванула в здание алматинского аэропорта. Почему я об этом пишу? Новый век открыл невиданные раньше возможности. Теперь можно путешествовать по всему миру. Увидеть самые экзотические страны: будь то Африка, Латинская Америка или Азия. Были бы желание и деньги. Но каждый плюс – это прежде всего бывший минус, даже два. Поэтому распахнувшийся настежь мир принёс нам не только «счастье дальних дорог», но и острое понимание несовершенства жизни, которая может, увы, оборваться в

любой момент. А так как человечество в массе своей – за исключением безнадёжных пессимистов – всё же надеется на лучшее, то остаётся лишь одно: плюнув на все опасности, паковать свой повидавший виды чемодан на колёсиках и отправляться в путь-дорогу.

Возвращение в молодость

Для меня эта командировка была примечательна по-своему. Когда-то, будучи молодым и нахальным журналистом, я отправился в свою первую зарубежную поездку – в Ханой и Сайгон, который только что стал Хошимин. Тогда трудяга Ил-62 сделал три посадки, чтобы приземлиться в душном и влажном Ханое. В Ташкенте тогда не было таможен и границ. Зато в Карачи нас в аэропорт не пустили. В самолёт зашли заспанные злые автоматчики, но, к счастью, быстро убрались восвояси. Бомбей был похож на горячую сауну. А в Ханое меня ждало первое потрясение. По гостиничному номеру, в одном из лучших тогда отелей, куда устроил меня собкор «Правды» Михаил Домогацких, носились ящерицы, с аппетитом сметающие каких-то насекомых. А кровать от всей этой фауны отделяла противомоскитная сетка. Рис молотили весьма оригинальным способом – выносили снопы под колёса немногочисленных машин. Электрический свет был только в двух столицах и в центрах провинций. В бывшем Сайгоне ещё оставались разрушенные здания, а в аэропорту – не слишком аккуратно засыпанные воронки. Провожая меня в Ханое, Миша изобразил отцовскую тревогу. «Старик, у вьетнамцев только один Боинг». Что-то там у американ-

цев сломалось, и они его бросили. Наши вьетнамские друзья починили и вот теперь летают. Пилоты, конечно, не слишком опытные»...

И, вдоволь позабавившись моим струхнувшим видом, добавил на оптимистической ноте: «Не дрейфь, если долетишь до Сайгона, доживёшь в профессии до пенсии». Миша выразился, конечно, более энергично, и видимо, поэтому его пророчество сбылось. И стоя на 24-м этаже гостиницы «Виндзор», любуясь залитым огнями городом, я выпил бокал доброго вьетнамского вина за бессмертную журналистскую душу одного из лучших газетчиков страны, которой теперь уже нет на карте.

Герр Дзилас и его мечта

До Сайгона я благополучно долетел. До пенсии дожил. В профессии остался, за что благодарен судьбе. Вот и сейчас она подкинула удивительную встречу. Довелось побывать в Берлине, на международной туристической выставке. Там я познакомился с господином Вольфгангом Дзиласом, хозяином туристической фирмы из небольшого города Вальдбронн, что на юге Германии, который активно обменивался визитками с коллегами из Юго-Восточной Азии. И вот – на тебе. Кто этот мощный загорелый старик в ковбойской шляпе на фоне отеля «Континенталь»? Ну, конечно, мой добрый знакомый герр Дзилас! Он, по-моему, даже не удивился нашей встрече. Поскольку все дороги теперь ведут на туристические выставки. «Пока все жители Вальдбронна не побывают в этих благословенных местах, я не успокоюсь!» – заявил мой энергичный знакомец. Конечно же, он знал, куда ехать. В Хошимине как раз проходила аналогичная выставка, которая собрала сотни фирм со всего света, но прежде из Юго-Восточной Азии. И у каждого был свой интерес. Нередко бизнес идёт рядом с политикой. Председатель Ассоциации индустрии туризма из Тайваня Хуанг Фиджибао пояснил мне, что туризм – практически единственный способ показать всему миру, каких высот можно достичь в стране, где нет коммунистов. В своё время американцы «кинули» своих союзников. Тех выдворили из ООН, и теперь практически все страны опасаются устанавливать дипломатические контакты с Тайбеем, чтобы не навлечь гнев огромного «красного Китая». На туризм товарищи из политбюро КПК смотрят сквозь пальцы, чем пользуются их «несознательные» сородичи из Тайваня, которые почему-то не желают жить в комму-

нистическом «раю». Увы, даже спустя много-много лет остаются шрамы на теле планеты, после долгой болезни, которую политики деликатно называли «противостоянием двух систем».

...Всех туристов, которые приезжают в бывший Сайгон (кстати, старожилы предпочитают называть его именно так, в память многолетней «фронды» северян и южан), обязательно повезут в местечко Ку Чи. Это был удивительный подземный партизанский город – тоннелями на разных уровнях, где размещались сами бойцы и склады с боеприпасами. А также госпитали, небольшие швейные цеха, где шили и ремонтировали одежду. И даже комнаты, где проводили политзаключения. Воздух подавался через воздуховоды, умело замаскированные в джунглях. Буквально из-под земли партизаны появлялись перед обалдевшими американцами, умело взрывали их танки и косили пехоту. А затем в буквальном смысле проваливались под землю. И всё было ничего. Но демонстрация сегодня ловушек семи видов(!) с железными пиками, которые разрывали человека на части, производит жутковатое впечатление. Конечно, американцы и их южновьетнамские союзники не были ангелами во плоти, но всё же, всё же...

110 долларов – за сутки счастья

Сегодня поход по местам боевой славы приносит неплохой доход вьетнамцам. Чистую прибыль мне выяснить не удалось. Как везде, это коммерческая тайна. Но общий доход впечатляет. Путём нехитрого умножения цены одного билета на количество туристов, а затем и на количество дней в году я выяснил, что комплекс приносит не менее 3 миллионов долларов год. Комплекс можно считать в буквальном смысле тоннелем в светлое социалистическое завтра, в котором туризму отводится весьма заметное место. Заместитель директора департамента культуры, спорта и туризма Ханоя Май Тьен Зунг, с которым мне удалось поговорить на выставке, заметил, что сегодня туризм в стране занимает весьма скромное место – 2 процента от ВВП. Но планы в этом смысле грандиозные. И судя по всему, реальные. Вьетнамцы сделали ставку на... свой национальный характер. В его основе доброжелательность, практическая сметка и трудолюбие. Во-первых, они теперь открывают туристические визы прямо в аэропорту. Во-вторых, энергично застраивают побережье современными отелями. Если окна на океан, и всю ночь шумит прибой, одноместный номер обойдётся вам в 110 долларов. Если вид на дорогу, то на 10 долларов меньше. По-мое-

му, у нас на Капчагае дорожке. В пяти часах на северо-запад от Сайгона раскинулся пляжный комплекс Фантхьет. Тихая деревушка для семейного отдыха. Вьетнамцы точно рассчитали, что Таиланд с его обилием сексуальных утех со временем приедается. Хочется домашнего уюта. И он в Фантхьете обеспечен. Три десятка лет назад я побывал в соседнем местечке Вунгтау. Огромная статуя Христа на берегу делала его похожим на Рио-де-Жанейро. На этом сходство заканчивалось, поскольку послевоенный Вьетнам предлагал гостям республики весьма скромные жилища. Зато волны Южно-Китайского моря качали и успокаивали, внушая мечту о том, что счастье всё-таки существует. Благодаря нашей «Эйр-Астане» я пережил это чувство заново...

«Аргументы и факты. Казахстан», № 39, 2012 г.

ОЧЕРЕДЬ

И сделать ничего нельзя
С банальным фактом
горькой даты...
Уходят близкие друзья
В необъяснимое «куда-то».
Ты словно брошен и забыт
Предательски
ушедшим другом...
И остаётся мелкий быт,
Где, как известно, -
«суп да ругань».
Прожить -
не поле перейти...
И с этой истиной извечной
Наш паровоз вперёд летит -
До самой станции конечной.
Непредсказуем
«божий раб» -
Зимой ли вьюжной,
в полдень летний...
И понимаешь, что пора б
Спросить стыдливо:
«Кто последний?»

Валерий Володченко
г. Москва

Свой голос

Друзей мы выбираем сами, а лучших оставляет время. Вот уж воистину так. С Юрой мы учились с разницей в год на том самом журфаке тогдашнего КазГУ (60–70-е годы прошлого века), который общепризнанно делил призовые места с факультетами журналистики МГУ и Свердловского госуниверситета. Ну ладно, первенство за Москвой, а вот второе-третье безоговорочно отдавались Алма-Ате и Свердловску. По качеству преподавательского состава, именам выпускников. По тому, что теперь называется рейтингом. Юра окончил учебу в 1971 году с красным дипломом. И пришёл в профессию в ту пору печатной журналистики, которая считается золотой. И считается по праву, если вспомнить миллионные тиражи, очереди у газетных киосков, волнующие и задевающие всё общество публикации. Тогда газеты знали любимые читателями жанры – очерк, фельетон, аналитическая статья. А также обязательна была реакция на критические строчки...

Быстро обрёл свой голос и Ю. Кириницианов. Как и все мы, в ту пору не вылезал из командировок, объездив вдоль и поперёк весь Казахстан, писал репортажи с колёс и вдумчивые очерки. Пришёлся ко двору во многих изданиях. Был собкором в «Ленмене»,

«Комсомолке», «Правде», «Рабочей газете», «Российской газете». Неумех в этих редакциях не держали.

Я всегда поражался его уникальному трудолюбию и работоспособности. Он был способен за день написать-настучать материал на целую газетную полосу. Как-то назвал его «великим строчкогонном». Назвал так, в общем-то, с уважением и отчасти с завистью. На «строчкогона» он не обиделся, потому что знал цену себе, да и не было никогда в его строчках небрежности, второсортности, необязательности. Как настоящий профессионал он себе этого не позволял. Помню, тогда он ответил мне: «А что ещё делать, как не заметки писать? Я это люблю». Так что «ни дня без строчки» для Юры было не девизом, а повседневной реальностью. Журналистика была для него не постылой подёнщиной, а служением любимой профессии. Сокрушаясь тому, что падает её престиж, он был уверен, что это временно, что без уважения к печатному слову страна не обойдётся.

...Бог весть каким ветром занесло после войны в Семипалатинск родителей Юры. Но то время было гораздо на горизонтальные и вертикальные перемещения людей. Молдаванин Иван Киринициану работал железнодорожником, фамилию переименовал, заменив её окончание на -ов. Родившийся и всю жизнь проживший в Казахстане, Юра был не против считать себя представителем «четвёртого жуза», но всегда подчёркивал: я – русский Казахстана. Когда после известных декабрьских событий 1986 года была создана комиссия под руководством Мухтара Шаханова по расследованию их причин и последствий, в комиссию эту вошёл и активно в ней работал Кириницианов. Это весьма красноречивый штрих к его портрету.

Одна из очевидных проблем сегодняшней журналистики состоит в том, что учредитель издания нередко водит пером журналиста. Издавая свою газету «Весь мир», Юра этого вмешательства со стороны в текущую редакционную политику, естественно, избежал, поскольку был един в двух лицах – он и учредитель, и главный редактор издания. Да и главный автор тоже. Он, что называется, тащил газету на себе. Помню, каких ему сил стоило собрать деньги на очередной номер. Не хватало спонсорских, рекламных – доставал из собственного кармана.

В зрелые годы у Юрия Ивановича появилась и главная тема. Он, пожалуй, больше и лучше всех отечественных журналистов писал о Евразийском проекте, казахстанско-российских взаимоотношениях. Взял бесчисленное количество интервью, со

всеми своими именитыми собеседниками говорил на равных, хорошо зная тему.

Готовя ему подарки на 65-летие, я придумал, набрал на компьютере, вставил в рамку «Диплом за верность профессии». Вручил ему «от имени всей журналистской общественности». Общественность эта мне полномочий таких не выдавала, но, уверен, поддержала бы без слов. Да и читатели поддержали бы тоже. К подаркам присовокупил шуточные стихи:

Есть повод к промежуточным итогам... / Тебе рублей не накопили строчки./Зато перед читателем, судьёю строгим,/Ты чист. Ещё есть имя без изъяна./ Да что там имя – бренд Кириницианов./ Известен, уважаем он и точен/.

Сын Юрия Ивановича Дима получил прекрасное образование. Так сложилась жизнь, что он стал гражданином США. Работает в журнале National Geographic. Слетав к нему в гости, Юра каждый раз незлобно сокрушался, ворчал: эти америкосы не выговаривают мою длинную фамилию, сократили её. Сын теперь Кирин, внучка Кирин. «А что она означает твоя молдавских корней фамилия?» – «Этимология её такая: скрипнувшая дверь...»

Дверь тихонько скрипнула и навсегда закрылась. Ушёл из жизни один из самых ярких журналистов страны. Осталось Имя. Остались строчки. Книги. Остался пример для всех тех, кто хочет прийти в нашу замечательную профессию.

Григорий ДИЛЬДЯЕВ
г. Алматы

На снимке: корреспонденты «Правды» на партийном съезде. Слева направо: Е. Зайцев, Ю. Кириницианов, Г. Дильдяев

«Аргументы и факты. Казахстан», 26.03.2019 г.

ПРЯМАЯ РЕЧЬ

Выстоять! Чтобы состояться...

Когда мне исполнилось восемнадцать лет, я окончил первый курс родного журфака КазГУ. Две заметки в университетской многотиражке плюс природное нахальство казались мне весьма убедительными аргументами в пользу того, чтобы штурмовать вершину, недостижимую мечту под названием «Ленинская смена».

Я, конечно же, не заметил, что мечта пахла вчерашним «Агдамом» и пыльными подшивками, что грязные лестницы угрожающе скрипели, а двери болтались на кривых петлях. Какое это имело значение... Здесь со мной разговаривали как с равным и даже попросили написать нечто важное и ответственное. Вполне возможно, репортаж о ленинском субботнике...

Сейчас это кажется невероятным, но в «Ленсмену» меня ввела Шолпан Сармурзина, худенькая девочка в скромном платьице. Много позже доктор каких-то наук, доцент (или профессор) поймает меня на очередной журналистской тусовке и выговорит за какую-то статью. Боже правый, я совсем не услышу её, эту сердитую и серьёзную даму. Потому что первая «крёстная» – это как первая любовь. А всё, что было потом, – это неважно...

Шолпан – ещё та, самая прекрасная в мире девочка снимает телефонную трубку и позвонит кому-то. И я услышу о собственной персоне такие слова, которых, если честно, не заслуживаю и сегодня. И способный, и талантливый, и ещё чего-то там. Теперь так о молодых не говорят. Другой век. Другие нравы.

После того звонка жизнь приобрела смысл. Меня стала печатать настоящая газета, хотя и студенческая – «Ленинская смена» на студенческой стройке». Меня не только хвалили, но и правили безжа-

лостно. Сокращали. Впрочем, это только подхлестывало моё честолюбие. Спасибо, Шолпан. Спасибо, «Ленсмена».

Эта газета ещё обогреет и приободрит, и спасёт – не однажды.

...После окончания курса наук мы с женой, счастливые обладатели красных дипломов, попали по распределению в провинциальный город Д. Здесь кончалась железная дорога, а мне казалось, что остановилась моя молодая жизнь. «Районка» – этим сказано всё. Хмурые физиономии на обледенелых улицах, холод, свист ветра... Город строили зеки, а после срока оставались в нём навсегда. Мы жили вместе: «условники» и вполне нормальные, законопослушные граждане. Общежитие: две кровати с продавленными панцирными сетками, два стула, колченогий стол. Запах подгоревшей картошки из общей кухни и борщ из стеклянной банки, которым жена честно пыталась меня накормить. Что спасло? Ну, конечно же, «Ленсмена», которую я бомбардировал своими материалами. Дело в том, что накануне отъезда в город Д. меня поймал заместитель ответственного секретаря Витя Колодочко и, аккуратно дыша в сторону, произнёс всего два слова: «Старик, паши!» И я старался. Вечная тебе память, Витёк. Виктор Васильевич. Свою жизнь в «Ленсмене» он прожил, как умел и был, наверное, одной из самых ярких звёзд на её небосклоне. Уже потому, что умел светить другим.

Это ведь благодаря Колодочке прорезался через метельную заснеженную муть голос Василия Яковлевича Голованова, главного редактора. Меня взяли собкором по двум целинным областям. И с тех пор я не знаю лучшей работы, чем быть собкором...

В «Ленсмене» я встретил своего главного редактора – Фёдора Фёдоровича Игнатова. В своё второе «пришествие», когда мне доверили казахстанские пашни и зеленя, Игнатов безжалостно выпалывал сорняки пустословия и чертополохи красотостей, шлифовал мои произведения. Возвращал рукопись с сокращенными предложениями, а то и страницами. Ну как тут стерпеть молодому дарованию? Когда моя обида и злость утихали, он садился рядом. И объяснял, почему выбросил то и это.

Что в нём нравилось? Он всегда поддерживал идеи, самые сумасшедшие, если видел в них рациональное зерно.

Я помню, как мы с Володиёй Гречаниным, Васей Елисеевым, фотокором Герой Переплётчиковым полтора месяца кочевали по республике, буквально «перепахали» своими строчками всю казахстанскую ниву. Не было спасения читателям от молодых пацанов. От колхозного тока к полеводческой бригаде, от фермы к рисовым по-

лям на райкомовских «газиках» и попутках мы добирались до первого ближайшего телефона и диктовали стенографисткам – «с пылу, с жару». Мы похудели и осунулись, мы устали дико. Но выстояли, чёрт возьми!

А с какими людьми сроднила меня судьба, благодаря корреспондентскому билету «ЛС»! Жансултан Демеев, комбайнёр из совхоза имени Павлова Костанайской области. Немногословный и неторопливый, он садился за штурвал своей «Нивы» и забывал обо всём, кроме своего поля. А после баньки наливали по рюмке водки, приговаривая «кишкентай», то есть «понемногу»... Его сыновья Ми-раш и Сункар во всём стремились походить на отца, тоже выбрали нелёгкую профессию хлебороба. Володя Дитюк и Валера Масликов, бригадиры. Они были для молодых пацанов и отцами, и старшими братьями. «Ну кто-то же должен с ними нянькаться!» – так объяснял своё жизненное кредо первоцелинник и Герой Соцтруда Владимир Дитюк, когда кто-то из молодых оставлял на стерне драгоценные ко-лосья.

Для этих людей, преданных земле до кончиков своих проку-ренных ногтей, хлебный или рисовый колос был чем-то неизмеримо большим, чем обычный злак, чем исходный материал для выполне-ния плана. Помню, как Аблай Сейтенов, молодой рисовод из совхоза «Теренозекский» Кызылординской области, выбрал несколько де-сятков самых лучших, самых отборных колосьев – для своего ново-го друга Нгуен Тюнь Зунга, с которым познакомился в Алма-Ате на фестивале советской и вьетнамской молодёжи. Позже я побывал во Вьетнаме. Зёрна из Казахстана дали хорошие всходы.

Конечно, во всех этих субботниках и фестивалях, трудовых вахтах и ленинских зачётах был элемент лукавства. Мы как бы снис-ходили до забав взрослых дядей, которые играли в развитой соци-ализм. Но была и работа – честная, серьёзная, ответственная. Была вера – в товарища, в любимую профессию, в свою страну. Как жаль, что многое мы потеряли!

Рискую показаться наивным, но мне бывает жалко тепереш-них мальчиков, которые черпают все премудрости жизни из персо-нальных компьютеров. Глупо, конечно, плевать против ветра, идти против прогресса. Но та далёкая «Ленсмена» и сегодня «живее всех живых». Уж точно ярче и талантливее многих аккуратных современ-ных изданий, которые напоминают пересушенный гербарий – ни цвета, ни запаха...

После «Ленсмены» я прошёл четыре московские газеты, сей-

час работаю в пятой. Жизнь била и ломала так, что держись. Но те первые, самые главные уроки мастерства, которые я получил в этой газете, помогли выстоять. И в конце концов – состояться. В «Ленинской смене» я впервые узнал, как отзывается твоя заметка: радостью или болью. Здесь я научился ценить дружбу и слово. Как говорил наш главный «дядя Фёдор», научился «стыковать абзацы». Вот так складывалась моя жизнь – по абзацу, по заметке. И она давалась мне не просто. Но зато я узнал замечательных людей, коллег, с которыми и сегодня могу общаться без всяких «напрягов» (так, кажется, сейчас говорят): Серёжу Борисова, Женю Гусярова, Олега Квятковского. Да что говорить, вся наша семья прошла через это «чистилище».

Я помню, с каким нетерпением и лёгкой завистью открывал газету, когда там публиковался мой сын. Друзья подначивали: «Он пишет лучше тебя...» Но ведь это нормально: сыновья должны быть умнее и талантливее отцов, пойти дальше, прожить более яркую и осмысленную жизнь. Тем более что мы оба родом из «Ленсмены»...

Сборник «Моя Ленсмена», 2001 г.

Занятия с юнкорами редакции районной газеты «Авангард», г. Джетыгара

В редакции газеты «Рабочая трибуна», г. Москва

XXX

Рождён я в «Ленсмене».
Люблю я «Ленсмену»,
И чувство моё – глубоко, неизменно.
Воспитан на братстве,
Запомню её,
Крепил я «Богатство
Твое и моё»,
Был путь мой нелёгок,
Был путь мой тернист,
Лягнул меня как-то
Журнал «Журналист»,
Село вызывал я,
И голос мой креп,
И я зарабатывал
Трудный мой «Хлеб»,
Грустить понапрасну
И зныкать – без толку!
Что же, каждый уходит в свою «Комсомолку»...
Да, жизнь обращается
С нами сурово,
И пусть мы не Гехи,
И не Бочаровы,
И пусть я старею,
И пусть я лысею...
Я верю в «Ленсмену»,
Я верен «Ленсмене».

Р.С. Это стихотворение было написано автором, как говорится, на ходу, в день ухода из «Ленсмены» на должность собственного корреспондента «Комсомольской правды» по Казахстану (6 февраля 1978 г.)

«Взлётная полоса» Шестого этажа

В «Комсомолку» я попал только с третьей попытки...

В Алма-Ату, где я учился в местном университете, приехал новый собкор самой лучшей газеты страны – «Комсомольской правды». Да, существовали и «Правда», и «Известия». Но «Комсомолка» конца шестидесятых выгодно отличалась броскими заголовками, злободневными материалами. А главное – упругим, ясным и красивым русским языком. Одним словом, «Комсомолка» для студента провинциального журфака была чем-то вроде звезды Альфа Центавра.

Посланца далёкой цивилизации звали Юрий Шакутин. В его манере общения не было ни капельки столичного высокомерия, чванства, обидной снисходительности. Возможно, поэтому я не запомнил его отчества. Он пришёл на факультет, выступил перед студентами. Сказал: «Меня зовут Юрий». Так и пошло. Вокруг него образовался кружок из студентов, будущих журналистов. Позже я узнал, что и небожителям досаждают душевные раны: Шакутин развёлся, привёз в Алма-Ату молодую жену. И общение со студентами было ему не в тягость. Правило для общения было предельно простым: к нему домой можно было прийти с бутылкой сухого вина. Водка тоже приветствовалась. А ещё лучше – с темой будущего материала. Я к тому времени уже сотрудничал с газетой «Ленинская смена» на студенческой стройке», где мне ещё до окончания вуза завели трудовую книжку. Тема для «Комсомолки» родилась сама собой.

В 1959 году в Северный Казахстан, в Булаевский район, приезжали первые бойцы ССО – 459 человек, студенты МГУ. Построили дома и кошары. Помнят ли о них благодарные сельчане? Может, какой памятник или монумент установили по случаю 10-летия стройотрядов, который в Москве и в Алма-Ате отметили с привычным комсомольским размахом? Однако у местного начальства память оказалась слишком короткая. Ну ладно, музей можно было и не

возводить. Но прибить табличку на фасаде можно было без особых усилий и материальных затрат. О чём я сбивчиво и поведал своему наставнику. «Садись. Пиши», – велел он мне.

В моём «произведении» Шакутин что-то убрал, что-то, наоборот, добавил. И материал засверкал. Опубликовали его быстро. Как сейчас помню. Широкая колонка – сверху донизу. Шум в республике был приличный. Но поскольку партийные органы мы не трогали, всё кончилось относительно благополучно. (Была такая установка в «Комсомолке»: даже парторга совхоза – в случае критики – называли туманно «одним из руководителей хозяйства».) «Организую я тебе стажировку» – пообещал Шакутин. И слово своё сдержал. А тут уже и диплом подоспел. Распределение – в Кустанай. Но наступило лето, стройотрядовская пора. И я рванул в Москву. Определили меня по наметившейся специализации – в студенческий отдел. Возглавлял его тогда Ким Смирнов, который вечно куда-то спешил и всегда опаздывал. В замах у него была милейшая Зоя Васильцова, будущий многолетний главный редактор популярного в СССР журнала «Работница». А конкретное руководство непонятно откуда взявшимся стажёром осуществляла жёсткая Елена Лосото. «Куда поедешь?» – спросила она меня низким прокуренным контральто. «Давайте начнём с буквы «А», – нахально предложил я. Всю свою сознательную жизнь я, сын молдаванина и украинки, прожил в Казахстане. И Россия представлялась мне огромным загадочным пятном. Какая разница, куда ехать. Так я попал в Архангельск.

Белые ночи, Соловки, комары размером с кулак – всё это я пропускаю. На одном из железнодорожных полустанков судьба свела с командиром студенческого отряда Игорем Пузырёвым. Сорок лет прошло. А помню его как будто виделась вчера. Крепкий увалень с огромными мужицкими руками и высоким лбом интеллигента. О чём мы только не говорили! О ленивых снабженцах и о Витьке, лучшем каменщике с пятого курса. О поставках кирпича и последних стихотворениях Евтушенко. О том, как накормить, устроить и элементарно просушить студенческую ораву. Дожди висели над посёлком сплошной пеленой. Ноги вязли в грязи. За стеной горланили пьяные лесорубы, радуясь дополнительным выходным: «Мы по Няндоме идём, ни к кому не пристаём. Все мы председатели. Катись! К тебе не пристаём». Радовал слух и другой образчик народного фольклора: «В небе спутники летают. Долетают до небес. И, конечно, прославляют твою мать – КПСС».

Станным образом, но это не мешало нам говорить о преимуществах и недостатках социалистической экономики. О том, каким

чудесным образом изменится жизнь лет через 20–30. В стране пробивали себе дорогу косыгинские реформы, которые ещё предстояло похоронить бровастому генсеку. Тогда в вузах появились удивительные факультеты. Вот почему свои пространные впечатления я назвал «Оргфак Игоря Пузырёва». Где, конечно, среди прочего, заклеил отдельные недостатки, мешающие жизни и деятельности талантливого управленца. В ту минуту, когда я поставил точку в своём очерке размером с газетную полосу, сам себе казался храбрым ниспровергателем основ и бесспорно великим журналистом. Но в «конторе» почему-то не разделили моего энтузиазма. Лосото посмотрела с состраданием, как на тяжелобольного человека. Зоя что-то мило прощebetала и упорхнула. Ким Смирнов, как бы сейчас сказали, был постоянно «вне зоны доступа». Шакутин к тому времени переехал в Москву, возглавил отдел сельской молодёжи. У него началась московская жизнь, которая разительно отличалась от наших посиделок в разнеженной яблочной Алма-Ате.

Все в один голос советовали сократить бессмертное творение до... ста строк! Чего я сделать не мог физически. Ну не мог, потому что...

Да чёрт знает, почему! Прожив жизнь в профессии, проработав в пяти московских газетах 31 год и сократив бесчисленное количество своих и чужих материалов, я и сам толком не понимаю, что тогда со мной произошло. Мне казалось, что все наши разговоры, сомнения и открытия важны не только для нас. Вырубая свои искренние, хотя, вполне возможно, в чём-то беспомощные строчки, я ампутую что-то важное в своей душе, без чего нельзя.

Я написал какую-то другую информацию, чтобы отчитаться за командировку. Её даже «заслали». Кстати, на Шестом (его, как имя собственное, принято было обозначать с большой буквы) этаже издательства «Правда», где располагалась «Комсомолка», это слово звучало волшебным. А если ещё и появлялись гранки – оттиснутый на бумаге текст – уже можно было ходить с гордо поднятой головой. Но закончилось всё печально. Не в силах выдержать груза своих гениальных строк, я отправил их в родную газету, которая издавалась в Алма-Ате. Там их немедленно напечатали. В полном объёме. На разворот.

В Архангельске удивились: вроде приезжал корреспондент из «Комсомолки», а статья появилась почему-то в Казахстане? С какой стати? Пара телефонных звонков – в ЦК ВЛКСМ и в «Комсомолку» всё расставила по местам. Бледный и растерянный, сидел я почему-то у

Эдуарда Зоринянца, заместителя ответственного секретаря. И хозяин кабинета тихим бесцветным голосом объяснял мне всю тяжесть моего проступка: «Не оправдал. Подвёл. Опозорил». После того, что произошло, мне следует немедленно покинуть редакцию.

Абсолютно раздавленный, я вывалился из кабинета, понимая, что больше никогда не пройду по узкой полосе коридора Шестого этажа. Для кого-то он стал взлётной полосой. Для меня – разбитой надеждой. Первой в моей 22-летней жизни. Никто ведь не объяснил мне, что она состоит не только из взлётов, но и падений. А их приблизительно поровну...

Мы с Зоринянцем одинаково ошиблись. Уже в 1977 году я приехал на стажировку в отдел сельской молодёжи «Комсомолки». Встретила заведомом Люба Ульянова. Строгая, в очках, похожая на учительницу из провинции. Мы подробно обсудили тему, возможные повороты её. Отправили меня на сей раз в Псков – по читательскому письму. Повезло: заметку в «Комсомолке» напечатали. Ура! И мне предложили собкорство в Молдавии. Но жена, собкор «Пионерки» по Казахстану, отказалась наотрез туда ехать. Пятилетний сын был той гирькой, которая спасла наш брак. Все мои знакомые крутили пальцем у виска: ну ладно, можно не поехать в Сибирь – но в Молдавию!? На мне поставили крест. Но на будущий год освободилось место собкора «Комсомолки» в Алма-Ате. Мою кандидатуру в газете рассматривать отказались. За меня замолвил слово первый секретарь ЦК комсомола Казахстана Закаш Камалиденов, которому нравились мои острые материалы в местной молодёжке. И снова судьба развернулась ко мне лицом. Когда пришла пора оформлять документы, заведующий корреспондентской сетью Алексей Васильевич Быстров, сам бывший собкор «Комсомолки» на Кубани, выставил из кабинета своих помощниц – Валю Петрову и Галю Галлай. И недобро улыбаясь, сказал: «Я был категорически против тебя. Хочу, чтобы ты это знал. Представляешь, как ты должен работать?». Я догадывался. К слову, Быстров первым пришёл ко мне в Боткинскую больницу с апельсинами и минералкой, когда я заболел гепатитом В. Заразу занесли, когда кололи витамины...

Вот так, с Боткинской больницы и напутствия непосредственного начальника началась моя «взлётная полоса» в «Комсомолке».

Теперь собкоров у газеты нет, а есть представительства. Удивительно, но в казахстанском выпуске значитс «Газета моей республики». Почему только республики – не знаю. Моя «Комсомолка» по-прежнему «всехняя», а не только казахстанская.

...Одна знакомая журналистка, приехавшая из провинции, рассказывала: «Иду по улице. Вижу вывеска – «Комсомольская правда». Зашла, спросила: нужны журналисты?» – « И что, взяли?» – спрашиваю с некоторым недоумением. «Взяли!» – отвечает радостно.

Значит, теперь можно взлетать с места, как вертолёт, без лишнего разбега по «взлётке». Раз – и ты на высоте!

Сайт Клуба журналистов всех поколений «Комсомольской правды», октябрь 2018 г.

Я мечтаю...

Наверное, человек, пустившийся в плавание по бурному морю издательского бизнеса, просто обязан внятно объяснить читателям (да и самому себе), зачем тебе это надо? Мне во всяком случае уже надоело отвечать на вопросы моих докучливых знакомых. И то: в стране явное перепроизводство печатной продукции. Газетной прежде всего. На различные вкусы и потребности. Разного политического спектра и разного цвета, причём, не только в буквальном смысле. Есть пресса «жёлтая». Есть для «красных», которые ничего не поняли, ничему не научились. Кажется, даже «голубые» газеты, и те присутствуют. Я же собираюсь издавать ни то ни другое, ни третье... «Тогда что же?» – ехидно спросит меня пристрастный читатель? А я отвечу так... Я отвечу, что никогда не был в Новой Зеландии. Но, рассказывают, что там, в аэропорту столичного Веллингтона висит удивительная карта мира. Вот Вы, любезный читатель, как представляете эту небольшую страну на географической карте? Правильно, и я так же: в правом нижнем углу, где-то «неподалёку» от Австралии и Антарктиды. А новозеландцы считают, что они в центре мира, а все остальные – по бокам. Потому что гордятся своей чистой и ухоженной страной. И разве откажешь им в логике?

Когда-то великий темнокожий проповедник и учёный Мартин Лютер Кинг собирал многотысячные толпы таких же темнокожих соплеменников и выговаривал речитативом: «Я мечтаю, чтобы все мы были свободными...Были счастливыми...Чтобы мы были богатыми в Америке, как её белые граждане». И люди внимали ему. А когда он замолкал, умоляли: «Помечтай ещё...» И я мечтаю о том мире, в котором мы будем жить, – без границ и таможен. Без унижения в очередях у посольств и у пропускных пунктов на границе. Я мечтаю о том, чтобы два дружественных государства, два братских народа – русские и казахи – жили в мире и согласии, не омрачая свой исторический выбор «стальными», «цементными» и прочими войнами. Чтобы

журналисты не опускались до мелких издёвок и крупных «подстав». Русский по языку и образованию, я часто ощущаю себя казахом. Потому что родился здесь, никуда не хочу уезжать. Потому что люблю южную разнеженность Алма-Аты, загадочную и величавую красоту Рудного Алтая, ядрёную свежесть леса – в Боровом. И потому я мечтаю! Я верю – пусть не сегодня, не сейчас, верю, что остальной мир разместится вокруг двух крупных держав на евразийском материке. Как Новая Зеландия на той самой карте. Наивно? Смешно?

Но ведь сбылась великая американская мечта потомков рабов. Сегодня афроамериканцы – равные среди равных. Президенты компаний, сенаторы, бизнесмены. Попробуй назвать его «негром»! Это в русском языке слово «негр» не носит уничижительного смысла. А в Америке свои порядки. Можешь запросто схлопотать по физиономии, а то и загреметь в тюрьму. А значит, прав оказался великий мечтатель Кинг? Вот и нас пусть рассудит время, мой недоверчивый читатель. У нас с тобою много дел. Давай присядем на дорожку. И – в путь!

«Весь мир», № 0 (октябрь 2002 г.)

WHOLE WORLD www.gazeta-vesmir.info

Министерство культуры Республики Беларусь 7 2007 год

Образование
ВОЛК ПАНКИ:
 "Зачем вы работаете в школе?"

НАНОТ
Эксперт Кармелита
 "Зачем вы работаете в школе?"

ВОПРОС НОМЕРА
 "Во сколько вы приходите в школу?"

Философия
 "История изобретения"

Политика
 "ЛЮБЫЗАН: Кипарисы устроили"

Вопросы для неспециалиста
Дроседа всё и в Хамбург

Хамбург Хамбург

ИЗДАНИЕ

НОВОЕ ФОТО

кто в газете "Весь мир"

сказ про нас
 атом и про газ

какой лучший пример Французского задания? Вопросы: кто и почему? С чем вы согласны?

Лучше гор может быть...
 только сама жизнь
 о том нежно пламя де фризиферич

фото от 1954 г.

фото автора и фото

Из опыта ВМ
 Фрэнклинс. Идея
 Янков (или наоборот)

стр 4

ОКТАБРЬ = МАЙ 2007

XXX

Из дома вынута душа
И смех, и лёгкие придирки,
И разговоры не спеша,
И общей жизни половинка...

Куда ушёл, не дотянусь,
Во всяком случае, сегодня,
Не докричусь, не прикоснусь
Ни в будний день, ни в новогодний.

Но только голос не уйдёт,
И почерк весело летящий,
Всё это нас с тобой спасёт
И в будущем, и в настоящем...

Светлана Синицкая

Такая короткая долгая жизнь...

Кириницианов Юрий Иванович родился 5 марта 1949 года в г. Семипалатинске. Мать, Елена Ивановна (1911–1983) была врачом-бактериологом. Отец, Иван Дмитриевич (1909–1983) работал инженером-железнодорожником. Участник Великой Отечественной войны.

В 1963 году семья переехала в Караганду, где Юрий окончил с серебряной медалью среднюю школу №63. В 1966 году поступил в Казахский государственный университет имени С. М. Кирова, на факультет журналистики и с отличием окончил его в 1971 году. По распределению поехал работать в город Джетыгару (Кустанайская область) заведующим отделом культуры в районной газете «Авангард». С 1972 года – собственный корреспондент в республиканской газете «Ленинская смена» (ныне «Экспресс К») в Кустанайской и Тургайской областях. С марта 1974 по сентябрь 1975 года – главный редактор газеты «Ленинская смена» на студенческой стройке». С 1975 по 1978 год – заведующий отделом сельской молодежи «Ленинской смены».

С 1978 года работал собственным корреспондентом «Комсомольской правды», «Правды», «Строительной газеты», «Рабочей трибуны» и «Российской газеты» по Казахстану. В последние годы был политическим обозревателем, а затем главным редактором газеты «АиФ. Казахстан». В качестве журналиста побывал во всех странах бывшего СССР и в 14 странах мира.

Награждён медалями «За трудовую доблесть» и «20 лет независимости Республики Казахстан». Лауреат премии Союза журналистов Казахстана и России. Отмечен благодарностью Генерального секретаря Евразийского экономического сообщества Григория Рапоты – за большой творческий вклад в развитие партнёрства и взаимопонимания между государствами ЕврАзЭС. (Беларусь, Казахстан, Кыргызстан, Россия и Таджикистан). В июне 2006 года отмечен благодарностью Первого Президента Республики Казахстан – Елбасы Н.А. Назарбаева – за «активное освещение процессов интеграции и развития Евразийского экономического сообщества». В декабре 2006 года награжден Почетной грамотой министра иностранных дел Республики Казахстан Касым-Жомарта Токаева «за вклад в освещение и пропаганду внешнеполитического курса Казахстана и в честь Национального

праздника - 15-летия независимости Республики Казахстан». В декабре 2009-го награждён медалью Министерства образования Российской Федерации «Михаил Александрович Шолохов». В апреле 2013 года получил российскую памятную медаль «100 лет газете «Правда». Являлся членом правления общественного объединения «Совет мира и согласия Республики Казахстан». В марте 2014 года Российский фонд мира наградил его орденом Мира. В мае того же года получил Почётный знак Союза журналистов России «За заслуги перед профессиональным сообществом».

В 2012 году Указом Президента Республики Казахстан присвоено почётное звание РК «Қазақстанның еңбек сіңірген қайраткері» - «Заслуженный деятель Республики Казахстан».

В 2002 году учредил международную газету «Весь мир», которая выходила до декабря 2018-го. Главными темами были содружество Казахстана и России, евразийство, политика, экономика, образование, наука и культура. Её читали в 20 странах мира...

Автор нескольких документальных фильмов и книг: «Философская гостиная», Алматы, ИФПР, 2013; «Меняется мир. Меняемся мы» Алматы, КИСИ, 2013; «Евразийская интеграция». Алматы, КИСИ, 2014.

Ушёл из жизни 15 февраля 2019 года.

Казахстанский институт стратегических исследований (КИСИ) при Президенте Республики Казахстан создан Указом Президента Республики Казахстан 16 июня 1993 года.

С момента своего возникновения основной задачей КИСИ является прогнозно-аналитическое обеспечение стратегических аспектов внутренней и внешней политики Республики Казахстан.

КИСИ является единственным казахстанским «мозговым центром», вошедшим в основной рейтинг «Global Go To Think Tank Index Report» Пенсильванского университета (2018 г.), заняв 142 место среди 8162 мозговых центров мира.

За 26 лет деятельности Институтом было издано более 300 книг по международным отношениям, проблемам глобальной и региональной безопасности. В КИСИ издаются три журнала: «Қоғам және Дәуір», «Казахстан-Спектр», «Central Asia's Affairs». Институт располагает собственным сайтом на трёх языках: казахском, русском и английском, а также ведёт аккаунты в социальных сетях Facebook и Twitter.

КИСИ является уникальной международной экспертной площадкой, где ежегодно проводится ряд научно-практических мероприятий, посвящённых актуальным проблемам мировой политики и экономики. В научных форумах Института принимают участие авторитетные эксперты из стран Центральной Азии и дальнего зарубежья.

Адрес и контактные телефоны КИСИ:

Республика Казахстан, 010000
г. Нур-Султан, ул. Бейбітшілік, 4
Тел.: +7 (7172) 75-20-20
Факс: +7 (7172) 75-20-21
E-mail: office@kisi

KAZ_ISS

ISS.Kazakhstan

www.kisi.kz,

www.kaziss.kz

Свой голос. Памяти журналиста: сборник статей, интервью и воспоминаний

Редактор-корректор – Н. А. Ткаченко
Дизайн обложки – Р. О. Кон
Вёрстка – Т. Ф. Ладченко

Формат 60x84/16.
Бумага офсетная.
Печать офсетная. Печ.л. 12.
Тираж 500 экз.

Казахстанский институт стратегических исследований
при Президенте Республики Казахстан
010000, Астана, ул. Бейбітшілік, 4

Изготовлено ТОО «Надежда 2050»
г. Кокшетау, ул. Баймуканова, 3.